

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Владимирский государственный университет

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ РУСИ

В 2 частях

Часть 2

Составитель профессор В.В. Гуляева

Владимир 2006

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Х91

Рецензенты

Доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой отечественной истории
Владимирского государственного педагогического университета
Г.П. Аннин

Кандидат исторических наук, доцент
Владимирского государственного университета
Н.В. Киприянова

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Владимирского государственного университета

Хрестоматия по истории Руси. В 2 ч. Ч. 2 / сост. проф.
Х91 В. В. Гуляева ; Владим. гос. ун-т. – Владимир : Изд-во Владим. гос.
ун-та, 2006. – 120 с. – ISBN 5-89368-637-3

В первой части хрестоматии опубликованы документы по истории России с древнейших времен до второй половины XIII в.

Вторая часть объединяет материалы, посвященные периоду борьбы русских земель и княжеств с монгольскими завоевателями и крестоносцами в XIII в. и до образования российского государства в XVI – начале XVII в. Наряду с известными представлены источники, ранее не включавшиеся в документальные учебные пособия. Многие документы относятся к истории нашего края – Северо-Восточной Руси.

Предназначена для студентов, учащихся старших классов средней школы, абитуриентов, всех интересующихся отечественной историей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 5-89368-637-3

© Владимирский государственный
университет, составление, 2006

Содержание

БОРЬБА РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ И КНЯЖЕСТВ С МОНГОЛЬСКИМИ ЗАВОЕВАТЕЛЯМИ И КРЕСТОНОСЦАМИ В XIII в.	5
Битва на Калке в 1223 г. (по Галицко-Волынской летописи).....	5
Сражение на реке Сити (4 марта 1238 г.)	7
Нашествие Батыя на Русь (1237 – 1240 гг.).....	7
Повесть о разорении Рязани Батыем.....	11
Организация, вооружение и тактика монголо-татарского войска (из книги «История монголов» Плано Карпини, итальянца, монаха, по- сланного в 1246 г. римским папой к монголо-татарам в качестве мис- сионера).....	18
Взятие городов Владимира и Суздаля монголо-татарами (из Лавренть- евской летописи)	20
Основание города Риги (1201 г.) и учреждение Ордена меченосцев в 1202 г. (из Ливонской хроники)	21
Невская битва (15 июля 1240 г.) (Из «Сказания о подвигах и жизни ве- ликого князя Александра Ярославича Невского»)	21
Ледовое побоище (5 апреля 1242 г.) (из Симеоновской летописи)	22
Житие Александра Невского (1220 – 1263 гг.). Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра	24
Ярлык, данный от капчакского царя Манту Тимура российским митро- политам и священнослужителям: об освобождении их от всякой дани и налогов, об уважении богослужения их, и об удержании татарских чи- новников от обид им и утеснения, с угрозением за нарушение сих прав смертною казнию (предположительно между 1270 – 1276 гг.)	31
Татарская перепись в Новгороде (1257 – 1259 гг.)	32
РУССКИЕ ЗЕМЛИ И КНЯЖЕСТВА В КОНЦЕ XIII – XV в.	34
Обращение московского князя Дмитрия Ивановича к князьям накануне Куликовской битвы.....	34
Куликовская битва (8 сентября 1380 г.) (из повести «Сказание о Ма- маевом побоище»).....	34
Московское княжество	36
Василий I Дмитриевич	37
Василий II	41
Василий Дмитриевич Кирдяга.....	45
Василий Ярославович.....	45
Уставная грамота митрополита Киприана Владимирскому Царевокон- стантиновскому монастырю, 1391 г., октября 21	45
Свержение монголо-татарского ига (1480 г.) (из «Софийской второй летописи»)	47
Житие Сергия Радонежского	48
Жалованные грамоты великого князя Ивана III на земли и поместья	55

Судебник 1497 г. о крестьянах и холопах	56
Повесть о Шевкале (1326 – 1327 гг.)	57
Задонщина. Слово о великом князе Дмитрие Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче, как победили супостата своего царя Мамаю	58
Феодалная война в России середины XV в. (из Симеоновской летописи)	66
Правители России в XVI – начале XVII вв. (версия)	72
О походе на Новгород московских войск в 1471 г.	73
Повесть о стоянии на Угре.....	76
Присоединение Твери к Москве (1485 г.)	79
Присоединение Вятки к Москве (1489 г.)	79
ОБРАЗОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVI – НАЧАЛЕ XVII в.....	80
Грамота Великаго Князя московского Василия Иоанновича о пожаловании Прокофью Апраксину города Гороховца в наместничье кормление. Около 1508 г.	80
Жалованная грамота Великаго Князя Василия Иоанновича Владимирскому Дмитриевскому Собору о недопустимости церковного причта и крестьяне великокняжеским и митрополичьим наместникам, об освобождении церковных людей от пошлин и повинностей, с дозволение собирать на просфору ругу с великокняжеских сел, и о безъявочном выезде в незаповедные иса. 4 марта 1515 г.....	80
Жалованная грамота Великаго Князя Василия Иоанновича Троицкому Сергеиву монастырю об освобождении монастырских сел, деревень и соляных варниц в Переславском уезде и дворов в городе Переславле от пошлин и повинностей, а живущих в оных людей от суда наместников и волостей, и проч. Дек. 1517 г.....	80
Грамота Великаго Князя московского Василия Иоанновича о пожаловании Фед. Андр. Карамышеву Лиственаго и Судогды в кормление. Ок. 1529 г.	81
Присоединение Пскова к Москве (1510 г.)	81
Сказание о великих князьях Владимирских Великой Руси (начало XVI в.).....	82
Послание великому князю Василию об исправлении крестного знамения и о содомском блюде (начало XVI в.)	86
Восстание 1547 г. в Москве (по Царственной книге).....	89
"Пискаревский летописец" о деятельности Адашева и Сильвестра.....	92
"Избранная тысяча" (1550 г.).....	93
Ограничение местничества (1550 г.).....	94
Учреждение стрелецкого войска (1550 г.).....	95
Создание дворянского ополчения (Уложение о службе 1556 г.).....	96
Судебник (1550 г.)	97
Стоглавый собор (1551 г.).....	100
Отмена кормлений (1556 г.).....	105
Курбский А.М. История о великом князе Московском (1573 г.).....	106
Учреждение опричнины (1565 г.) (по Никоновской летописи)	110
Послесловие к "Апостолу" (1564 г.)	116
Быт русской семьи по "Домострою" (XVI в.)	118

БОРЬБА РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ И КНЯЖЕСТВ С МОНГОЛЬСКИМИ ЗАВОЕВАТЕЛЯМИ И КРЕСТОНОСЦАМИ В XIII в.

Битва на Калке в 1223 г (по Галицко-Волынской летописи)

Пришло неслыханное войско, безбожные маовитяне, называемые татарами; пришли они на землю Половецкую. Половцы пытались сопротивляться, но даже самый сильный из них Юрий Кончакович не мог им противостоять и бежал, и многие были перебиты – до реки Днепра. Татары же повернули назад и пошли в свои вежи. И вот когда половцы прибежали в Русскую землю, то сказали они русским князьям: "Если вы нам не поможете, то сегодня мы были побиты, а вы завтра побиты будете".

Был совет всех князей в городе Киеве, и решили на совете так: "Лучше нам встретить их на чужой земле, чем на своей". На этом совете были Мстислав Романович Киевский, Мстислав Козельский и Черниговский и Мстислав Мстиславич Галицкий – они были старейшими князьями Русской земли. Великого же князя Юрия Суздальского на том совете не было. А младшие князья были Даниил Романович, Михаил Всеволодич, Всеволод Мстиславич Киевский и иных князей много. Тогда же крестился великий князь половецкий Басты. Василька там не было, он по молодости остался во Владимире. Оттуда пришли они в апреле месяце и подошли к реке Днепру, к острову Варяжскому. И съехалось тут с ними все кочевье половецкое, и черниговцы приехали, киевляне и смоляне и иных земель жители. И когда переходили Днепр вброд, то от множества людей не видно было воды. Галичане и волынцы пришли каждый со своим князем. А куряне, трубчане и путивльцы, каждый со своим князем, пришли на конях. Изгнанники галицкие прошли по Днестру и вышли в море – у них была тысяча лодок, – вошли в Днепр, поднялись до порогов и стали у реки Хортицы на броне у быстрины. С ними был Юрий Домамирич и Держикрай Владиславич.

Дошла до стана весть, что пришли татары посмотреть на русские ладьи; услышав об этом, Даниил Романович погнался, вскочив на коня, посмотреть на невиданную рать; и бывшие с ним конники и многие другие князья поскакали смотреть на нее. Татары ушли. Юрий сказал: "Это стрелки". А другие говорили: "Это простые люди, хуже половцев". Юрий Домамирич сказал: "Это ратники и хорошие воины".

Вернувшись же, Юрий все рассказал Мстиславу. Молодые князья сказали: "Мстислав и другой Мстислав, не стойте! Пойдем против них!" Все князья, Мстислав и другой Мстислав, Черниговский, перешли через реку Днепр, к ним перешли и другие князья, и все они пошли в половецкую степь. Они перешли Днепр во вторник, и встретили татары русские полки. Русские стрелки победили их, и гнали далеко в степь, избивая, и захватили их скот, и со стадами ушли, так что все воины обогатились скотом.

Оттуда они шли восемь дней до реки Калки. Встретили их татарские сторожевые отряды. Когда сразились сторожевые отряды, был убит Иван Дмитриевич и еще двое с ним.

Татары отъехали; около самой реки Калки встретились татары с русскими и половецкими полками. Мстислав Мстиславич повелел сначала перейти реку Калку Даниилу с полком и другим полкам с ними, а сам после них переехал; сам он ехал в сторожевом отряде. Когда он увидел татарские полки, то приехал сказать: "Вооружайтесь!" Мстислав Романович и другой Мстислав сидели и ничего не знали: Мстислав им не сказал о происходящем из-за зависти, потому что между ними была большая вражда.

Сошлись полки вместе. Даниил выехал вперед, и Семен Ольевич и Василько Гаврилович ударили в полки татарские, и Василько был ранен. А сам Даниил, будучи ранен в грудь, по молодости и храбрости не почувствовал ран на теле своем. Ему было восемнадцать лет, и он был силен.

Даниил крепко боролся, избивая татар. Увидел это Мстислав Немой и, подумав, что Даниил ранен, сам бросился на них, ибо был он муж сильный; он был родственником Роману от рода Владимира Мономаха. Он очень любил отца Даниила, а тот поручил ему свою волость после своей смерти, чтобы отдать ее князю Даниилу.

Когда татары обратились в бегство, Даниил избивал их со своим полком, и Олег Курский крепко бился с ними, но новые полки сразились с нами. За грехи наши побеждены были русские полки.

Даниил, увидев, что разгорается сражение и татарские лучники усиленно стреляют, повернул своего коня под напором противника. Пока бежал он, сильно захотел пить, а напившись, почувствовал рану на теле своем, которую не заметил во время боя из-за мужества и силы возраста своего. Ибо был он отважен и храбр, от головы до ног не было у него изъянов.

Побеждены были все русские князья. Такого же никогда не бывало. Татары, победив русских людей из-за прегрешений христиан, пришли и дошли до Новгорода Святополкова. Русские же, не ведая об их лживости, вышли навстречу им с крестами и были все перебиты.

Ожидая покаяния христиан, бог повернул татар назад на восточную землю, и они завоевали землю Тангутскую и иные страны. Тогда же их Чингисхан был убит тангутами. Татары же обманули тангутов и впоследствии погубили обманом. И другие страны они погубили – ратью, а больше всего обманом.

Печатается по изданию «Памятники литературы Древней Руси. XIII век» (Пер. О.П. Лихачевой. – М., 1981. – С. 257 – 261).

Сражение на реке Сити (4 марта 1238 г.)

И пошли безбожные татары на Сить против великого князя Георгия. Князь же Юрий с братом своим Святославом и племянниками своими Васильком, Всеволодом и Владимиром и воинами своими пошёл против поганых. Сошлись оба войска, и была страшная сеча, и побежали наши перед инопленниками, и тут был убит князь Юрий, а Василька безбожные взяли в плен и отвели в свои страны.

Нашествие Батые на Русь (1237 – 1240 гг.)¹

В лето 1237. Пришли безбожные измаильтяне², раньше бившиеся с русскими князьями на Калке. Это был первый приход их на землю Рязан-

¹ Летопись по Ипатьевскому списку / пер. М. Н. Тихомирова. – СПб., 1871. – С. 518 – 523.

² Измаильтяне – так называют наши летописи татар и других кочевников, производя их от Измаила, сына библейского от Авраама и Агари; потому летописец далее называет татар агарянами.

скую. И взяли они город Рязань³ приступом, обманом выманив князя Юрия, и привели его к Пронску, потому что в то время была его княгиня в Пронске; обманом выманили его княгиню, убили князя Юрия и княгиню его и всю землю его разорили, не пощадили детей и до грудных младенцев. Кир Михайлович же убежал со своими людьми к Суздалью и поведал великому князю Юрию о приходе и нашествии нечестивых татар.

Услыхав об этом, великий князь Юрий⁴ послал сына своего Всеволода со всеми людьми и с ними Кира Михайловича. Батый же устремился на землю Суздальскую, а Всеволод⁵ встретил его на Коломне, и бились они, и пали многие с обеих сторон. Всеволод же был побежден и рассказал отцу о происшедшей битве с быстро устремившимися на землю и города его врагами. Князь же Юрий оставил сына своего и княгиню во Владимире, а сам вышел из города. Когда же он стал собирать вокруг себя воинов и не поставил сторожевых отрядов, то был захвачен беззаконным Бурундаем, и князя Юрия убили⁶. Батый же осадил город, но горожане сильно боролись за город; тогда татары сказали обманом горожанам: "Где князя рязанские, ваш город и ваш князь великий Юрий? Не наша ли рука схватила их и предала смерти"³.

И услышав об этом, епископ Митрофан начал со слезами говорить всем: "Дети, не побоимся соблазна от нечестивых, не будем думать о тленной этой и скоро минующей жизни".

Услышали эти слова все люди, начали крепко сражаться. Татары же разбивали городские стены стенобитными орудиями и стреляли без числа стрелами. Князь же Всеволод увидел, что надвигается еще сильнейший бой, испугался, потому что он был молод, сам вышел из города с небольшой дружиной, неся с собой многие дары, надеясь получить от татар пощады. Батый же, словно дикий зверь, не пощадил юности его, велел его перед собою зарезать и весь город разорил. Епископ же с княгиней и детьми убежали в церковь, а нечестивый Батый велел ее зажечь огнем, и так все бежавшие в церковь отдали свои души богу.

³ Город Рязань – старая Рязань на Оке при впадении реки Прони; в XIII в. современная Рязань называлась Переяславлем Рязанским.

⁴ Великий князь Юрий – Юрий Всеволодович, сын Всеволода Большое Гнездо, правил с перерывом (1212 – 1216, 1218 – 1238 гг.).

⁵ Всеволод – сын великого князя Юрия.

⁶ В действительности великий князь Юрий был убит после взятия Владимира в битве на реке Сити.

Так Батый разорил город Владимир, попленил города суздальские и пришел к городу Козельску⁷, а в нем был молодой князь именем Василий. И нечестивые узнали, что у людей в городе крепкий дух и нельзя обманными словами взять города. Козляне же совещались и решили не сдаваться Батю, сказав: "Хотя наш князь и молод, положив жизнь за него, и здесь примем славу этого мира, и там небесные венцы от бога получим". Татары же бились около города, желая захватить его, разбили стену у города и взошли на вал. Козляне же на ножах резались с ними и постановили выйти на полки татарские, и вышли из города, и порубили их стенобитные орудия, напали на полки их, убили у татар четыре тысячи и сами были перебиты. Батый же взял город и не пощадил никого, от подростков до грудных младенцев, а о князе Василии неизвестно, иные говорили, что он в крови утонул, потому что был очень мал. С тех пор татары не смеют называть этот город Козельском, но называют его город злой, потому что бились около него семь недель и убили у татар под ним трех сыновей темниковых⁸. Татары искали их и не могли найти их среди множества трупов.

Батый же взял Козельск и пошел в землю Половецкую, оттуда же начал посылать на русские города и взял приступом город Переяславль⁹; перебил всех людей, разрушил церковь архангела Михаила, захватил золотые сосуды церковные, бесчисленные и драгоценные камни и епископа Симеона убил.

В то же время Батый послал войска на Чернигов, обступил город с великой силой. Мстислав Глебович¹⁰, услышав про нападение на город иноплеменников, пришел на них со всеми своими воинами; бились они, и побежден был Мстислав, и много его воинов было убито, а город татары взяли, предали огню; епископа же в живых оставили и увезли его в Глухов¹¹.

Меньгухан же пришел посмотреть город Киев. Он стоял на противоположной стороне Днепра, около городка Песочного, видел город и дивился красоте его и величию его, прислал послов своих к Михаилу¹² и к горожанам, желая обмануть их, но они не послушались его.

⁷ Козельск – небольшой город к югу от Калуги.

⁸ Темники – у татар начальники над "тьмою", т.е. над десятью тысячами войска.

⁹ Переяславль – город недалеко от Киева.

¹⁰ Мстислав Глебович – черниговский князь, бежавший после взятия города в Венгрию.

¹¹ Глухов – город в Черниговской области.

¹² Михаил – великий князь Михаил Всеволодович, бежал от татар в Венгрию, вернулся обратно и был убит в Орде в 1246 г.

В лето 1238. Михаил бежал за сыном своим перед татарами к венграм, а Ростислав Мстиславич Смоленский сел в Киеве. Даниил¹³ же поехал против него и захватил его в плен, и оставил Даниил в Киеве Дмитра¹⁴, и поручил ему оборонять город от иноплеменного народа, от безбожных татар.

В лето 1240. Пришел Батый к Киеву с великой силой, со множеством силы своей и окружил город, и обнес его частоколом, и был город в великом стеснении. И Батый был у города, и воины его окружали город, нельзя было слышать от скрипения множества телег его, от рева верблюдов его, от ржания стад коней его. И была вся Русская земля наполнена ратными людьми.

Киевляне же взяли в плен татарина, именем Товрула, и тот рассказал им про всю силу их, братьями его были большие воеводы: Урдюй, Байдар, Бирюй, Кайдан, Бечак, Меньгу и Куюк, который воротился, узнав о смерти хановой, и сделался ханом, он был не из его рода, но первым его воеводой, Себедяй богадур и Бурундай богадур, который завоевал Болгарскую землю¹⁵ и Суздальскую, и иных воевод без числа, которых мы здесь не перечислили.

Поставил же Батый стенобитные орудия у города подле Ляшских ворот¹⁶, потому что здесь находились овраги. Орудия били беспрестанно день и ночь и пробили стены. И взошли горожане на стены, и тут было видно, как ломались копья и щиты разбивались в щепки, и стрелы помрачали свет для побежденных. Когда же Дмитр был ранен, татары взошли на стены и занимали их в тот день и в ту ночь.

Горожане же построили новую стену около церкви Богородицы Десятиной. На другой же день татары пошли приступом на них, и был между ними сильный бой. Люди же взбежали на церковь и на церковные своды со своим имуществом, и церковные стены от тяжести рухнули. И взят был город воинами. Дмитра же татары взяли в плен раненым и не убили ради его храбрости.

«Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV века» (Сост. П. П. Епифанов. – М., 1960. – С. 443 – 445).

¹³ Даниил Романович – князь, а позже король Галицкой Руси.

¹⁴ Дмитр (Дмитрий) – боярин князя Даниила Галицкого.

¹⁵ Болгарская земля – земля камских, или волжских, болгар.

¹⁶ Ляшские ворота – т.е. Польские ворота.

Повесть о разорении Рязани Батыем

В год 6745 (1237). В двенадцатый год по перенесении чудотворного образа Николина из Корсуни. Пришел на Русскую землю безбожный царь Батый со множеством воинов татарских и стал на реке на Воронеже близ земли Рязанской. И прислал послов непутовых на Рязань к великому князю Юрию Ингваревичу Рязанскому, требуя у него десятой доли во всем: во князьях, и во всяких людях, и в остальном. И услышал великий князь Юрий Ингваревич Рязанский о нашествии безбожного царя Батыя, и тотчас послал в город Владимир к благоверному великому князю Георгию Всеволодовичу Владимирскому, прося у него помощи против безбожного царя Батыя или чтобы сам на него пошел. Князь великий Георгий Всеволодович Владимирский и сам не пошел, и помощи не послал, задумав один сразиться с Батыем. И услышал великий князь Юрий Ингваревич Рязанский, что нет ему помощи от великого князя Георгия Всеволодовича Владимирского, и тотчас послал за братьями своими: за князем Давыдом Ингваревичем Муромским, и за князем Глебом Ингваревичем Коломенским, и за князем Олегом Красным, и за Всеволодом Пронским, и за другими князьями. И стали совет держать, как утолить нечестивца дарами. И послал сына своего князя Федора Юрьевича Рязанского к безбожному царю Батыю с дарами и мольбами великими, чтобы не ходил войной на Рязанскую землю. И пришел князь Федор Юрьевич на реку на Воронеж к царю Батыю, и принес ему дары, и молил царя, чтоб не воевал Рязанской земли. Безбожный же, лживый и немилосердный царь Батый дары принял и во лжи своей притворно обещал не ходить войной на Рязанскую землю. Но хвалился-грозился по завоевать всю Русскую землю. И стал просить у князей рязанских дочерей и сестер к себе на ложе. И некто из вельмож рязанских по зависти донес безбожному царю Батыю, что есть у князя Федора Юрьевича Рязанского княгиня из царского рода и что всех прекраснее она красотой телесною. Царь Батый лукав был и немилостив в неверии своем, распалился в похоти своей и сказал князю Федору Юрьевичу: "Дай мне, княже, изведать красоту жены твоей". Благоверный же князь Федор Юрьевич Рязанский посмеялся и ответил царю: "Не годится нам, христианам, водить к тебе, нечестивому царю, жен своих на блуд. Когда нас одолеешь, тогда и женами нашими владеть будешь". Безбожный царь Батый разъярился и оскорбился и тотчас повелел убить благоверного князя Федора Юрьевича, а тело его велел бросить на растерзание зверям и птицам, и других князей и воинов лучших поубивал.

И один из пестунов князя Федора Юрьевича, по имени Апоница, укрывшись и горько плакал, смотря на славное тело честного своего господина; и увидев, что никто его не охраняет, взял возлюбленного своего государя и тайно схоронил его. И поспешил к благоверной княгине Евпраксии, и рассказал ей, как нечестивый царь Батый убил благоверного князя Федора Юрьевича.

Благоверная же княгиня Евпраксия стояла в то время в превысоком тереме своем и держала любимое чадо свое – князя Ивана Федоровича, и как услышала она эти смертоносные слова, исполненные горести, бросилась она из превысокого терема своего с сыном своим князем Иваном прямо на землю и разбилась до смерти. И услышал великий князь Юрий Ингваревич об убиении безбожным царем возлюбленного сына своего, блаженного князя Федора, и других князей, и что перебито много лучших людей, и стал плакать о них с великой княгиней и с другими княгинями и с братией своей. И плакал город весь много времени. И едва отдохнул князь от великого того плача и рыдания, стал собирать воинство свое и расставлять полки. И увидел князь великий Юрий Ингваревич братию свою, и бояр своих, и воевод, храбро и мужественно скачущих, воздел руки к небу и сказал со слезами: "Избавь нас, боже, от врагов наших. И от подымавшихся на нас освободи нас, и сокрой нас от сборища нечестивых, и от множества творящих беззаконие. Да будет путь им темен и скользок". И сказал братии своей: "О государи мои братия, если из рук господних благое приняли, то и злое не потерпим ли?! Лучше нам смертью славу вечную добыть, нежели во власти поганых быть. Пусть я, брат ваш, раньше вас выпью чашу смертную за святые божий церкви, и за веру христианскую, и за отчизну отца нашего великого князя Ингваря Святославича". И пошел в церковь Успения пресвятой владычицы Богородицы. И плакал много перед образом пречистой Богородицы, и молился великому чудотворцу Николе и сродникам своим Борису и Глебу. И дал последнее целование великой княгине Агриппине Ростиславовне, и принял благословение от епископа и всех священнослужителей. И пошел против нечестивого царя Батыева, и встретили его около границ рязанских. И напали на него, и стали биться с ним крепко и мужественно, и была сеча зла и ужасна. Много сильных полков Батыевых пало. И увидел царь Батый, что сила рязанская бьется крепко и мужественно, и испугался. Но против гнева божия кто постоит! Батыевы же силы велики были и непреборимы; один рязанец бился с тыся-

чей, а два – с десятью тысячами. И видел князь великий, что убит брат его, князь Давыд Ингваревич, и воскликнул: "О братия моя милая! Князь Давыд, брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сей чаши не изопьем!" И пересели с коня на конь и начали биться упорно. Через многие сильные полки Батыевы проезжали насквозь, храбро и мужественно сражаясь, так что все полки татарские подивились крепости и мужеству рязанского воинства. И едва одолели их сильные полки татарские. Здесь убит был благоверный великий князь Юрий Ингваревич, брат его князь Давыд Ингваревич Муромский, брат его князь Глеб Ингваревич Коломенский, брат их Всеволод Пронский и многие князья местные, и воеводы крепкие, и воинство: удальцы и резвцы рязанские. Все равно умерли и единую чашу смертную испили. Ни один из них не повернул назад, но все вместе полегли мертвые. Все это навел бог грехов ради наших.

А князя Олега Ингваревича захватили еле живого. Царь же, увидев многие свои полки побитыми, стал сильно скорбеть и ужасаться, видя множество убитых из своих войск татарских. И стал воевать Рязанскую землю, веля убивать, рубить и жечь без милости. И град Пронск, и град Бел, и Ижеславец разорил до основания и всех людей побил без милосердия. И текла кровь христианская, как река обильная, грехов ради наших.

И увидел царь Батый Олега Ингваревича, столь красивого и храброго, изнемогающего от тяжких ран, и хотел уврачевать его от тяжких ран, и к своей вере склонить. Но князь Олег Ингваревич укорил царя Батыя и назвал его безбожным и врагом христианства. Окаянный же Батыйдохнул огнем от мерзкого сердца своего и тотчас повелел Олега ножами рассечь на части. И был он второй страстотерпец Стефан, принял венец страдания от всемилостивого бога и испил чашу смертную вместе со всею своею братьею.

И стал воевать царь Батый окаянный Рязанскую землю, и пошел ко граду Рязани. И осадил град, и бились пять дней неотступно. Батыево войско переменялось, а горожане бессменно бились. И многих горожан убили, а иных ранили, а иные от великих трудов изнемогли. А в шестой день спозаранку пошли поганые на город – одни с огнями, другие с пороками, а третьи с бесчисленными лестницами – и взяли град Рязань месяца декабря в двадцать первый день. И пришли в церковь соборную пресвятой Богородицы, и великую княгиню Агриппину, мать великого князя, со снохами и прочими княгинями посекали мечами, а епископа и священников огню пре-

дали – во святой церкви пожгли, и иные многие от оружия пали. И в городе многих людей, и жен, и детей мечами посекали. А других в реке потопили, а священников и иноков без остатка посекали, и весь град пожгли, и всю красоту прославленную, и богатство рязанское, и сродников их – князей киевских и черниговских – захватили. А храмы божии разорили и во святых алтарях много крови пролили. И не осталось в городе ни одного живого: все равно умерли и единую чашу смертную испили. Не было тут ни стонущего, ни плачущего – ни отца и матери о детях, ни детей об отце и матери, ни брата о брате, ни сродников о сродниках, но все вместе лежали мертвые. И было все то за грехи наши.

И увидел безбожный царь Батый страшное пролитие крови христианской, и еще больше разъярился и ожесточился, и пошел на город Суздаль и на Владимир, собираясь Русскую землю пленить, и веру христианскую искоренить, и церкви божии до основания разорить.

И некий из вельмож рязанских по имени Евпатий Коловрат был в то время в Чернигове с князем Ингварем Ингваревичем, и услышал о нашествии зловерного царя Батыя, и выступил из Чернигова с малою дружиною, и помчался быстро. И приехал в землю Рязанскую, и увидел ее опустевшую, города разорены, церкви пожжены, люди убиты. И помчался в город Рязань, и увидел город разоренный, государей убитых и множество народа polegшего: одни убиты и посечены, другие пожжены, а иные в реке потоплены. И воскричал Евпатий в горести души своей, распаяся в сердце своем. И собрал небольшую дружину – тысячу семьсот человек, которых бог сохранил вне города. И погнались вослед безбожного царя, и едва нагнали его в земле Суздальской, и внезапно напали на станы Батыевы. И начали сечь без милости, и смешались все полки татарские. И стали татары точно пьяные или безумные. И бил их Евпатий так нещадно, что и мечи притуплялись, и брал он мечи татарские и сек ими. Почудилось татарам, что мертвые восстали. Евпатий же, насквозь проезжая сильные полки татарские, бил их нещадно. И ездил среди полков татарских так храбро и мужественно, что и сам царь устрасился.

И едва поймали татары из полка Евпатьяева пять человек воинских, изнемогших от великих ран. И привели их к царю Батыю. Царь Батый стал их спрашивать: "Какой вы веры и какой земли, и зачем мне много зла творите?" Они же ответили: "Веры мы христианской, рабы великого князя Юрия Ингваревича Рязанского, а от полка мы Евпатия Коловрата. Посла-

ны мы от князя Ингваря Ингваревича Рязанского тебя, сильного царя, почитать, и с честью проводить, и честь тебе воздать. Да не дивись, царь, что не успеваем наливать чаш на великую силу – рать татарскую". Царь же подивился ответу их мудрому. И послал шурича своего Хостоврула на Евпатия, а с ним сильные полки татарские. Хостоврул же похвалился перед царем, обещал привести к царю Евпатия живого. И обступили Евпатия сильные полки татарские, стремясь его взять живым. И съехался Хостоврул с Евпатием. Евпатий же был исполин силою и рассек Хостоврула на полы до седла. И стал сечь силу татарскую, и многих тут знаменитых богатырей Батыевых побил, одних пополам отсекал, а других до седла разрубал. И возбоялись татары, видя, какой Евпатий крепкий исполин. И навели на него множество пороков, и стали бить по нему из бесчисленных пороков, и едва убили его. И принесли тело его к царю Батыю. Царь же Батый послал за мурзами, и князьями, и санчакбеями, и стали все дивиться храбрости, и крепости, и мужеству воинства рязанского. И сказали они царю: "Мы со многими царями, во многих землях, на многих битвах бывали, а таких удальцов и резвцов не видали, и отца наши не рассказывали нам. Это люди крылатые, не знают они смерти и так крепко и мужественно, на конях разъезжая, бьются – один с тысячею, а два – с десятью тысячами. Ни один из них не съедет живым с побоища". И сказал царь Батый, глядя на тело Евпатиево: "О Коловрат Евпатий! Хорошо ты меня попочевал с малою своею дружиною, и многих богатырей сильной орды моей побил, и много полков разбил. Если бы такой вот служил у меня, держал бы его у самого сердца своего". И отдал тело Евпатия оставшимся людям из его дружины, которых похватили на побоище. И велел царь Батый отпустить их и ничем не вредить им.

Князь Ингварь Ингваревич был в то время в Чернигове, у брата своего князя Михаила Всеволодовича Черниговского, сохранен богом от злого того отступника и врага христианского. И пришел из Чернигова в землю Рязанскую, в свою отчину, и увидел ее пусту, и услышал, что братья его все убиты нечестивым, законопреступным царем Батыем, и пришел во град Рязань, и увидел город разоренным, а мать свою, и снох своих, и сродников своих, и многое множество людей лежащих мертвыми, город разорен и церкви пожжены, и все узорочье из казны черниговской и рязанской взято. Увидел князь Ингварь Ингваревич великую последнюю погибель за грехи наши и жалостно воскричал, как труба, созывающая на рать, как сладкий

орган звучащий. И от великого того крика и вопля страшного пал на землю, как мертвый. И едва отлили его и отходили на ветру. И с трудом ожила душа его в нем.

Кто не восплачется о такой гибели, кто не возрыдает о стольких людях народа православного, кто не пожалеет стольких убитых великих государей, кто не застонет от такого пленения?

Разбирая трупы убитых, князь Ингварь Ингваревич нашел тело матери своей, великой княгини Агриппины Ростиславовны, и узнал своих снох, и призвал попов из сел, которых бог сохранил, и похоронил мать свою и снох своих с плачем великим вместо псалмов и песнопений церковных: сильно кричал и рыдал. И похоронил остальные тела мертвых, и очистил город, и освятил. И собралось малое число людей, и немного утешил их. И плакал беспрестанно, поминая мать свою, братию свою, и род свой, и все узорочье рязанское, без времени погибшее. Все то случилось по грехам нашим. Был город Рязань, и земля была Рязанская, и исчезло богатство ее, и отошла слава ее, и нельзя было увидеть в ней никаких благ ее – только дым и пепел; и церкви все погорели, и великая церковь внутри изгорела и почернела. И не только этот город пленен был, но и иные многие. Не стало в городе ни пения, ни звона; вместо радости – плач непрерывный.

И пошел князь Ингварь Ингваревич туда, где побиты были нечестивым царем Батыем братья его: великий князь Юрий Ингваревич Рязанский, брат его князь Давыд Ингваревич, брат его Всеволод Ингваревич и многие князья местные, и бояре, и воеводы, и все воинство, и удалцы, и резвцы, узорочье рязанское. Лежали они все на земле опустошенной, на траве ковыле, снегом и льдом померзнувшие, никем не блюдомые. Звери тела их поели, и множество птиц их растерзало. Все лежали, все вместе умерли, единую чашу испили смертную. И увидел князь Ингварь Ингваревич великое множество мертвых тел лежащих, и воскричал горько громким голосом, как труба звучащая, и бил себя в грудь руками, и падал на землю. Слезы его из очей как поток текли, и говорил он жалостно: "О милая моя братия и воинство! Как уснули вы, жизни мои драгоценные? Меня одного оставили в такой гибели! Почему не умер я раньше вас? И куда скрылись вы из очей моих, и куда ушли вы, сокровища жизни моей? Почему ничего не промолвите мне, брату вашему, цветы прекрасные, сады мои незрелые? Уже не подарите сладость душе моей! Почему, государи мои, не посмотрите вы на меня, брата вашего, и не поговорите со мною? Ужели

забыли меня, брата вашего, от единого отца рожденного и от единой утробы матери нашей – великой княгини Агриппины Ростиславовны, и единою грудью многоплодного сада вскормленного? На кого оставили вы меня, брата своего? Солнце мое дорогое, рано заходящее, месяц мой красный! Скоро погибли вы, звезды восточные; зачем же закатились вы так рано? Лежите вы на земле пустой, никем не охраняемые; чести-славы ни от кого не получаете вы! Помрачилась слава ваша. Где власть ваша? Над многими землями государями были вы, а ныне лежите на земле пустой, лица ваши потемнели от тления. О милая моя братия и дружина ласковая, уже не повеселюся с вами! Светочи мои ясные, зачем потускнели вы? Немного порадовался с вами! Если услышит бог молитву вашу, то помолитесь обо мне, брате вашем, чтобы умер я вместе с вами. Уже ведь за веселием плач и слезы пришли ко мне, а за утехой и радостью сетование и скорбь явились мне! Почему не прежде вас умер, чтобы не видеть смерти вашей, а своей гибели? Слышите ли вы горестные слова мои, жалостно звучащие? О земля, о земля! О дубравы! Поплачьте со мною! Как опишу и как назову день тот, в который погибло столько государей и многое узорочье рязанское – удалцы храбрые? Ни один из них не вернулся, но все равно умерли, единую чашу смертную испили. От горести души моей язык мой не слушается, уста закрываются, взор темнеет, сила изнемогает".

Было тогда много тоски, и скорби, и слез, и вздохов, и страха, и трепета от всех тех злых, которые напали на нас. И воздел руки к небу великий князь Ингварь Ингваревич, и воззвал со слезами, говоря: "Господи боже мой, на тебя уповаю, спаси меня и от всех гонящих избавь меня. Пречистая владычица, мать Христа, бога нашего, не оставь меня в годину печали моей. Великие страстотерпцы и сродники наши Борис и Глеб, будьте мне, грешному, помощниками в битвах. О братия мои воинство, помогите мне во святых ваших молитвах на врагов наших – на агарян и внуков рода Измаила".

И стал разбирать князь Ингварь Ингваревич тела мертвых, и взял тела братьев своих – великого князя Юрия Ингваревича, и князя Давыда Ингваревича Муромского, и князя Глеба Ингваревича Коломенского, и других князей местных – своих сродников, и многих бояр, и воевод, и ближних, знаемых ему, и принес их во град Рязань, и похоронил их с честью, а тела других тут же на пустой земле собрал и надгробное отпевание совершил. И, похоронив так, пошел князь Ингварь Ингваревич ко граду Прон-

ску, и собрал рассеченные части тела брата своего благоверного и христоролюбивого князя Олега Ингваревича, и повелел нести их во град Рязань, а честную главу его сам князь великий Ингварь Ингваревич до града понес, и целовал ее любезно, и положил его с великим князем Юрием Ингваревичем в одном гробу. А братьев своих, князя Давыда Ингваревича да князя Глеба Ингваревича, положил в одном гробу близ могилы тех. Потом пошел князь Ингварь Ингваревич на реку на Воронеж, где убит был князь Федор Юрьевич Рязанский, и взял тело честное его, и плакал над ним долгое время. И принес в область его к иконе великого чудотворца Николы Корсунского, и похоронил его вместе с благоверной княгиней Евпраксией и сыном их князем Иваном Федоровичем Постником во едином месте. И поставил над ними кресты каменные. И по той причине зовется великого чудотворца Николы икона Заразской, что благоверная княгиня Евпраксия с сыном своим князем Иваном сама себя на том месте "заразила" (разбила).

Печатается по изданию «Памятники литературы Древней Руси. XIII век» (Пер. Д.С. Лихачева. – М., 1981. – С. 184 – 200).

**Организация, вооружение и тактика монголо-татарского войска
(из книги «История монголов» Плано Карпини, итальянца,
монаха, посланного в 1246 г. римским папой к монголо-татарам
в качестве миссионера)**

О разделении войск скажем таким образом: Чингисхан приказал, чтобы во главе десяти человек был поставлен один (и он, по-нашему, называется десятником), а во главе десяти десятников был поставлен один, который называется сотником, а во главе десяти сотников был поставлен один, который называется тысячником, а во главе десяти тысячников был поставлен один, и это число называется у них тьма. Во главе же всего войска ставят двух вождей или трёх, но так, что они имеют подчинение одному. Когда же войска находятся на войне, то если из десяти человек бежит один, или двое, или трое, или даже больше, то все они умерщвляются; и, говоря кратко, если они не отступают сообща, то все бегущие умерщвляются; точно также если один, или двое, или больше смело вступают в бой, а десять других не следует, то их также умерщвляют, а если из десяти попадает в плен один или больше, другие же товарищи не освобождают их, то они также умерщвляются.

Оружие же все, по меньшей мере, должны иметь такое: два или три лука или, по меньшей мере, один хороший и три больших колчана, полные стрелами, один топор и верёвки, чтобы тянуть орудия. Богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие только с одной стороны и несколько кривые...

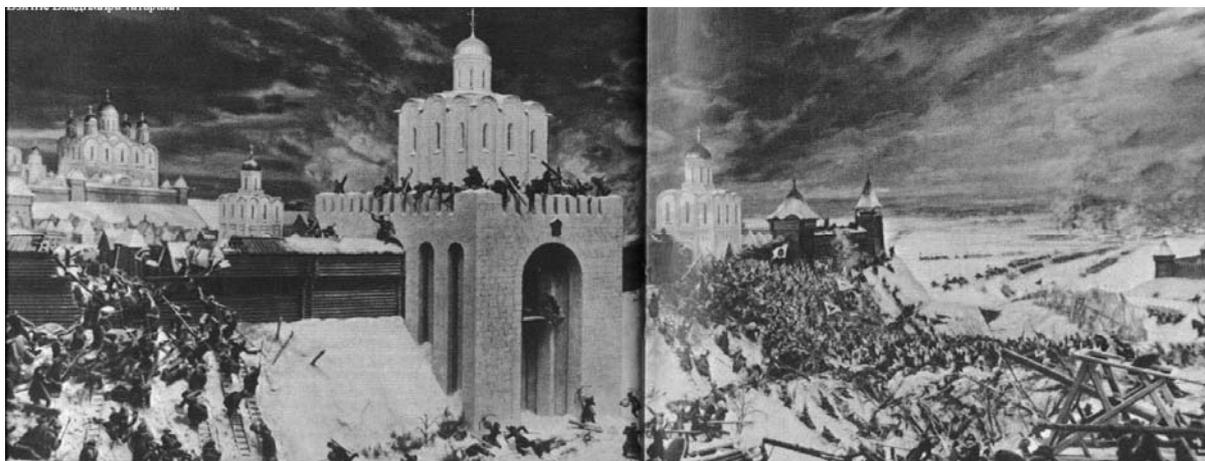
У некоторых из них есть копья, и на шейке железа копья они имеют крюк, которым, если могут, стаскивают человека с седла. Длина их стрел составляет два фута, одну ладонь и два пальца... Железные наконечники стрел весьма остры и режут с обеих сторон наподобие обоюдоострого меча; и они всегда носят при колчане напильники для изощрения стрел. Вышеупомянутые железные наконечники имеют острый хвост длиною в один палец, который вставляется в дерево. Щит у них сделан из ивовых или других прутьев, но мы не думаем, чтобы они носили их иначе, как в лагере и для охраны императора и князей, да и только ночью...

Надо знать, что всякий раз, как они завидят врага, они идут на них, и каждый бросает в своих противников три или четыре стрелы; и если они видят, что не могут их победить, то отступают вспять к своим; и это они делают ради обмана, чтобы враги преследовали их до тех мест, где они устроили засаду; и, если враги преследуют их до вышеупомянутой засады, они окружают их и таким образом ранят и убивают.

Укрепления они завоёвывают другим способом. Если встретится какая крепость, они окружают её; мало того, иногда они так ограждают её, что никто не может войти или выйти; при этом они весьма храбро сражаются орудиями и стрелами и ни на одну ночь не прекращают сражения, так что находящиеся на укреплениях не имеют отдыха; сами же татары отдыхают, так как они разделяют войска, и одно сменяет в бою другое, так что они не очень утомляются. И если они не могут овладеть укреплением таким способом, то бросают на него греческий огонь; мало того, они обычно берут иногда жир людей, которых убивают, и выливают его в растопленном виде на дома; и везде, где огонь попадает на этот жир, он горит, так сказать, неугасимо. А если они не одолеют таким способом, и этот город или крепость имеет реку, то они преграждают её или делают другое русло и, если можно, потопляют это укрепление. Если же этого сделать нельзя, то они делают подкоп под укрепление и под землёю входят в него с оружием...

«Хрестоматия по истории СССР» (Т. 1. – М., 1987. – С. 149 – 152).

Взятие городов Владимира и Суздаля монголо-татарами (из Лаврентьевской летописи)

Взятие Владимира татарами (экспозиция музея «Золотые ворота»)

В ту же зиму 4 февраля на память святого Симеона, во вторник, за неделю до мясопуста, пришли татары к Владимиру. Владимирцы заперлись в городе, с ними были Всеволод и Мстислав и воевода Петр Ослядюкович. Пока владимирцы сидели в осаде, татары подъехали к золотым воротам, ведя с собой Владимира, брата Всеволода и Мстислава, и начали татары спрашивать: в городе ли великий князь Юрий. Владимирцы пустили в татар стрелу...

Раскинув свои страны под городом Владимиром, татары пошли и взяли Суздаль и церковь святой Богородицы, разграбили и княжеский двор, и монастырь святого Дмитрия сожгли, а остальные монастыри разграбили; монахов и старых монахинь, попов, слепых и хромых, горбатых, больных и всех (старых) людей перебили, а молодых монахов и монахинь, попов, попадьей, дьяконов и жён их, дочерей и сыновей их, тех всех увели в свои страны, а сами пошли к Владимиру. В субботу на масленице начали готовить лес и ставили до вечера осадные машины, к ночи огородили тыном вокруг всего города Владимира, а в воскресенье на масленице после заутрени пошли на приступ 7 февраля на память святого мученика Феодора Стратилата. И был в городе великий плач...

И взяли город до обеда.

Татары силою отворили церковные двери и увидели, что запершиеся в церкви умерли от огня, а тех, кто не умер, прикончили и во всех монастырях иконы ободрали или разбили и книги ободрали... и от юного до

старца и до грудного младенца всех перебили, убивая одних, других ведя в свои страны босыми и обнажёнными, умирающими от мороза.

*«Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV в.»
(Сост. П.П. Епифанов. – М., 1960. – С. 437 – 440).*

Основание города Риги (1201 г.) и учреждение Ордена меченосцев в 1202 г. (из Ливонской хроники)

На третий день своего посвящения епископ... возвратился в Ливонию с пилигримами (странствующими богомольцами), каких сумел собрать, и в то же лето был построен город Рига на обширном поле, при котором можно было устроить и корабельную гавань...

В это время брат Теодорх... учредил некое братство рыцарей христовых (Орден меченосцев), которому господин папа Иннокентий дал устав храмовника и знак «меч и крест» для ношения на одежде и велел быть в подчинении своему епископу.

«Хрестоматия по истории средних веков» (Под ред. Н.П. Грацианского, С. Д. Сказкина. – М., 1950. – Т.2. – С. 110 – 111).

Невская битва (15 июля 1240 г.) (из «Сказания о подвигах и жизни великого князя Александра Ярославича Невского»)

Слышав о такой храбрости князя Александра Ярославича, король области Римской из северной страны сказал: "Пойду, завоюю землю Александрову". И собрал силу великую, и наполнил многие корабли своими полками. И пошел с великой силой, пылая духом ратным. И перейдя реку Неву с безумным стремлением, послал своих послов с гордостью к князю Александру Ярославичу в Новгород Великий. И сказал: "Если можешь мне сопротивляться, то я уже здесь, завоюю твою землю".

Князь же Александр Ярославич, услышав такие слова, разгорелся сердцем... и начал ободрять свою дружину. И сказал: "Не в силе бог, но в правде". И пошел на врагов с большой дружиной, не дождавшись крупных сил... И пришел Александр (на врагов) в воскресный день. И постарался на них напасть в 11 часов дня. И была велика сеча для римлян (шведов). И бесчисленное множество их было убито, а самому королю нанес Александр рану в лицо острым своим копьем.

В то время в полку Александра оказалось шесть храбрых и сильных людей, и они смело сражались. Один из них, Гаврила Олексич, наехал на корабль и, увидев королевича, уводимого под руки, въехал по сходням до самого корабля, и побежали перед ним (шведы); вновь повернувшись, они столкнули его со сходен вместе с конем в море, но божьей благодатью Гаврила был невредим и снова бился с самим воеводой мужественно посреди полка. Другой же новгородец по имени Сбыслав Якунович много раз наезжал на врагов, сражаясь одним топорком, не имея страха в своем сердце, и много погибло от топорка его, и подивился князь Александр Ярославич силе и храбрости его. Третий же, Яков, родом из Полоцка, был ловчим у князя. Этот наехал на врагов с мечом и сражался мужественно, и похвалил его князь. Четвертый новгородец, по имени Миша, пеший, вместе со своей дружиной уничтожил три корабля римлян. Пятый из незнатных людей, по имени Савва, наехал на великий златоверхий шатер корабля и подсек шатровый столб. Полки же великого князя Александра Ярославича, увидев падение шатра, возрадовались о его падении. Шестой из княжеских слуг, по имени Ратмир, был пешим. Многие враги его окружили, от многих ран он пал и скончался. Все это слышал я от господина своего князя Александра Ярославича и от других, которые участвовали в той битве.

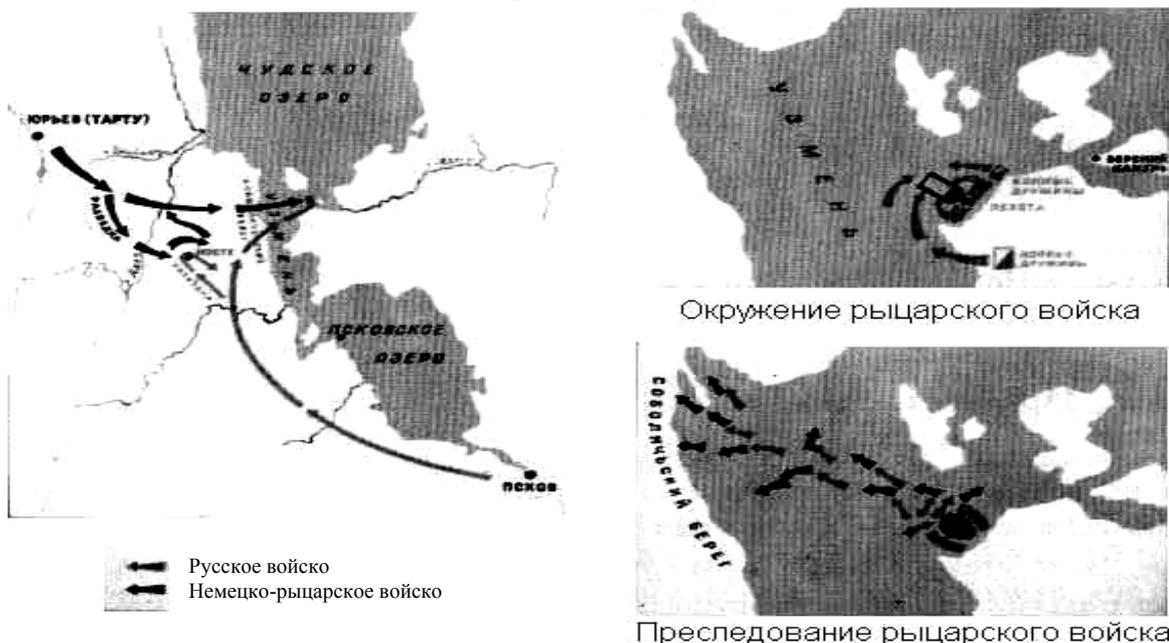
«Хрестоматия по русской военной истории» (М., 1947. – С. 22 – 23).

Ледовое побоище (5 апреля 1242 г.) (из Симеоновской летописи)

Магистр, услышав об этом (о взятии русскими Пскова), вышел против них со всеми своими епископами и со всем множеством народа из страны их, сколько ни было людей в их стране, и с помощью короля (датского); и сошли (враги) на озеро Чудское. Великий же князь Александр возвратился назад. Немцы же и чудь пошли за ним. И князь великий по-

ставил полки на Чудском озере, на Узмени у Вороньего камня, воодушевился крестною силою и, приготовившись к бою, пошел против них. Войска сошлись на озере Чудском, было множество воинов с обеих сторон. Был тут с Александром брат его Андрей с множеством войска своего отца, и было у Александра множество храбрых, сильных и мужественных воинов, и наполнились они ратным духом, были сердца их, как у львов...

Схема Ледового побоища
5 апреля 1242 года

Была тогда суббота, и на восходе солнца сошлись оба войска. Немцы и чудь пробились клином через русские полки. И была тут страшная сеча для немцев и чуди; были треск ломающихся копий и звук от ударов мечей, так что и замерзающее озеро точно тронулось, и не видно было льда, потому что он был покрыт кровью. (Немцы несли большие потери).

И обратились враги в бегство, и убивали их, гонясь за ними, как по воздуху, и некуда им было убежать; и убивали их на протяжении 7 верст по льду до Суболицкого берега; и пало немцев 800 и чуди бесчисленное множество, а в плен взяли 50 знатных немецких воевод и привели их в Новгород, другие враги в озере утонули, потому что была уже весна, а иные убежали сильно израненные. Был этот бой 5 апреля.

«Хрестоматия по русской военной истории» (М., 1947. – С. 26 – 27).

Житие Александра Невского (1220 – 1263 гг.)
*Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя
Александра*

Во имя господя нашего Иисуса Христа, сына божия.

Я, жалкий и многогрешный, недалекий умом, осмеливаюсь описать житие святого князя Александра, сына Ярославова, внука Всеволодова. Поскольку слышал я от отцов своих и сам был свидетелем зрелого возраста его, то рад был поведать о святой, и честной, и славной жизни его. Но как сказал Приточник: "В лукавую душу не войдет премудрость: ибо на возвышенных местах пребывает она, посреди дорог стоит, при вратах людей знатных останавливается". Хотя и прост я умом, но все же начну, помолвившись святой Богородице и уповая на помощь святого князя Александра.

Сей князь Александр родился от отца милосердного и человеколюбивого, и более всего – кроткого, князя великого Ярослава и от матери Феодосии. Как сказал Исайя-пророк: «Так говорит господь: "Князей я ставлю, священны ибо они, и я их веду"». И воистину – не без божьего повеления было княжение его.

И красив он был, как никто другой, и голос его – как труба в народе, лицо его – как лицо Иосифа, которого египетский царь поставил вторым царем в Египте, сила же его была частью от силы Самсона, и дал ему бог премудрость Соломона, храбрость же его – как у царя римского Веспасиана, который покорил всю землю Иудейскую. Однажды приготовился тот к осаде города Иоатапаты, и вышли горожане, и разгромили войско его. И остался один Веспасиан, и повернул выступивших против него к городу, к городским воротам, и посмеялся над дружиною своею, и укорил ее, сказав: "Оставили меня одного". Так же и князь Александр – побеждал, но был непобедим.

Потому-то один из именитых мужей Западной страны, из тех, что называют себя слугами божьими, пришел, желая видеть зрелость силы его, как в древности приходила к Соломону царица Савская, желая послушать мудрых речей его. Так и этот, по имени Андреаш, повидав князя Александра, вернулся к своим и сказал: "Прошел я страны, народы и не видел такого ни царя среди царей, ни князя среди князей".

Услышав о такой доблести князя Александра, король страны Римской из северной земли подумал про себя: "Пойду и завоюю землю Александру". И собрал силу великую, и наполнил многие корабли полками своими, двинулся с огромным войском, пылая духом ратным. И пришел в Неву, опьяненный безумием, и отправил послов своих, возгордившись, в Новгород к князю Александру, говоря: "Если можешь, защищайся, ибо я уже здесь и разоряю землю твою".

Александр же, услышав такие слова, разгорелся сердцем, и вошел в церковь Святой Софии, и, упав на колени пред алтарем, начал молиться со слезами: "Боже славный, праведный, боже великий, сильный, боже пречечный, сотворивший небо и землю и установивший пределы народам, ты повелел жить, не преступая чужих границ". И, припомнив слова пророка, сказал: "Суди, господи, обидящих меня и огради от борющихся со мною, возьми оружие и щит и встань на помощь мне".

И, окончив молитву, он встал, поклонился архиепископу. Архиепископ же был тогда Спиридон, он благословил его и отпустил. Князь же, выйдя из церкви, осушил слезы и начал ободрять дружину свою, говоря: «Не в силе бог, но в правде. Вспомним Песнотворца, который сказал: "Одни с оружием, а другие на Конах, мы же имя господя бога нашего призовем; они, поверженные, пали, мы же устояли и стоим прямо"». Сказав это, пошел на врагов с малою дружиною, не дожидаясь своего большого войска, но уповая на святую троицу.

Скорбно же было слышать, что отец его, князь великий Ярослав не знал о нашествии на сына своего, милого Александра, и ему некогда было послать весть отцу своему, ибо уже приближались враги. Потому и многие новгородцы не успели присоединиться, так как поспешил князь выступить. И выступил против них в воскресенье пятнадцатого июля, имея веру великую к святым мученикам Борису и Глебу.

И был один муж, старейшина земли Ижорской, именем Пелугий, ему поручена была ночная стража на море. Был он крещен и жил среди рода своего, язычников, наречено же имя ему в святом крещении Филипп, и жил он богоугодно, соблюдая пост в среду и пятницу, потому и удостоил его бог видеть видение чудное в тот день. Расскажем вкратце.

Узнав о силе неприятеля, он вышел навстречу князю Александру, чтобы рассказать ему о станах врагов. Стоял он на берегу моря, наблюдая за обоими путями, и провел всю ночь без сна. Когда же начало всходить солнце, он услышал шум сильный на море и увидел один насад, плывущий по морю, и стоящих посреди насада святых мучеников Бориса и Глеба в красных одеждах, держащих руки на плечах друг друга. Гребцы же сидели, словно мглою одетые. Произнес Борис: "Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему князю Александру". Увидев такое видение и услышав эти слова мучеников, Пелугий стоял трепетен, пока насад не скрылся с глаз его.

Вскоре после этого пришел Александр, и Пелугий, радостно встретив князя Александра, поведал ему одному о видении. Князь же сказал ему: "Не рассказывай этого никому".

После того Александр поспешил напасть на врагов в шестом часу дня, и была сеча великая с римлянами, и перебил их князь бесчисленное множество, а на лице самого короля оставил след острого копья своего.

Проявили себя здесь шесть храбрых, как он, мужей из полка Александра.

Первый – по имени Гаврила Олексич. Он напал на шнек и, увидев королевича, влекомого под руки, въехал до самого корабля по сходням, по которым бежали с королевичем; преследуемые им схватили Гаврилу Олексича и сбросили его со сходен вместе с конем. Но по божьей милости он вышел из воды невредим, и снова напал на них, и бился с самим воеводою посреди их войска.

Второй, по имени Сбыслав Якунович, новгородец. Этот много раз нападал на войско их и бился одним топором, не имея страха в душе своей; и пали многие от руки его, и дивились силе и храбрости его.

Третий – Яков, родом полочанин, был ловчим у князя. Этот напал на полк с мечом, и похвалил его князь.

Четвертый – новгородец, по имени Миша. Этот пеший с дружиною своею напал на корабли и потопил три корабля.

Пятый – из младшей дружины, по имени Савва. Этот ворвался в большой королевский златоверхий шатер и подсек столб шатерный. Полки Александровы, видевши падение шатра, возрадовались.

Шестой – из слуг Александра, по имени Ратмир. Этот бился пешим, и обступили его врага многие. Он же от многих ран пал и так скончался.

Все это слышал я от господина своего великого князя Александра и от иных, участвовавших в то время в этой битве.

Было же в то время чудо дивное, как в прежние дни при Бзекии-царе. Когда пришел Сенахирим, царь ассирийский, на Иерусалим, желая покорить святой град Иерусалим, внезапно явился ангел господень и перебил сто восемьдесят пять тысяч из войска ассирийского, и, встав утром, нашли только мертвые трупы. Так было и после победы Александровой: когда победил он короля, на противоположной стороне реки Ижоры, где не могли пройти полки Александровы, здесь нашли несметное множество убитых ангелом господним. Оставшиеся же обратились в бегство, и трупы мертвых воинов своих набросали в корабли, и потопили их в море. Князь же Александр возвратился с победою, хваля и славя имя своего творца.

На второй же год после возвращения с победой князя Александра вновь пришли из Западной страны и построили город на земле Александровой. Князь же Александр вскоре пошел и разрушил город их до основания, а их самих – одних повесил, других с собою увел, а иных, помиловав, отпустил, ибо был безмерно милостив.

После победы Александровой, когда победил он короля, на третий год, в зимнее время, пошел он с великой силой на землю немецкую, чтобы не хвастались, говоря: "Покорим себе славянский народ".

А был ими уже взят город Псков и наместники немецкие посажены. Он же вскоре изгнал их из Пскова и немцев перебил, а иных связал и город освободил от безбожных немцев, а землю их повоевал и пожег и пленных взял бесчисленное множество, а других перебил. Немцы же, дерзкие, соединились и сказали: "Пойдем, и победим Александра, и захватим его".

Когда же приблизились немцы, то проведали о них стражи. Князь же Александр приготовился к бою, и пошли они друг против друга, и покрылось озеро Чудское множеством тех и других воинов. Отец Александра, Ярослав, прислал ему на помощь младшего брата Андрея с большою дружиною. Да и у князя Александра было много храбрых воинов, как в древности у Давида-царя, сильных и стойких. Так и мужи Александра исполнились духа ратного, ведь были сердца их, как сердца львов, и воскликну-

ли: "О княже наш славный! Ныне пришло нам время положить головы свои за тебя". Князь же Александр воздел руки к небу и сказал: "Суди меня, боже, рассуди распрю мою с народом неправедным и помоги мне, господи, как в древности помог Моисею одолеть Амалика и прадеду нашему Ярославу окаянного Святополка".

Была же тогда суббота, и когда вошло солнце, сошлись противники. И была сеча жестокая, и стоял треск от ломающихся копий и звон от ударов мечей, и казалось, что двинулось замерзшее озеро, и не было видно льда, ибо покрылось оно кровью.

А это слышал я от очевидца, который поведал мне, что видел воинство божие в воздухе, пришедшее на помощь Александру. И так победил врагов помощью божьей, и обратились они в бегство, Александр же рубил их, гоня, как по воздуху, и некуда было им скрыться. Здесь прославил бог Александра пред всеми полками, как Иисуса Навина у Иерихона. А того, кто сказал: "Захватим Александра", отдал бог в руки Александра. И никогда не было противника, достойного его в бою. И возвратился князь Александр с победою славною, и было много пленных в войске его, и вели богами подле коней тех, кто называет себя "божьими рыцарями".

И когда приблизился князь к городу Пскову, то игумены, и священники, и весь народ встретили его перед городом с крестами, воздавая хвалу богу и прославляя господина князя Александра, поюще ему песнь: "Ты, господи, помог кроткому Давиду победить иноплеменников и верному князю нашему оружием веры освободить город Псков от иноязычников рукою Александровою".

И сказал Александр: "О невежественные псковичи! Если забудете это до правнуков Александровых, то уподобитесь иудеям, которых питал господь в пустыне манною небесною и перепелами печеными, но забыли все это они и бога своего, избавившего их от плена египетского".

И прославилось имя его во всех странах, от моря Хонужского и до гор Араратских, и по ту сторону моря Варяжского и до великого Рима.

В то же время набрал силу народ литовский и начал грабить владения Александровы. Он же выезжал и избивал их. Однажды случилось ему выехать на врагов, и победил он семь полков за один выезд, и многих кня-

зей их перебил, а иных взял в плен, слуги же его, насмехаясь, привязывали их к хвостам коней своих. И начали они с того времени бояться имени его.

В то же время был в восточной стране сильный царь, которому покорил бог народы многие от востока и до запада. Тот царь, прослышав о такой славе и храбрости Александра, отправил к нему послов и сказал: "Александр, знаешь ли, что бог покорил мне многие народы. Что же – один ты не хочешь мне покориться? Но если хочешь сохранить землю свою, то приди скорее ко мне и увидишь славу царства моего".

После смерти отца своего пришел князь Александр во Владимир в силе великой. И был грозен приезд его, и промчалась весть о нем до устья Волги. И жены маовитские начали стращать детей своих, говоря: "Вот идет Александр!"

Решил князь Александр пойти к царю в Орду, и благословил его епископ Кирилл. И увидел его царь Батый, и поразился, и сказал вельможам своим: "Истину мне сказали, что нет князя, подобного ему". Почтив же его достойно, он отпустил Александра.

После этого разгневался царь Батый на меньшего брата его Андрея и послал воеводу своего Неврюя разорить землю Суздальскую. После разорения Неврюем земли Суздальской князь великий Александр воздвиг церкви, города отстроил, людей разогнанных собрал в дома их. О таких сказал Исайя-пророк: "Князь хороший в странах – тих, приветлив, кроток, смиренен – и тем подобен богу". Не прельщаясь богатством, не забывая о крови праведников, сирот и вдов, по правде судит, милостив, добр для домочадцев своих и радушен к приходящим из чужих стран. Таким и бог помогает, ибо бог не ангелов любит, но людей, в щедрости своей щедро одаривает и являет в мире милосердие свое.

Наполнил же бог землю Александра богатством и славою и продлил бог дни его.

Однажды пришли к нему послы от папы из великого Рима с такими словами: «Папа наш так говорит: "Слышали мы, что ты князь достойный и славный и земля твоя велика. Потому и прислали к тебе из двенадцати кардиналов двух умнейших – Агалдада и Ремонта, чтобы послушал ты речи их о законе божьем"».

Князь же Александр, подумав с мудрецами своими, написал ему такой ответ: "От Адама до потопа, от потопа до разделения народов, от смешения народов до начала Авраама, от Авраама до прохождения израильтян сквозь море, от исхода сынов Израилевых до смерти Давида-царя, от начала царствования Соломона до Августа и до Христова рождества, от рождества Христова и до распятия его и воскресения, от воскресения же его и вознесения на небеса и до царствования Константинова, от начала царствования Константинова до первого собора и седьмого – обо всем этом хорошо знаем, а от вас учения не примем". Они же возвратились восвояси.

И умножились дни жизни его в великой славе, ибо любил священников, и монахов, и нищих, митрополитов же и епископов почитал и внимал им, как самому Христу.

Было в те времена насилие великое от иноверных, гнали они христиан, заставляя их воевать на своей стороне. Князь же великий Александр пошел к царю, чтобы отмолить людей своих от этой беды.

А сына своего Дмитрия послал в Западные страны, и все полки свои послал с ним, и близких своих домочадцев, сказав им: "Служите сыну моему, как самому мне, всей жизнью своей". И пошел князь Дмитрий в силе великой, и завоевал землю Немецкую, и взял город Юрьев, и возвратился в Новгород со множеством пленных и с большою добычею.

Отец же его великий князь Александр возвратился из Орды от царя, и дошел до Нижнего Новгорода, и там занемог, и, прибыв в Городец, разболелся. О горе тебе, бедный человек! Как можешь описать кончину господина своего! Как не выпадут зеницы твои вместе со слезами! Как не вырвется сердце твое с корнем! Ибо отца оставить человек может, но доброго господина нельзя оставить; если бы можно было, то в гроб бы сошел с ним.

Много потрудившись богу, он оставил царство земное и стал монахом, ибо имел безмерное желание принять ангельский образ. Сподобил же его бог и большой чин принять – схиму. И так с миром богу дух свой предал месяца ноября в четырнадцатый день, на память святого апостола Филиппа.

Митрополит же Кирилл говорил: "Дети мои, знайте, что уже зашло солнце земли Суздальской!" Иереи и диаконы, черноризцы, нищие и богатые и все люди восклицали: "Уже погибаем!"

Святое же тело Александра понесли к городу Владимиру. Митрополит же, князья и бояре и весь народ, малые и большие, встречали его в Боголюбове со свечами и кадилами. Люди же толпились, стремясь прикоснуться к святому телу его на честном одре. Стояли же вопль, и стон, и плач, каких никогда не было, даже земля содрогнулась. Положено же было тело его в церкви Рождества святой Богородицы, в великой архимандритье, месяца ноября в 24 день, на память святого отца Амфилохия.

Было же тогда чудо дивное и памяти достойное. Когда было положено святое тело его в гробницу, тогда Севастьян-эконом и Кирилл-митрополит хотели разжать его руку, чтобы вложить грамоту духовную. Он же, будто живой, простер руку свою и принял грамоту из руки митрополита. И смятение охватило их, и едва отступили они от гробницы его. Об этом возвестили всем митрополит и эконом Севастьян. Кто не удивится тому чуду, ведь тело его было мертво и везли его из дальних краев в зимнее время.

И так прославил бог угодника своего.

Печатается по изданию «Памятники литературы Древней Руси. XII век» (Пер. В.И. Охотниковой. – М., 1981. – С. 426 – 439).

Ярлык, данный от капчакского царя Манту Тимура российским митрополитам и священнослужителям: об освобождении их от всякой дани и налогов, об уважении богослужения их, и об удержании татарских чиновников от обид им и утеснения, с угрозением за нарушение сих прав смертною казнию (предположительно между 1270 – 1276 гг.)

Вышняго Бога силою и вышня Троицы волею Менгу Темирово слово людским баскаком, и князем, и полководным князем, и данщиком, и писцом, и мимоездящим послом, и соколником, и пардусником, и бураложником, и всем пошлинником. Чингии Царь, потом кто ни будет, дали есмя жалованные грамоты Руским митрополитом и церковным людем, тако молвячи, чтоб есте и последний цари по томуж пути пожаловали попов и чернцов и всех богоделных людей, да правым сердцем молят за нас бога и за наше племя без печали и благословляют нас, а не надобе им дань и

тамга и поплужное, ни ям, ни подводы, ни война, ни корм; и как первые цари их пожаловали, и мы богу моляся и их грамот неизыначевая, по тому жалуем: во всех пошлинах не надобе им ни которая царева пошлина, ни царицина, ни князей, ни рядцев, ни дороги, ни посла, ни которых пошлинников, ни которые доходы, или что церковные земли, воды, огороды, винограды, мелницы, зимовища, летовища, да не замают их; а что будет взяли, и они отдадут, беспосулно. А что церковные люди: мастера, соколницы, пардусницы, или которые слуги и работницы, и кто ни будет их людей, тех да не замают ни на что, ни на работу, ни на сторожу, или что в законе их, иконы или книги, или иное что, по чему бога молят, того да не емлют, ни издерут, ни испортят, да не кленут нас, но в покои молятся за нас. А кто веру их похулит, или ругается, тот ни чим не извинитца и умрет злою смертию. А Попове един хлеб ядуще и во едином месте живуще, и у кого брат, или сын, и те по тому ж пожалованы будут; аще ли от них отделилися и из дому вышли, и тем пошлины и дани давать. А Попове от нас пожалованы по первым грамотам, бога молят стояще и нас благословляюще; аще ли кто имет неправым сердцем за нас молити бога, ино тот грех на нем будет, или иные люди имет к себе приимати, хотя богови молитися, и в том и так что будет. Молвя сему митрополиту грамоту сию дали есмя, и сию грамоту видяще и слышаше, попове и чернцы, ни дани, ни иного чего не дают; а кто возмет баскацы наши и княжие писцы и поплужницы и таможицы, и они по велицей язе не извинется и смертию да умрет. Тако молвя, ярлык дан зачьего лета, осенняго первого месяца, в 4 день ветха, на Телы писано.

Собрание государственных грамот и договоров (М., 1819. – Ч. 11. – С. 5 – 6).

Татарская перепись в Новгороде (1257 – 1259 гг.)

В лето 1257 пришла в Новгород весть из Руси злая, что хотят татары тамги и десятины от Новгорода. И волновались люди все лето. А зимой новгородцы убили Михалка-посадника. Если бы кто сделал другому добро, то добро бы и было, а кто копает под другим яму, сам в нее ввалится.

В ту же зиму приехали послы татарские с Александром, и начали просить десятины и тамги. И не согласились на то новгородцы, но дали дары для царя Батыея и отпустили послов с миром.

В лето 1259 зимою приехал с Низа Михаиле Пинещич со лживым посольством, говоря так:

– Соглашайтесь на число, не то полки татарские уже на Низовской земле.

И согласились новгородцы на число. В ту же зиму приехали окаянные татары сыродцы Беркай и Касачик с женами своими и иных много. И был мятеж велик в Новгороде. И по волости много зла учинили, когда брали тамгу окаянными татарам. И стали окаянные бояться смерти и сказали Александру:

– Дай нам сторожей, чтобы не перебили нас.

И повелел князь сыну посадникову и всем детям боярским стеречь их по ночам. И говорили татары:

– Дайте нам число, и мы уйдем прочь. Чернь не хотела дать числа, но сказала:

– Умрем честно за святую Софию, за дома ангельские.

Тогда раздвоились люди: кто добрый, тот стоял за святую Софию и за правую веру. И пошли вятские против меньших на вече и велели им согласиться на число. Окаянные татары придумали злое дело, как ударить на город – одним на ту сторону, а другим – озером на эту. Но возбранила им, видимо, сила Христова, и не посмели.

Испугавшись, новгородцы стали переправляться на одну сторону к святой Софии, говоря:

– Положим головы свои у святой Софии.

А наутро съехал князь с Городища, и окаянные татары с ним. И по совету злых согласились новгородцы на число, ибо делали бояре себе легко, а меньшим зло. И начали ездить окаянные татары по улицам, и переписывать дома христианские. Взяв число, уехали окаянные, а князь Александр поехал после, посадив сына своего Дмитрия на столе.

«Рассказы русских летописей XII-XIV вв.» / (Пер. Т.Н. Михельсон. – М., 1973. – С. 95 – 98).

РУССКИЕ ЗЕМЛИ И КНЯЖЕСТВА В КОНЦЕ XIII – XV в.

Обращение московского князя Дмитрия Ивановича к князьям накануне Куликовской битвы

Любезные друзья и братья! Ведайте, что я сюда пришёл не затем, чтобы на Олега смотреть или реку Дон стеречь, но дабы Русскую землю от пленения и разорения избавить или голову свою за всех положить; честная смерть лучше плохого живота (жизни). Лучше было бы нейти против безбожных татар, нежели пришёл и ничто не сотворив, воротиться вспять. Ныне же пойдём за Дон, и там или победим и всё от гибели сохраним, или сложим свои головы... за братию нашу христиан.

«Сказание о Мамаевом побоище» (СПб., 1907. – С. 31).

Куликовская битва (8 сентября 1380 г.) (из повести «Сказание о Мамаевом побоище»)

М. Авилов. Поединок Пересвета с Челубеев перед Куликовской битвой

И начал великий князь с братом своим и с литовскими князьями распределять полки до шестого часа. Некий же воевода, именем Дмитрий Боброк, родом из Волынской земли, приехал с литовскими князьями, во всем был замечательный воевода и полководец...

И была утром великая мгла, начали знамена христианские простираться и многие трубы трубить. Уже у русских князей и воевод, и у всех удалых людей кони укротились, звук трубный, каждый под своим знаменем, полки пошли, как кому велено по приказу...

Великий князь сел на борзого коня и ездит по полкам, говоря: "Отцы и братья, сражайтесь ради господина, за святые церкви и веру христианскую; ведь эта смерть не смерть, но вечная жизнь; не думайте ни о чем земном, не жалеете, братья, земной жизни".

Утвердив русские полки, великий князь пересел с коня на другого, снял с себя царскую одежду и переделался в другую. Своего же коня дал Михаилу Андреевичу Бренку, которого очень любил, и одежду одел на него, и велел за ним возить знамя, под тем знаменем он и был убит за великого князя.

1-й этап боя

Войска начали сходитьсь. Передовой полк ведет Дмитрий Всеволож и брат его Владимир, а с правой руки идет Микула Васильевич с коломенцами и со многими иными. Татары идут по обе стороны, негде им расширяться, татар много, а место для них мало. Безбожный же царь выехал с тремя темниками на высокое место смотреть на человеческое кровопролитие: близко ведь уже сходятся.

И когда настал третий час дня, великий князь сказал: "Видите, братья, гости наши приближаются, водят между собой хороводы, уже они веселые". И сказал: "Братья, русские удалыцы, время приблизилось, и час пришел". Каждый ударил по своему коню и воскликнул. И сошлись оба войска, крепко бились не только оружием, но и убивали друг друга врукопашную, умирали под конскими копытами, задыхались от великой тесноты, ибо невозможно им было уместиться на Куликовом поле, тесное ведь место между Доном и Непрядвою. На том поле сошлись сильные полки вместе, из них выступили кровавые зори от сияния мечей, точно молнии блещут. И был треск ломающихся копий и удары мечей, нельзя было увидеть грознее часа смертного, в единый час, в мгновение ока сколько тысяч погибает созданий божьих.

2-й этап боя

В четвертом и пятом часу бьются, не ослабевают христиане. Когда же настал шестой час, божьим попущением, за наши грехи, начали татары побеждать; многие вельможи перебиты татарами, удалые витязи, как деревья дубровные, клонятся к земле, под конские копыта, многие сыновья русские погибли. Самого великого князя ранили; он покинул войска и сошел с коня, потому что не мог больше сражаться. Татары подсекли уже многие знамена великого князя.

Когда же настал шестой час, многие венцы (венки) опустились на русские полки (т. е. много русских погибло), а татары отовсюду зашли, обступили христиан, потому что уменьшилось христиан, одни только татарские полки...

Тяжко было детям боярским (из засадного полка) видеть людей из своего полка убиваемыми; они плакали и непрерывно рвались в бой, точно соколы, точно приглашенные на свадьбу пить сладкое вино. Волынец же запрещал им, говоря "Подождите немного, есть еще с кем вам утешиться".

3-й этап боя

И пришел восьмой час, внезапно потянул южный ветер им в спину. Закричал Волынец громким голосом князю Владимиру: "Час пришел, время приблизилось". И еще сказал: "Братья мои и друзья, дерзайте". И одновременно выехали русские из дубравы, точно выдержанные соколы, ударили на многие стада гусиные, знамена их направлены грозным воеводою.

Татары же, увидев их, закричали: "Увы, нам, снова Русь обманула, слабейшие люди с нами сражались, а сильные все сохранились". И обратились татары в бегство и побежали.

«Хрестоматия по русской военной истории» (М., 1947. – С. 39 – 42).

Московское княжество

Московское княжество начинает выделяться из Владимиро-Суздальского в XIII в. Город Москва, вокруг которого сгруппировалось это княжество, до XIII в. не играл заметной роли в русской жизни. Приемник Калиты на великом княжении, старший сын его Семен (1341 – 1353) не нарушал завещания Калиты, и братья его владели каждый своим уделом. Свой удел, вместе с прикупленными селами в Переславле, Юрьеве, Владимире, Костроме и Дмитрове, он завещал жене своей, Марье Александ-

ровне, урожденной княжне тверской; но брат его Иван второй, сделавшись великим князем, присоединил этот удел к своим владениям еще при жизни княгини Марьи.

Василий I Дмитриевич

Великий князь Владимирский и Московский, старший сын великого князя Дмитрия Ивановича Донского. Родился в 1371 г., вступил на престол в 1389 г. Как по своему характеру, так и по условиям, создавшимся отчасти еще при его отце, Василий мало мог оказывать влияния на политику великого княжения. После Тохтамышева погрома в 1382 г. посланный отцом в Орду представлять в споре за великокняжеский стол с тверским князем Михаилом Александровичем, Василий удержан был там в качестве заложника за 8000-й долг московского великого князя. Пробыв года два в Орде, он бежал оттуда в Молдавию и через Литву, где виделся с Витовтом и где был решен брак его с Софьей Витовтовной (заключен в 1391 г.), в сопровождении польско-литовской свиты вернулся в Москву только в январе 1387 г. Отец, умирая, завещал ему слушаться бояр своих, влияние которых на Василия документально засвидетельствовано. Получив по завещанию Донского Владимирское княжество как вотчину, он был посажен на великокняжеский стол во Владимире ханским послом. Смерть Донского открыла дорогу к митрополичьей кафедре во Владимире Киприану, знатному болгарину, поставленному на русскую митрополию в 1387 г. и признанному в Литве раньше, чем он был допущен в Москву; этим оборвалась определенно и резко проводившаяся митрополитом Алексеем национальная политика кафедры, и выдвинута была ей противоположная, поддерживаемая политическим преобладанием Витовта, идея церковного сближения католической Литвы с греческим православием. Западная политика Москвы подчинялась, таким образом, видам Витовта. Зато на Востоке, благодаря опыту 80-х годов и умелой политике в Орде московского боярства, Василию открывалась возможность успеха в территориальном собирании удельных русских земель, с его времени ставшим на прочную дорогу. Принятие великого княжения с утверждения Орды обеспечило Василию дипломатическую победу над притязаниями дяди его Владимира Андреевича, уехавшего было из Москвы в Новгород, где он, видимо, не нашел сильной поддержки. В том же 1389 г. был заключен договор (Собрание Го-

сударственных Грамот и Договоров, т. I, № 35), признавший за Василием ценой территориальной уступки дяде (Волок-Ламский и Ржево) великокняжескую власть и подчиненное положение дяди. Один пункт договора предусматривал возможность расширения (Муром, Таруса и «иные места») владений Василия. С обеспеченным миром на западной границе (договор с Великим Новгородом 1389 г., брак с Софьей 1391 г.) Василий в 1392 г. поехал в Орду, где московские деньги и, может быть, опасность со стороны надвигавшегося Тамерлана доставили ему ярлык на Нижегородское великое княжество, Городец, Мещеру, Муром и Тарусу. Нижегородскому князю Борису Константиновичу не удалось отстоять ни своих, Орду в 1389 г. подтвержденных прав, ни города: Нижний Новгород был взят московскими боярами вследствие измены местного боярства с Василием Румянцем во главе; там водворились московские наместники. После смерти Бориса Константиновича в заточении (1393) Василию пришлось бороться за свое приобретение с племянником Бориса Семеном Дмитриевичем; в 1401 г. удалось привести его к отказу от притязаний на наследство. Смертью Семена в 1402 г. нижегородский вопрос был решен в благоприятном для Москвы смысле надолго. Нашествие Тамерлана, задевшее восточно-русский юг, но не проникшее до Москвы, в 1395 г. расстроило Тохтамышеву Орду в волжских низовьях и выбросило оттуда по Волге вверх до Камы татарские массы, угрожавшие русскому пограничью на Востоке (1000-й отряд царевича Ейтяка шел с Семеном Дмитриевичем на Нижний Новгород в 1395 г.; в казанских и мордовских землях находил он себе приют и опору и в последующее время). Московскому князю ставилась задача обороны этнографической границы, а впоследствии и колонизационного наступления на Восток. В руках его оказывались ключ торгового движения вниз по Волге и новый источник влияния на Великий Новгород: с усилением Московской власти на Волге Великому Новгороду приходилось больше опасаться за свои Двинские и иные «земли», так слабо связанные с метрополией и экономически смотревшие более на Юг, чем на Запад. Немедля по присоединении Нижегородского княжества Василий потребовал от Великого Новгорода черного бора, княжчины и митрополичьего суда (отмененного вече в 1385 г. и не восстановленного вопреки требованию митрополита Киприана в 1391 г.) и поддержал неисполненное требование военной экспедицией в Торжок, Волок-Ламский и Вологду. Новгород ответил нападением на Устюг и Белоозеро, но просил потом ми-

ра, который и был заключен «по старине» (1393), с уплатой черного бора и контрибуции и с отказом от постановления об отмене митрополичьего суда. Попытка оторвать от Великого Новгорода его «земли» скоро стала возможной – ценой национального унижения. 1395 г. был критическим для Москвы в этом смысле: только случайность спасла ее от разорения Тамерланом; Витовт начал наступление на восток, взяв Смоленск и отправив войско на Рязань, где укрылся один из смоленских князей. Василий не только не выступил на защиту русских областей, но вместе с митрополитом Киприаном оказался в 1396 г. в Смоленске в гостях у Витовта, где переговоры (о церковных делах на Литве) с успехом велись митрополитом. После разгрома Витовтом Рязанской земли он был почетно принят Василием Дмитриевичем на московской территории, в Коломне. Здесь же решены были совместные действия против Великого Новгорода, заключившего нежелательный Витовту и безразличный для Москвы договор с немцами. Посольство Василия требовало в 1397 г. в Новгороде отмены этого договора, но безуспешно. Зато тогда же было послано на Двину приглашение отложиться от Новгорода и целовать крест Москве. Двиняне приняли предложение. От Новгорода отняты были Волок-Ламский, Торжок, Бежецкий верх и Вологда, но в 1398 г. новгородцы вернули отнятое, и Василию пришлось заключить мир опять «по старине»: Витовт занят был уже другим планом (восстановления Тохтамыш в Орде и союза с ним против Москвы) и «розверз мир» с Василием. Поражение Витовта на Ворскле в 1399 г. развязало руки Василию; московские войска в 1401 г. опять воюют в Заволочье, на Двине и др. Но из опасения оправившегося от поражения и обратившегося опять к русскому северо-востоку Витовта и тут дело кончилось в 1402 г. миром. В 1403 г. Василий не решился даже принять на службу, с вотчиной, одного из спасавшихся от Витовта смоленских князей. Псков также искал поддержки против Витовта. В 1406 г. мир с Литвой был разорван, к Вязьме послано войско, сам Василий вышел против Витовта к реке Плавe, но до битвы не дошло, и было заключено перемирие на год. Смуты на Литве продлили года на два попытки выйти из-под влияния Витовтовой политики. В 1408 г. (июль) Василий принял к себе неудачливого соперника Ягайлы, Свидригайла, с князьями звенигородским, путивльским, перемышльским и минским и боярами черниговскими, брянскими, стародубскими и рославльскими, дав Свидригайлу города Владимир, Переяславль и др. Витовт ответил на это походом к реке Угре, куда выступили и москов-

ские полки с Василием Дмитриевичем; стояние кончилось на этот раз вечным миром. Не здесь лежали интересы Витовта, а с востока надвинулась татарская гроза на Москву. Предводитель ордынской рати Едигей в ноябре 1408 г. через Рязань и Коломну подошел к Москве, остановился в с. Коломенском и оттуда в течение месяца опустошил московские города вплоть до Нижнего Новгорода. Москва освободилась от осады за 3000 рублей, Едигей был отозван ханом ввиду появившегося в Орде претендента на ханский престол. Грамота Едигея к Василию, укрывшемуся в Костроме, объясняет причины экспедиции в «улус» (как звали Русь татары) выходом Руси из повиновения Орде после ее разгрома Тамерланом в 1395 г. Под влиянием кружка молодых бояр с казначеем Иваном Федоровичем Кошкой во главе (Собрание Государственных Грамот и Договоров, т. II, № 15) московское правительство прекратило посылку посольства в Орду и платеж все же собираемой дани (летописец рассказывает об одном «культурном» расходе княжеского двора под 1404 г. – сооружении в Москве башенных часов с боем, «часника чюдного и самозвоннаго»). Поход Едигея вновь возбудил притязания нижегородской княжеской семьи на отобранное у нее наследство; хлопоты ее в Орде убедили Василия в необходимости личного им противодействия. Одновременно с ним (1412) в Орду поехал, по зову хана, Тверской князь Иван Михайлович. Василий Дмитриевич выиграл нижегородское дело у нового хана Керимбердея; князья-наследники смирились и приехали в Москву (1416). В 1419 г. Василий назначает преемником своим сына Василия; попытка взять письменное согласие на это от братьев вызвала протестующий отъезд младшего, Константина, но едет он не к татарам, а в Новгород: Орда не имела оснований отказываться от исправного данника. К поддержанию вечного мира клонились и отношения Василия Дмитриевича к Витовту. Тщетны были призывы псковичей к московскому заступничеству (1423 – 1425). Умирая, Василий поручал Витовту защиту великокняжеских прав своего десятилетнего сына. Оставлены были в это время покушения на Великий Новгород. Из 5 сыновей Василия Дмитриевича четверо умерли еще при его жизни (трое – в младенчестве); дочь Анна в 1411 г. была выдана за сына византийского императора Мануила Палеолога, Ивана.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (Т. V. – Кн. 9. – С. 582).

Василий II

Василий Темный, великий князь Московский и Владимирский, сын великого князя Василия I Дмитриевича. Родился в 1415 г., княжил с 1425 г. Ему было 10 лет, когда умер его отец. Его кандидатура на великокняжеский стол могла считаться и юридически непрочной: завещание Дмитрия Донского, его деда, заключало в себе слова, обосновавшие притязание дяди В., Юрия Дмитриевича, на великое княжение. Решение спора между дядей и племянником зависело на деле от великого князя литовского Витовта, опекуна семьи Василия I. Опираясь на него, митрополит Фотий склонил Юрия к мирному договору (1425), по которому тот обязался не добиваться великого княжения силой; только ханское пожалование признано было авторитетным на случай, если бы Юрий возобновил свои притязания. Зависимое от Витовта московское правительство не протестовало против состоявшегося в 1425 г. назначения особого западнорусского митрополита. Не составило Витовту труда получить отречение (в 1428 г.) московского великого князя от самостоятельной политики в Великом Новгороде и Пскове. Юрию пришлось формально (Собрание Государственных Грамот и Договоров, т. I, № 43 – 44) ограничить свои владения Галичем и Вяткой, отказаться от притязаний на великое княжение. В 1430 г. умер Витовт; на Литовском великом княжении сел Свидригайло, и свойством связанный с ним Юрий не замедлил отказаться от договора 1428 г. В начале 1431 г. Юрий и Василий II были уже в Орде; тяжба затянулась там более чем на год и кончилась в пользу Василия II. По летописному рассказу, Юрий стоял на почве завещания Донского; московский боярин Иван Дмитриевич Всеволожский противопоставил завещанию суверенную волю хана; отрицая юридическую ценность «мертвых» грамот. Василий II был посажен на стол ордынским послом – впервые в Москве. Юрию ханом был дан город Дмитров, вскоре (1432) отнятый у него Василием. Данное Василием в критический момент Всеволожскому обещание жениться на его дочери было нарушено, и в 1433 г. состоялся брак Василия II с дочерью удельного князя Ярослава Владимировича. Вдобавок на свадьбе великого князя мать его, Софья Витовтовна, грубо обошлась с сыном Юрия, Василием Косым. Обиженный Всеволожский перешел на сторону Юрия; Василий Косой с братьями Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным уехал к отцу. В апреле 1433 г. в 20 верстах от Москвы Василий II потерпел поражение и укрывшись в Кострому, где был взят в плен. Из всех владений за ним осталась

одна Коломна. Но несогласия среди победителей заставили Юрия уступить Василию II великое княжение (Собрание Государственных Грамот и Договоров, т. I, № 49 – 50). Сыновья Юрия не сложили оружия; скоро с ними примирился и Юрий. Василий II терпел поражение за поражением. В 1434 г. ему пришлось укрываться в Новгороде; Москва была занята Юрием. Внезапная смерть Юрия вторично расколола противников Василия II; младшие братья не пристали к старшему, Василию Косому, объявившему себя великим князем; с их помощью Василий II вернул себе великое княжение. В 1435 г. Косой был разбит на реке Которосле и связан договором. Положение Василия II не было, однако, прочно. Усобица, несколько лет кряду нарушавшая экономическую жизнь московского центра, поколебала верность московских торгово-промышленных кругов, искавших мира. В Твери Шемяка стал склоняться на сторону Косого (и был по подозрению в этом заточен). Сам Косой в 1436 г. нарушил договор и выступил против Василия II. В открытом бою он был разбит; в плену его ослепили, Шемяку освободили и пожаловали вотчиною. До сих пор шел чисто династический спор; второй приступ усобицы происходил с обеих сторон под флагом национального принципа. Этому способствовали два фактора. Флорентийская уния 1439 г. создала грань между униатской (на первых порах) и католической Литвой и не изменившей православия Восточной Русью; в то же время усилилась агрессивная политика восточнотатарских орд, и татарский элемент стал проникать в правящие верхи московского общества. На первых же порах по замирении усобицы московское правительство позволило себе смелую политику в отношении к Великому Новгороду; оно перестало признавать заключенный с ним в трудную минуту договор 1435 г., послало туда княжеского наместника, а в 1441 г. военной экспедицией заставило новгородцев купить за 8000 рублей невыгодный для них мир и формально отказаться от условий 1435 г. В 1442 г. было «взвергнуто нелюбие» и на Шемяку, которому при новых условиях некуда было укрыться и не на кого опереться; состоялось, однако, примирение при содействии троцкого игумена. В то же время не был принят заключивший Флорентийскую унию митрополит Исидор. Хан Улу-Махмет, выброшенный из Орды к русской границе, засел в 1438 г. в городе Белеве; осажденный там московскими войсками, он готов был идти на какие угодно условия, отдаваясь на полную волю Василию II. Но московские воеводы хотели боевой победы – и потерпели поражение вследствие измены присланного им на

помощь литовского воеводы. Улу-Махмет беспрепятственно прошел к Нижнему Новгороду, и в 1439 г. сделал разрушительный набег на Москву; великий князь успел бежать, каменный «город» уцелел, но посады и окрестности (до Коломны включительно) сильно пострадали. Нижний Новгород, у которого основалась Орда Улу-Махмета, находился в осаде. У Муроме и Владимира приходилось держать усиленные гарнизоны; между ними кочевала резиденция великого князя. В 1445 г. удалось отбить движение Махмета; полагая, что безопасность временно обеспечена, Василий II вернулся встретить Пасху в Москву. Пользуясь слабостью гарнизонов, Махмет неожиданно напал на Василия II у города Юрьева и взял его в плен. Условия освобождения – тяжелый выкуп (200000 рублей) и притязательная свита татарской знати – создали почву, благоприятную для поднявшегося вновь Шемяки: опираясь на недовольство в разных слоях общества, он привлек на свою сторону тверского и можайского князей. В феврале 1446 г. Василий II был захвачен в Троицком монастыре князем можайским: Москва занята Шемякой. Сюда привезли Василия II и ослепили. Сторонники его нашли почетный прием в Литве. При посредничестве рязанского епископа Ионы, которому Шемяка обещал митрополию, новому правительству удалось обманом вызвать в Москву детей Василия II; вместе с отцом их заточили в Углич. Эта расправа не упрочила положения Шемяки; сосредоточение недовольных на литовской территории угрожало крупными осложнениями. На церковно-боярском совете в конце 1446 г. Шемяка под влиянием особенно скомпрометированного митрополита Ионы согласился освободить слепого Василия II (1447). Вологда была дана ему в отчину и стала базой тотчас же начавшегося движения в его пользу. Центр его был перенесен в Тверь, когда игумен Кирилло-Белозерского монастыря Трифон разрешил Василия II от крестоцелования Шемяке, а тверской князь Борис отстал от Шемяки, и состоялось обручение его дочери с сыном Василия, Иваном (будущий великий князь Иван III); в Тверь потянулись и сторонники Василия II из Литвы. Московская кафедра, всегда сторонница сильной великокняжеской власти, не упустила момента реабилитировать себя и стать на сторону сильнейшего; отъезд Шемяки из Москвы отдал в ее руки колеблющееся столичное население, в своих руководящих торговых кругах исключительно мирно настроенное. Небольшому отряду сторонников Василия II, тайком проникшему в Москву, ничего не стоило перехватать близких Шемяке людей и привести к присяге москов-

скую массу (присяга Шемяке могла быть отменена только высшей местной, то есть митрополичьей, церковной властью). Положение Шемяки с этого момента быстро ухудшалось, и в 1448 г. он вынужден был отказаться от московского престола формально. Его союзник князь Можайский, а также князья рязанский, боровский и верейский были связаны подчиняющими договорами. Тогда же состоялось официальное посвящение Ионы в митрополиты собором церковным; в послании, извещавшем об этом, Иона заклинает всех, кто еще не перешел на сторону Василия II, бить челом восстановленному великому князю под угрозой церковного отлучения («Акты Ист.», I, № 40). В 1449 г., когда Шемяка вновь выступил против Василия II, поход московских войск носил характер почти крестового: с великим князем шли митрополит и епископы. В 1450 г. Шемяка был окончательно обессилен под Галичем и бежал в Великий Новгород. Оттуда в 1452 г. он сделал вылазку, кончившуюся неудачно. В 1453 г. он внезапно скончался. Версия об отравлении его московскими стараниями, по некоторым признакам, может считаться правдоподобной. Можайский князь бежал в Литву, и Можайск присоединен к Москве в 1454 г. Спустя два года то же случилось с боровским князем. Дошла очередь и до Великого Новгорода; новгородские войска потерпели поражение, Новгород был приведен к покорности великому князю на небывало тяжелых условиях: 10000 контрибуция, отмена вечевых грамот («вечным грамотам не быти»), замена новгородской печати печатью великого князя («Акты Арх. Эксп.» № 58, договор в Яжелбицах). Это было начало конца новгородской самостоятельности. О степени раздражения новгородцев можно судить по тому, что в один из приездов Василия Васильевича в Новгород (1460) на вече обсуждался вопрос об убиении великого князя («Полное Собрание Русских Летописей», т. VI, Соф. 2-я). В 1458 – 1459 годах и Вятка, в усобице 30-х годов стоявшая на стороне Юрия и его сыновей, вынуждена была «добить челом на всей воле великого князя». В 50-х же годах рязанский князь поручил свое княжество и сына московской опеке, выразившейся в посылке туда наместников. Результаты княжения Василия II можно характеризовать как ряд крупных успехов: увеличение территории московского великого княжения, независимость и новая формулировка задач русской церкви, обновленная идея московского самодержавия и внутренне упроченная власть великого князя. В 1450 г. Иван, старший сын Василия II, был сделан его соправителем; его имя встречается на государственных грамотах. Все это ростки, пышным

цветом распустившиеся в княжение Ивана III – Василий Васильевич умер 27 марта 1462 г. от сухотной болезни. Женатый на княжне Марии Ярославне с 1433 г., он имел детей: Юрия (умер до 1462 г.), Ивана, Юрия, Андрея Большого, Семена, Бориса, Андрея Меньшого и дочь Анну, бывшую замужем за князем Рязанским Василием Ивановичем.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (Т. V. – Кн. 9. – С. 585).

Василий Дмитриевич Кирдяга

Старший сын Дмитрия-Фомы Константиновича; князь Суздальский и Городецкий. Родился около 1350 г., умер 1403 г. Когда Борис Константинович занял Нижегородский стол, Дмитрий-Фома отправил сыновей Василия и Семена для переговоров. Василий отправился в Орду и вывез отцу ярлык на великое княжение Владимирское. Отец посадил его в Суздале.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (Т. V. – Кн. 9. – С. 596).

Василий Ярославович

Князь Серпуховско-Борский. В 1445 г. он с великим князем Московским ходил к Мурому против хана Улы-Махмета, к Суздалю – против детей Мухаммета.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (Т. V. – Кн. 9. – С. 602).

Уставная грамота митрополита Киприана Владимирскому Царевоконстантиновскому монастырю, 1391 г., октября 21¹

Се яз Киприан митрополит всеа Руси дал есмь сю грамоту монастырю своему святому Костянтину и игумену, что ми били челом сироты² мо-

¹ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV – XV веков. – М., 1951. – № 201. – Ч.1. – С. 179 – 180.

² Сироты – крестьяне.

настырские на игумена на Ефрема, так ркучи³ : наряжает нам, господине, дело не по пошине⁴, чего, господине, при первых игуменах не бывало, пошины, господине, у нас емлет, чего иные игумены не имали.

А игумен митрополиту так рек: яз, господине, хожу по старой пошине, как было при первых игуменех, а здесь, господине, на Москве игумен Царко, тот игуменил у святого Костянтина наперед мене, того, господине, и вопросы. И митрополит послал Окинфа⁵ к Царку игумену, занеж тогда Царко нездоровел, велел спросити, какова пошина в святом Константине и как людем монастырским дело делати.

И Царко игумен так отвечал Окинфу: при моем игуменстве так было в святом Константине; большим людем⁶ из монастырских сел церковь наряжати⁷, монастырь и двор тынити⁸, хоромы ставить, игумнов жеребий весь ролы орать взгоном⁹, и сеяти, и пожата, и свести, сено косить десятинами и в двор ввести, ез¹⁰ бита и вешней и зимней, сады оплетать, на невод ходити¹¹, пруды прудить, на бобры им в осенине пойти¹², а истоки им забивати, а на велик день¹³ и на Петров день¹⁴ приходят к игумену что у кого в руках¹⁵.

А пешеходцем¹⁶ из сел к празднику рожь молоти, и хлебы печи, солод молоть, пива варить, на семя рожь молотить, а лен дасть игумен в села, и они прядут сежи и дели¹⁷ неводные наряжают, а дают из сел все люди на праздник яловицу¹⁸, но одинава ми, господине, добили челом, а не в пошину, тремя бараны, и яз их пожаловал за яловицу, занеж ми была не на-

³ Ркучи – говоря, жалуясь.

⁴ Не по пошине – не по старине, больше обычного, чем и вызвана жалоба крестьян.

⁵ Окинф – боярин митрополита, управлявший его хозяйством.

⁶ Большие люди – зажиточные крестьяне, имевшие лошадей.

⁷ Церковь наряжати – строить и убирать церковь.

⁸ Тынити – строить изгородь, тын.

⁹ Жеребий... взгоном – пахать принадлежащий игумену участок пашни всем вместе, сообща, в одно время.

¹⁰ Ез – устройство для ловли рыбы в виде частокола или плетня, поставленных поперек реки или ее притока, где шла рыба.

¹¹ На невод ходити – ловить рыбу неводом (сетью).

¹² На бобры... пойти – осенью ловить бобров.

¹³ Велик день – праздник Пасхи.

¹⁴ Петров день – церковный праздник (29 июня).

¹⁵ Что у кого в руках – с подношениями игумену.

¹⁶ Пешеходцы – крестьяне малоимущие, безлошадные.

¹⁷ Сежи и дели – неводы с приспособлениями для ловли рыбы.

¹⁸ Яловица – нетелившаяся корова, телушка.

добе яловица, а по пошине по старой всегда ходит яловица на праздник. А в которое село приедет игумен в братшину¹⁹ и сыпци²⁰ дают по зобне²¹ овса конем игуменовым. <...>

И Киприан митрополит всеа Руси так рек игумену и христианом монастырским: ходите же вси по моей грамоте, игумен сироты держи, а сироты игумена слушайте, а дело монастырское делайте. <...>

«Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века» (Сост. П.П. Епифанов, О.П. Епифанов. – М., 1989. – С. 90–92).

Свержение монголо-татарского ига (1480 г.) (из «Софийской второй летописи»)

В 1480 году. К великому князю пришла весть, что царь Ахмат доподлинно идет (на него) со всею своею ордою – с царевичами, уланами и князьями, а также с королем Казимиром в общей думе; король и повел царя на великого князя, желая разорить христиан. Великий князь пошел к Коломне и сам стал в Коломне, а своего сына, великого князя Ивана, поставил в Серпухове, князя Андрея Васильевича Меньшаго в Тарусе, а других князей и воевод по иным местам по берегу Оки. Услышав, что великий князь стоит на берегу со своими силами, царь Ахмат пошел к Литовской земле, обходя реку Оку и поджидая к себе короля или его войска; проводники вели царя к реке Угре, на броды. Тогда великий князь послал на Угру сына, брата и своих воевод со всеми силами. Придя, они встали на Угре и заняли броды и перевозы. А сам великий князь поехал из Коломны в Москву.... И все его очень умоляли, чтобы он стоял крепко за православное христианство против басурман. Великий князь внял их просьбам и, взяв благословение, пошел на Угру. Прейдя, великий князь стал с небольшим количеством людей в Кременце, а всех остальных отпустил на Угру...

Царь же со своими татарами пошел же по Литовской земле мимо Мценска, Любутска и Одоева и, дойдя, стал у Воротынска, ожидая помощи у короля. Король же ни сам не пошел к нему, ни помощи не прислал, потому что у него были свои дела: в это время Менгли-Гирей, царь Перекоп-

¹⁹ Братшина (братчина) – праздничный пир в складчину.

²⁰ Сыпци – участники складчины, называемой также "ссыпчиной".

²¹ Зобна – плетеный кошель, кузовок для дачи лошадям овса.

ский, воевал Волынскую землю, служа великому князю. Ахмат пришел к Угре со всеми силами, думая перейти реку. Пришли татары и начали стрелять в наших, а наши по ним.... Наши побили многих стрелами и пищалями (ружьями), а их стрелы падали между нашими людьми и никого не ранили. И отбили татар от берега. И много дней татары начали наступать с боем и ничего не могли. Ждали, когда станет река...

А татары искали дороги, где бы им тайно перейти (реку) и идти спешно к Москве. И пришли они к реке Угре, близ Калуги, и хотели перейти ее вброд. Но их устерегли и дали знать сыну великого князя. Великий же князь, сын великого князя, двинулся со своим войском и, пойдя, стал у реки Угры на берегу и не дал татарам перейти на эту сторону.... Братья великого князя пошли (пришли на помощь) к великому князю.

Царь (хан) хвастался все лето, говоря: «Даст бог на вас зиму, и станут все реки, так много дорог будет на Русь». С Дмитриева дня наступила зима, и все реки стали; и наступили большие морозы, каких и не видавали. Тогда царь убоялся и побежал с татарами прочь 11 ноября, потому что татары были наги и босы, ободрались.

«Хрестоматия по истории СССР» (Т. 1. – М., 1987. – С. 255 – 258).

Житие Сергия Радонежского

<...> Преподобный Сергий родился от родителей благородных и благоверных: от отца, которого звали Кириллом, и матери, по имени Мария, которые были всякими добродетелями украшены. <...>

И свершилось некое чудо до рождения его. Когда ребенок еще был в утробе матери, однажды в воскресенье мать его вошла в церковь во время пения святой литургии. И стояла она с другими женщинами в притворе, когда должны были приступить к чтению святого Евангелия и все стояли молча, младенец начал кричать в утробе матери. Перед тем, как начали петь херувимскую песнь, младенец начал вторично кричать. Когда же иерей возгласил: "Вонмем, святая святым!" – младенец в третий раз закричал. <...>

Когда наступил сороковой день после рождения его, родители принесли ребенка в церковь Божию. <...> Иерей окрестил его именем Варфоломей. <...>

Отец и мать рассказали иерею, как их сын, еще в утробе матери, в церкви три раза прокричал: "Не знаем, что означает это". Иерей сказал: "Радуйтесь, Ябо будет ребенок сосуд избранный Бога, обитель и слуга Святой Троицы". <...>

У Кирилла было три сына: Стефан и Петр быстро изучили грамоту, Варфоломей же не быстро учился читать. <...> Отрок со слезами молился: "Господи! Дай мне выучить грамоту, вразуми меня". <...>

Печалились родители его, огорчался учитель. Все печалились, не ведая высшего предначертания божественного промысла, не зная, что хочет Бог сотворить. <...> По усмотрению Бога нужно было, чтобы от Бога книжное учение он получил. Скажем, как научился он грамоте.

Когда он послан был отцом своим искать скот, он увидел некоего черноризца на поле под дубом стоящего и молящегося. Когда кончил молиться старец, он обратился к Варфоломею: "Что хочешь, чадо?" Отрок же сказал: "Душа желает знать грамоту. Учусь я грамоте, но не могу ее одолеть. Святой Отче, помолись, чтобы смог я научиться грамоте". И ответил ему старец: "О грамоте, чадо, не скорби: с сего дня дарует тебе Господь знание грамоты". С Того часа он хорошо знал грамоту.

Раб божий Кирилл прежде обладал большим имением в Ростовской области, был он боярином, владел большим богатством, но к концу жизни впал в бедность. Скажем и о том, почему он обнищал: из-за частых хождений с князем в Орду, из-за набегов татарских, из-за даней тяжких ордынских. Но хуже всех этих бед было великое нашествие татар, и после него продолжалось насилие, потому что княжение великое досталось князю Ивану Даниловичу, и княжение Ростовское отошло к Москве. И многие из ростовцев москвичам имущество свое поневоле отдавали. Из-за этого Кирилл переселился в Радонеж.

Сыновья Кирилла, Стефан и Петр, женились; третий же сын, блаженный юноша Варфоломей, не захотел жениться, а стремился к иноческой жизни.

Стефан же немного лет пожил с женой, и жена его умерла. Стефан же вскоре оставил мир и стал монахом в монастыре Покрова святой Богородицы в Хотькове. Блаженный юноша Варфоломей, пришедши к нему, просил Стефана, чтобы тот пошел с ним искать место пустынное. Стефан, повинувшись, пошел вместе с ним.

Обошли они по лесам многие места и наконец пришли в одно место пустынное, в чаще леса, где была и вода. Братья осмотрели место и полюбили его, а главное – это Бог наставлял их. И, помолившись, начали они своими руками лес рубить, и на плечах своих они бревна принесли на выбранное место. Сначала они себе сделали постель и хижину и устроили над ней крышу, а потом келью одну соорудили, и отвели место для церковки небольшой, и срубили ее.

И освящена была церковь во имя святой Троицы. Стефан недолго прожил в пустыни с братом своим и увидел, что трудна жизнь в пустыни – во всем нужда, лишения. Стефан ушел в Москву, поселился в монастыре святого Богоявления и жил, весьма преуспевая в добродетели.

В то время Варфоломей хотел принять пострижение монашеское. И призвал он к себе в пустыньку священника, игумена саном. Игумен постриг его месяца октября в седьмой день, на память святых мучеников Сергия и Вакха. И дано было имя ему в монашестве Сергий. Он был первым иноком, постриженным в той церкви и в той пустыни. Порой его смущали демонские козни и ужасы, а иногда зверей нападения – ведь много зверей в этой пустыни тогда жило. Некоторые из них стаями были и с ревом проходили, а другие не вместе, но по два или по три, или один за другим мимо проходили; некоторые из них вдалеке стояли, а другие близко подходили к блаженному и окружали его, и даже обнюхивали его.

Среди них один медведь имел обыкновение приходить к преподобному. Преподобный, видя, что не из злобы приходит к нему зверь, но чтобы взять из еды что-нибудь немного для пропитания себе, выносил зверю из хижины своей маленький кусок хлеба и клал его или на пень, или на колоду, чтобы, когда придет, как обычно, зверь, готовую себе нашел пищу; и он брал ее в пасть свою и уходил. Когда же не хватало хлеба и пришедший по обыкновению зверь не находил приготовленного для него привычного куска, тогда он долгое время не уходил. Но стоял медведь, озираясь туда и сюда, упорствуя, как некий жестокий заимодавец, желающий получить долг свой. Если же был у преподобного лишь один кусок хлеба, то и тогда он делил его на две части, чтобы одну часть себе оставить, а другую зверю этому отдать; не было ведь тогда в пустыни у Сергия разнообразной пищи, но только хлеб один и вода из источника, бывшего там, да и то понемногу. Часто и хлеба на день не было; и когда это случалось, тогда они оба оставались голодными, сам святой и зверь. Иногда же блаженный о себе не за-

ботился и сам голодным оставался: хотя один только кусок хлеба был у него, но и тот он зверю этому бросал. И он предпочитал не есть в тот день, а голодать, нежели зверя этого обмануть и без еды отпустить.

Блаженный же все посылавшиеся ему испытания с радостью терпел, за все благодарил Бога, а не протестовал, не унывал в трудностях.

И потом Бог, видя великую веру святого и большое терпение его, смилостивился над ним и захотел облегчить труды его в пустыне: вложил Господь в сердца некоторым богобоязненным монахам из братии желание, и начали они приходить к святому.

Но преподобный не только не принимал их, но и запрещал им оставаться, говоря: "Не можете выжить на месте этом и не можете терпеть трудности в пустыне: голод, жажду, неудобства и бедность". Они же отвечали: "Хотим мы терпеть трудности жизни на месте этом, а если Бог захочет, то и сможем". Преподобный же еще раз спросил их: "Сможете ли вы терпеть трудности жизни на месте этом: голод, и жажду, и всякие лишения?" Они же ответили: "Да, честный отче, мы хотим и сможем, если Бог поможет нам и твои молитвы поддержат нас. Только об одном молим тебя, преподобный: не удаляй нас от лица твоего и с места этого, милого нам, не прогоняй нас".

Преподобный же Сергей, убедившись в вере их и усердии, удивился и сказал им: «Я не выгоню вас, ибо Спаситель наш говорил: "Приходящего ко мне не изгоню вон"».

И построили они каждый отдельную келью и жили для Бога, глядя на жизнь преподобного Сергея и ему по мере сил подражая. Преподобный же Сергей, живя с братьями, многие тяготы терпел и великие подвиги и труды постнической жизни совершал. Суровой постнической жизнью он жил; добродетели его были такие: голод, жажда, бдение, сухая пища, на земле сон, чистота телесная и душевная, молчание уст, плотских желаний тщательное умерщвление, труды телесные, смирение нелицемерное, молитва беспрестанная, рассудок добрый, любовь совершенная, бедность в одежде, память о смерти, кротость с мягкостью, страх Божий постоянный.

Собралось монахов не очень много, не больше двенадцати человек: среди них был некий старец Василий, по прозванию Сухой, который в числе первых пришел с верховьев Дубны; другой же монах, по имени Иаков, по прозванию Якута – был он за посыльного, его всегда посылали по делам, за особенно нужными вещами, без которых нельзя обойтись; еще

один был по имени Анисим, который был дьяконом, отец дьякона по имени Елисей. Когда кельи были построены и тыном ограждены, не очень большим, поставили и привратника у ворот, сам же Сергей три или четыре кельи сам своими руками построил. И в Прочих всех монастырских делах, нужных братии, он участвовал: иногда дрова на плечах своих из леса носил и, разбив и наколов, на поленья разрубив, разносил по кельям. Но зачем я вспоминаю о дровах? Ведь удивительно поистине было видеть то, что у них было тогда: был от них недалеко лес, – не так, как теперь, но где кельи строящиеся были поставлены, здесь же над ними и деревья были, осеняя их, шумели над ними. Вокруг церкви много колод и пней повсюду было, здесь же различные сеяли семена и выращивали огородную зелень.

Но вернемся снова к оставленному рассказу о подвиге преподобного Сергея, он без лености братии как купленный раб служил: и дрова для всех колот, и толок зерно, и хлеб пек, и еду варил, обувь и одежду шил, и воду в двух ведрах на своих плечах в гору носил, и каждому у кельи ставил.

Долго принуждала его братия стать игуменом. И он наконец внял их мольбам.

Не по своей воле Сергей игуменство получил, но от Бога поручено было ему начальство. Он не стремился к этому, не вырывал сана у кого-нибудь, посулов не сулил за это, платы не давал, как делают некоторые честолюбцы, вырывающие все друг у друга. И пришел преподобный Сергей в свой монастырь, в обитель святой Троицы.

И начал блаженный учить братию. Многие люди из различных городов и мест пришли к Сергию и жили с ним. Понемногу монастырь увеличивался, братья умножались, кельи строились.

Преподобный Сергей труды свои все более умножал, старался быть учителем и исполнителем: и на работу раньше всех шел, и на церковном пении раньше всех был, и на службе никогда к стене не прислонялся.

Такой был обычай у блаженного сначала: после павечерия позднего или совсем глубоким вечером, когда уже наступала ночь, особенно же в темные и долгие ночи, завершив молитву в келье своей, выходил он из нее после молитвы, чтобы обойти все кельи монахов. Сергей заботился о братии своей, не только о теле их думал, но и о душах их пекся, желая узнать жизнь каждого из них и стремление к Богу. Если слышал он, что кто-то молится, или поклоны совершает, или работой своей в безмолвии с молитвой занимается, или святые книги читает, или о грехах своих плачется и

сетует, за этих монахов он радовался, и Бога благодарил, и молился за них Богу, чтобы они до конца довели добрые свои начинания. "Претерпевший, – сказано, – до конца – спасется".

Если же Сергей слышал, что кто-то беседует, собравшись вдвоем или втроем, или смеется, – негодовал он об этом, и, не терпя такого дела, рукой своей ударял в дверь или в окошко стучал, и отходил. Таким образом он давал знать им о своем приходе и посещении и невидимым посещением праздные беседы их пресекал.

Прошло много лет, я думаю, больше пятнадцати. Во время княжения князя великого Ивана начали приходить сюда христиане, и понравилось им здесь жить. Начали по обе стороны места этого селиться, и построили села, и засеяли поля. Начали они часто посещать монастырь, принося различные нужные вещи. А была заповедь у преподобного игумена для братьев: не просить у мирян нужного для пропитания, но сидеть терпеливо в монастыре и ждать милости от Бога.

Устанавливается в обители общежитие. И распределяет блаженный пастырь братию по службам: одного ставит келарем, а других в поварню для печения хлеба, еще одного назначает немощным служить со всяческим прилежанием. Все это чудесный тот человек хорошо устроил. Повелел он твердо следовать заповеди святых отцов: ничем собственным не владеть никому, ничто своим не называть, но все общим считать; и прочие должности все на удивление хорошо устроил благоразумный отец. Но это рассказ о делах его, а в житии много распространяться об этом не следует. Поэтому мы здесь рассказ сократим, а к прежнему повествованию возвратимся.

Так как все это чудесный отец хорошо устроил, число учеников умножалось. И чем больше их становилось, тем больше вкладов приносили ценных... . И никто из бедных, в обитель приходивших, с пустыми руками не уходил. Никогда блаженный не прекращал благотворительность и служителям в обители наказал нищим и странникам давать приют и помогать нуждающимся, говоря так: "Если эту мою заповедь будете хранить безропотно, воздаяние от Господа получите; и после ухода моего из жизни этой обитель моя эта весьма разрастется, и долгие годы нерушимой будет стоять по благодати Христа". Так была рука его раскрыта для нуждающихся, как река полноводная с тихим течением. И если кто-нибудь оказывался в монастыре в зимнее время, когда морозы суровые стоят или же снег силь-

ным ветром заметается, так что нельзя из кельи выйти, какое бы время они оставались здесь из-за такого ненастья, – все нужное в обители получал. Странники же и нищие, а из них особенно больные, многие дни жили в полном покое и пищу, сколько кому нужно было, в изобилии получали согласно наказу святого старца; и до сих пор все так сохраняется. А поскольку дороги здесь из многих мест проходили, то князья, и воеводы, и воины бесчисленные – все получали нужную им достаточную искреннюю помощь, как из источников неисчерпаемых, и, в путь отправляясь, необходимую пищу и питье достаточное получали. Все это служащие в обители святого всем с радостью подавали в изобилии. Так люди знали в точности, где все необходимое находится в храмах, пища и питье, а где хлеб и варения, и это все умножалось из-за благодати Христа и чудесного его угодника святого Сергия.

Известно стало, что Божиим попущением за грехи наши ордынский князь Мамай собрал силу великую, всю орду безбожных татар, и идет на Русскую землю; и были все люди страхом великим охвачены. Князем же великим, скипетр Русской земли державшим, был тогда прославленный и непобедимый великий Дмитрий. Он пришел к святому Сергию, потому что великую веру имел в старца, и спросил его, прикажет ли святой ему против безбожных выступить: ведь он знал, что Сергий – муж добродетельный и даром пророческим обладает. Святой же, когда услышал об этом от великого князя, благословил его, молитвой вооружил и сказал: "Следует тебе, господин, заботиться о порученном тебе Богом славном христианском стаде. Иди против безбожных, и если Бог поможет тебе, ты победишь и невредимым в свое отечество с великой честью вернешься". Великий же князь ответил: "Если мне Бог поможет, отче, поставлю монастырь в честь пречистой Богоматери". И, сказав это и получив благословение, ушел из монастыря и быстро отправился в путь.

Собрав всех воинов своих, выступил он против безбожных татар; увидев же войско татарское весьма многочисленное, они остановились в сомнении, страхом многие из них охвачены были, размышляя, что же делать. И вот внезапно в это время появился гонец с посланием от святого, гласящим: "Без всякого сомнения, господин, смело вступай в бой со свирепостью их, нисколько не утрущаясь, – обязательно поможет тебе Бог". Тогда князь великий Дмитрий и все войско его, от этого послания великой

решимости исполнившись, пошли против поганых и промолвил князь: "Боже великий, сотворивший небо и землю! Помощником мне будь в битве с противниками святого твоего имени". Так началось сражение, и многие пали, но помог Бог великому победоносному Дмитрию, и побеждены были поганые татары, и полному разгрому подверглись: ведь видели окаянные против себя посланный Богом гнев и Божье негодование, и все обратились в бегство. Крестоносная хоругвь долго гнала врагов. Великий князь Дмитрий, славную победу одержав, пришел к Сергию, благодарность принес за добрый совет, Бога славил и вклад большой в монастырь дал.

Сергий, видя, что он уже к Богу отходит, чтобы природе отдать долг, дух же Иисусу передать, призывает братство и беседу повел подобающую, и, молитву совершив, душу Господу предал в год 6900 (1392) месяца сентября в 25-й день.

Печатается по изданию «Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века» (Пер. М.Ф. Антоновой и Д.М. Буланина. – М., 1981).

Жалованные грамоты великого князя Ивана III на земли и поместья

1. Грамота 1482 г. Се яз князь великий Иван Васильевич всеа Руси пожаловал есми Митю да Ерему Трусовых детей Воробина <...> селцом Копцами и з деревнями Богдановским Есипова селцом Солопским и з деревнями Ивановским Кузмина <...> з доходом з денежным и з хлебным по старине, как были те селца за Богданом за Есиповым и за Иваном за Кузминым.

2. Грамота 1490 г. Се яз князь великий Иван Васильевич всеа Руси пожаловал Васюка Иванова сына Тыртова... волостькою Костянтиновскую Немово да сына ево Василия <...> в поместье, з доходом з денежным и з хлебным по старине, со всем по тому, как та волостька была за Костянтином за Немым и за его сыном за Василием.

3. Грамота 1502 г. Се яз князь великий Иван Васильевич всеа Руси и сын мой князь великий Василей Иванович всеа Руси пожаловал есмя Афанасия Иванова сына Мосеева да сына его Федора... деревнями Богданов-

ским Есипова в поместье, з доходом з денежным и с хлебным и с мелким доходом, оприч наших великих князей обежные дани.

Печатается в сокращении по кн. Д.Я. Самоквасова «Архивные материалы: новооткрытые документы поместно-вотчинских учреждений Московского государства XV – XVII столетий» (М., 1905. – Т. 1. – С. 125 – 126).

Судебник 1497 г. о крестьянах и холопах

Лета 7006-го месяца септемвриа уложил князь великий Иван Васильевич всея Руси с детми своими и с бояры о суде как судити бояром и околничим...

Статья 57. О христианском отказе. А христианом (крестьянам. – Сост.) отказыватися из волости, ис села в село, один срок в году, за неделю до Юрьева дни осеннего и неделю после Юрьева дни осеннего. Дворы пожилые платят в полах за двор рубль, а в лесех полтина. А которой христианин поживет за ким год, да пойдет прочь, и он платит четверть двора, а два года поживет да пойдет прочь, и он полдвора платит; а три годы поживет, да пойдет прочь, и он платит три четверти двора, а четыре годы поживет, и он весь двор платит. <...>

Статья 62. О межах. А кто сореть межу или грани ссечет из великого князя земли боярина и монастыря, или боярской и монастырской у великого князя земли, или боярской или монастырской у боярина или боярской у монастыря.

А христиане промежу себя в одной волости или в селе кто у кого межу переорет или перекосит, ино волостелем или поселскому (управляющему дворцовыми селами. – Сост.) имати на том за боран (денежный штраф. – Сост.) по два алтына и за рану присудят, посмотри по человеку и по ране и по рассуждению. <...>

Статья 66. О полной грамоте (самопродажа в рабство. – Сост.). По полной грамоте холоп. По тиуньству и по ключю по сельскому холоп з докладом и без докладу, и с женою и с детми, которые у одного государя; а которые его дети у иного или себе учнут жита, то не холопи; а по городцкому ключю (служба. – Сост.) не холоп; по робе холоп, по холопе роба, приданой холоп, по духовной холоп.

«Судебники XV – XVI веков» (М.; Л, 1952. – С. 27, 168 – 170).

Повесть о Шевкале (1326 – 1327 гг.)

В год 6834 (1326) <...>

В том же году Александру Михайловичу было дано княжение, и он пришел из Орды, и сел на великокняжеский престол. Потом, немного дней спустя, из-за умножения наших грехов, когда бог позволил дьяволу вложить в сердце безбожных татар злую мысль, сказали они своему беззаконному царю: "Если не погубишь князя Александра и всех князей русских, то не получишь власти над ними". Тогда беззаконный и проклятый зачинатель всего зла Шевкал, разоритель христианства, отверз свои скверные уста и начал говорить, наученный дьяволом: "Государь царь, если ты мне велишь, я пойду на Русь, разорю христианство, убью их князя, а княгиню и детей приведу к тебе". И царь велел ему так сотворить.

Беззаконный же Шевкал, разоритель христианства, пошел на Русь со многими татарами, и пришел в Тверь, и выгнал великого князя с его двора, а сам поселился на великокняжеском дворе, исполненный гордости и ярости. И сотворил великое гонение на христиан – насилие, грабеж, избиение и поругание. Люди же городские, постоянно оскорбляемые нехристями, много раз жаловались великому князю, прося оборонить их. Он же, видя озлобление своих людей и не имея возможности их оборонить, велел им терпеть. Но тверичи не терпели, а ждали удобного времени.

И случилось так, что 15 августа, ранним утром, когда собирается торг, некий диакон-тверянин – прозвище ему Дудко – повел кобылицу, молодую и очень тучную, напоить водой к Волге. Татары же, увидев ее, отняли. Диакон же очень огорчился и стал вопить: "Люди тверские, не выдавайте!"

И началась между ними драка. Татары же, надеясь на свою власть, пустили в ход мечи, и тотчас сбежались люди, и началось возмущение. И ударили во все колокола, стали вечем, и восстал город, и сразу же собрался весь народ. И возник мятеж, и кликнули тверичи, и стали избивать татар, где кого поймают, пока не убили самого Шевкала. Убивали же всех подряд, не оставили и вестника, кроме пастухов, пасших на поле стада коней. Те взяли лучших жеребцов и быстро бежали в Москву, а оттуда в Орду, и там возвестили о кончине Шевкала. <...>

Убит же был Шевкал в 6835 (1327) году. И, услышав об этом, беззаконный царь зимой послал рать на Русскую землю – пять темников, а вое-

вода у них Федорчук, и убили они множество людей, а иных взяли в плен; а Тверь и все тверские города предали огню. Великий же князь Александр, чтобы не терпеть безбожных преследований, оставив русский великокняжеский престол и все свои наследственные владения, ушел во Псков с княгиней и детьми своими и остался в Пскове.

Печатается в сокращении по изданию «Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века» (Пер. Я.С. Лурье. – М., 1981. – С. 62 – 65).

Задонщина

Слово о великом князе Дмитрие Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче, как победили супостата своего царя Мамаю

Князь великий Дмитрий Иванович со своим братом, князем Владимиром Андреевичем, и со своими воеводами был на пиру у Микулы Васильевича, и сказал он: "Пришла к нам весть, братья, что царь Мамай стоит у быстрого Дона, пришел он на Русь и хочет идти на нас в Залесскую землю".

Пойдем, братья, в северную сторону – удел сына Ноева, Афета, от которого берет свое начало православный русский народ. Взойдем на горы Киевские, взглянем на славный Днепр, а потом и на всю землю Русскую. И после того посмотрим на земли восточные – удел сына Ноева, Сима, от которого пошли хинове – поганые татары, басурманы. Вот они-то на реке на Каяле и одолели род Афетов. С той поры земля Русская невесела: от Калкской битвы до Мамаева побоища тоской и печалью охвачена, плачет, сыновей своих поминая – князей, и бояр, и удалых людей, которые оставили дома свои, жен и детей, и все достояние свое, и, заслужив честь и славу мира этого, головы свои положили за землю за Русскую и за веру христианскую.

Стародавние дела и жалость Русской земли описал я по книжным сказаньям, а далее опишу жалость и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу, и брату его, князю Владимиру Андреевичу.

Братья и друзья, сыновья земли Русской! Соберемся вместе, составим слово к слову, возвеселим Русскую землю, отбросим печаль в восточные страны – в удел Симов, и восхвалим победу над поганим Мамаем, а

великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, прославим! И скажем так: лучше ведь, братья, возвышенными словами вести нам этот рассказ про поход великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, потомков святого великого князя Владимира Киевского. Начнем рассказывать о их деяниях по делам и по былям... Вспомним давние времена, восхвалим вещего Бояна, искусного гуслея в Киеве. Тот ведь вещий Боян, перебирая быстрыми своими перстами живые струны, пел русским князьям славы: первую славу великому князю киевскому Игорю Рюриковичу, вторую – великому князю Владимиру Святославичу Киевскому, третью – великому князю Ярославу Владимировичу.

Я же помяну рязанца Софония и восхваляю песнями, под звонкий наигрыш гуслей, нашего великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, потомков святого великого князя Владимира Киевского. Воспоем деяния князей русских, постоявших за веру христианскую!

А от Калкской битвы до Мамаева побоища сто шестьдесят лет.

И вот князь Дмитрий Иванович и брат его, князь Владимир Андреевич, помолившись богу и пречистой его матери, укрепив ум своей силой, закалив сердца своим мужеством, преисполнившись ратного духа, урядили свои храбрые полки в Русской земле и помянули прадеда своего, великого князя Владимира Киевского.

О, жаворонок, летняя птица, радостных дней утеха, взлети к синим небесам, взгляни на могучий город Москву, воспой славу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу! Словно бурей занесло соколов из земли Залесской в поле Половецкое! Звенит слава по всей земле Русской: в Москве кони ржут, трубы трубят в Коломне, бубны бьют в Серпухове, стоят знамена русские у Дона великого на берегу.

Звонят колокола вечерные в Великом Новгороде, собрались мужи Новгородские у храма святой Софии и говорят так: "Неужто нам, братья, не поспеть на подмогу к великому князю Дмитрию Ивановичу?" И как только слова эти промолвили, уже как орлы слетелись. Нет, то не орлы слетелись – выехали посадники из Великого Новгорода и с ними семь тысяч войска к великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу, на помощь.

К славному городу Москве съехались все князья русские и говорили таково слово: "У Дона стоят татары поганые, Мамай-царь у реки Мечи, между Чуровым и Михайловым, хотят реку перейти и с жизнью своей расстаться нам во славу".

И сказал князь великий Дмитрий Иванович: "Брат, князь Владимир Андреевич, пойдем туда, прославим жизнь свою, удивим земли, чтобы старые рассказывали, а молодые помнили! Испытаем храбрецов своих и реку Дон кровью наполним за землю Русскую и за веру христианскую!"

И сказал всем князь великий Дмитрий Иванович: "Братья и князья русские, гнездо мы великого князя Владимира Киевского! Не рождены мы на обиду ни соколу, ни ястребу, ни кречету, ни черному ворону, ни поганому этому Мамаю!"

О соловей, летняя птица, вот бы тебе, соловей, пеньем своим прославить великого князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича, и из земли Литовской двух братьев Ольгердовичей, Андрея и брата его Дмитрия, да Дмитрия Волынского! Те ведь – сыновья Литвы храбрые, кречеты в ратное время и полководцы прославленные, под звуки труб их пеленали, под шлемами лелеяли, с конца копья они вскормлены, с острого меча вспоены в Литовской земле.

Молвит Андрей Ольгердович своему брату: "Брат Дмитрий, два брата мы с тобой, сыновья Ольгердовы, а внуки мы Гедиминовы, а правнуки мы Сколомендовы. Соберем, брат, любимых панов удалой Литвы, храбрых удалцов и сами сядем на своих борзых коней и поглядим на быстрый Дон, напьемся из него шлемом воды, испытаем мечи свои литовские о шлемы татарские, а сулицы немецкие о кольчуги басурманские!"

И сказал ему Дмитрий: "Брат Андрей, не пощадим жизни своей за землю за Русскую и за веру христианскую, и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича! Уже ведь, брат, стук стучит и гром гремит в белокаменной Москве. То ведь, брат, не стук стучит, не гром гремит, то стучит могучая рать великого князя Дмитрия Ивановича, гремят удалцы русские золочеными доспехами и червлеными щитами. Седлай, брат Андрей, своих борзых коней, а мои уже готовы – раньше твоих оседланы. Выедем, брат, в чистое поле и сделаем смотр своим полкам, – сколько, брат, с нами храбрых литовцев. А храбрых литовцев с нами семьдесят тысяч латников".

Вот уже, братья, подули сильные ветры с моря к устьям Дона и Днепра, принесли грозные тучи на Русскую землю, из них выступают кро-

вавые зарницы, и в них трепещут синие молнии. Быть стуку и грому великому на речке Непрядве, меж Доном и Днепром, покрыться трупами человеческими Куликову полю, потечь кровью Непрядве-реке!

Вот уже заскрипели телеги меж Доном и Днепром, идут хинове на Русскую землю! Набежали серые волки с устьев Дона и Днепра, воют, притаившись на реке Мече, хотят ринуться на Русскую землю. То не серые волки были – пришли поганые татары, хотят пройти войной всю Русскую землю.

Тогда гуси загоготали и лебеди крыльями заплескали. Нет, то не гуси загоготали и не лебеди крыльями заплескали, то поганый Мамай пришел на Русскую землю и воинов своих привел. А уж гибель их подстерегают крылатые птицы, паря под облаками, вороны неумолчно грают, а галки по-своему говорят, орлы клекочут, волки грозно воют, а лисицы брешут, кости чужа.

Русская земля, ты теперь как за царем за Соломоном побывала.

А уж соколы, и кречеты, и белозерские ястребы рвутся с золотых колодок из каменного города Москвы, обрывают шелковые путы, взвиваясь под синие небеса, звоня золочеными колокольчиками на быстром Дону, хотят ударить на несчетные стада гусиные и лебединые, – то богатыри и удалцы русские хотят ударить на великие силы поганого царя Мамаю.

Тогда князь великий Дмитрий Иванович вступил в золотое свое стремя, сел на своего борзого коня и взял свой меч в правую руку, и помолился богу и пречистой его матери. Солнце ему ясно на востоке сияет и путь указывает, а Борис и Глеб молитву возносят за сродников своих.

Что шумит, что гремит рано перед рассветом? То князь Владимир Андреевич полки устанавливает и ведет их к великому Дону. И молвил он брату своему, великому князю Дмитрию Ивановичу: "Не поддавайся, брат, поганым татарам – ведь поганые уже поля русские топчут и вотчину нашу отнимают!"

И сказал ему князь, великий Дмитрий Иванович: "Брат Владимир Андреевич! Два брата мы с тобой, а внуки мы великого князя Владимира Киевского. Воеводы у нас уже поставлены – семьдесят бояр, и отважны князья белозерские Федор Семенович и Семен Михайлович, да Микула Васильевич, да оба брата Ольгердовичи, да Дмитрий Волынский, да Тимофей Волуевич, да Андрей Серкизович, да Михаило Иванович, а воинов с нами – триста тысяч латников. А воеводы у нас надежные, а дружина в бо-

ях испытанная, а кони под нами борзые, а доспехи на нас золоченые, а шлемы черкасские, а щиты московские, а сулицы немецкие, а кинжалы фряжские, а мечи булатные; а пути им известны, а переправы для них наведены, и все как один готовы головы свои положить за землю за Русскую и за веру христианскую. Словно живые трепещут стяги, жаждут воины себе чести добыть и имя свое прославить".

Уже ведь те соколы и кречеты, и белозерские ястребы за Дон скоро перелетели и ударили по несметным стадам гусиным и лебединым. То ведь были не соколы и не кречеты – то обрушились русские князья на силу татарскую. И ударили копья каленые о доспехи татарские, загремели мечи булатные о шлемы хиновские на поле Куликовом на речке Непрядве.

Черна земля под копытами, костями татарскими поля усеяны, а кровью их земля залита. Это сильные рати сошлись вместе и растоптали холмы и луга, а реки, потоки и озера замутились. Кликнул Див в Русской земле, велит послушать грозным землям. Понеслась слава к Железным Воротам, и к Орначу, к Риму, и к Кафе по морю, и к Тырнову, а оттуда к Царьграду на похвалу русским князьям: Русь великая одолела рать татарскую на поле Куликовом, на речке Непрядве.

На том поле грозные тучи сошлись, а из них непрерывно молнии сверкали и гремели громы великие. То ведь сошлись русские сыновья с погаными татарами за свою великую обиду. Это сверкали доспехи золоченые, а гремели князья русские мечами булатными о шлемы хиновские.

А бились с утра до полудня в субботу на Рождество святой Богородицы.

Не туры возревели у Дона великого на поле Куликовом. То ведь не туры побиты у Дона великого, а посечены князья русские, и бояре, и воеводы великого князя Дмитрия Ивановича. Полегли побитые погаными татарами князья белозерские, Федор Семенович и Семен Михайлович, да Тимофей Волуевич, да Микула Васильевич, да Андрей Серкизович, да Михайло Иванович и много иных из дружины.

Пересвета-чернеца, брянского боярина, на место суда привели. И сказал Пересвет-чернец великому князю Дмитрию Ивановичу: "Лучше нам убитыми быть, нежели в плен попасть к поганым татарам!" Поскакивает Пересвет на своем борзом коне, золочеными доспехами сверкая, а уже многие лежат посечены у Дона великого на берегу.

В такое время старому человеку следует юность вспомнить, а уда-
лым людям мужество свое испытать. И говорит Ослябя-чернец своему
брату старцу Пересвету: "Брат Пересвет, вижу на теле твоём раны тяжкие,
уже, брат, лететь голове твоей на траву ковыль, а сыну моему Якову ле-
жать на зеленой ковыль-траве на поле Куликовом, на речке Непрядве, за
веру христианскую и за землю Русскую, и за обиду великого князя Дмит-
рия Ивановича".

И в ту пору по Рязанской земле около Дона ни пахари, ни пастухи в
поле не кличут, лишь вороны не переставая каркают над трупами челове-
ческими, страшно и жалостно было это слышать тогда; и трава кровью за-
лита была, а деревья от печали к земле склонились.

Запели птицы жалостные песни – запричитали все княгини и бояры-
ни и все воеводские жены по убитым. Жена Микулы Васильевича Марья
рано поутру плакала на забралах стен московских, так причитая: "О Дон,
Дон, быстрая река, прорыла ты каменные горы и течешь в землю Половец-
кую. Принеси на своих волнах моего господина Микулу Васильевича ко
мне!" И жена Тимофея Волуевича Федосья тоже плакала, так причитая:
"Вот уже веселие мое поникло в славном городе Москве, и уже не увижу я
своего государя Тимофея Волуевича живым!" И Андреева жена Марья да
Михайлова жена Аксинья на рассвете причитали: "Вот уже для нас обеих
солнце померкло в славном городе Москве, домчались к нам с быстрого
Дона горестные вести, неся великую печаль: повержены наши удалцы с
борзых коней на суженом месте на поле Куликовом, на речке Непрядве!"

А уж Див кличет под саблями татарскими, а русским богатырям быть
израненными.

Щуры запели жалостные песни в Коломне на забралах городских
стен, на рассвете в воскресенье, в день Акима и Анны. То ведь не щуры
рано запели жалостные песни – запричитали жены коломенские, пригова-
ривая так: "Москва, Москва, быстрая река, зачем унесла на своих волнах
ты мужей наших от нас в землю Половецкую?" Так говорили они: "Мо-
жешь ли ты, господин князь великий, Днепр загородить, а Дон шлемами
вычерпать, а Мечу-реку трупами татарскими запрудить? Замкни, государь,
князь великий, у Оки-реки ворота, чтобы больше поганые татары к нам не
ходили. Уже ведь мужья наши побиты на ратях".

В тот же день, в субботу, на Рождество святой Богородицы, разгро-
мили христиане полки поганых на поле Куликовом, на речке Непрядве.

И, кликнув клич, ринулся князь Владимир Андреевич со своей ратью на полки поганых татар, золоченым шлемом посвечивая. Гремят мечи булатные о шлемы хиновские.

И восхвалил он брата своего, великого князя Дмитрия Ивановича: "Брат Дмитрий Иванович, в злое время горькое ты нам крепкий щит. Не уступай, князь великий, со своими великими полками, не потакай крамольникам! Уже ведь поганые татары поля наши топчут и храброй дружины нашей много побили – столько трупов человеческих, что борзые кони не могут скакать: в крови по колено бродят. Жалостно ведь, брат, видеть столько крови христианской. Не медли, князь великий, со своими боярами".

И сказал князь великий Дмитрий Иванович своим боярам: "Братья, бояре и воеводы, и дети боярские, здесь ваши московские сладкие меды и великие места! Тут-то и добудьте себе места и женам своим. Тут, братья, старый должен помолодеть, а молодой честь добыть".

И воскликнул князь великий Дмитрий Иванович: "Господи боже мой, на тебя уповаю, да не будет на мне позора никогда, да не посмеются надо мной враги мои!" И помолился он богу, и пречистой его матери, и всем святым, и прослезился горько, и утер слезы.

И тогда, как соколы, стремглав полетели на быстрый Дон. То ведь не соколы полетели: поскакал князь великий Дмитрий Иванович со своими полками за Дон, а за ним и все русское войско. И сказал: "Брат, князь Владимир Андреевич, тут, брат, изопьем медовые чары круговые, нападём, брат, своими полками сильными на рать татар поганых".

И начал тогда князь великий наступать. Гремят мечи булатные о шлемы хиновские. Поганые прикрыли головы свои руками своими. И вот поганые бросились вспять. Ветер ревет в стягах великого князя Дмитрия Ивановича, поганые спасаются бегством, а русские сыновья широкие поля кликом огородили и золочеными доспехами осветили. Уже встал тур на бой!

Тогда князь великий Дмитрий Иванович и брат его, князь Владимир Андреевич, полки поганых вспять повернули и начали их бить и сечь беспощадно, тоску на них наводя. И князя их попадали с коней, а трупами татарскими поля усеяны и кровью их реки потекли. Тут рассыпались поганые в смятении и побежали непроторенными дорогами в лукоморье, скрежеща зубами и раздирая лица свои, так приговаривая: "Уже нам, братья, в земле своей не бывать и детей своих не видать, и жен своих не ласкать, а

ласкать нам сырую землю, а целовать нам зеленую мураву, а в Русь ратью нам не хаживать и даней нам у русских князей не прашивать". Вот уже застонала земля татарская, бедами и горем наполнившись; пропала охота у царей и князей их на Русскую землю ходить. Уже веселье их поникло.

Теперь уже русские сыновья захватили татарские узорочья, и доспехи, и коней, и волов, и верблюдов, и вина, и сахар, и дорогие убранства, тонкие ткани и шелка везут женам своим. И вот уже русские жены забряцали татарским золотом.

Уже по Русской земле разнеслось веселье и ликованье. Преодолела слава русская хулу поганых. Уже низвергнут Див на землю, а гроза и слава великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, по всем землям пронеслась. Стреляй, князь великий, по всем землям, рази, князь великий, со своей храброй дружиной поганого Мамайхиновина за землю Русскую, за веру христианскую. Уже поганые оружие свое побросали, а головы свои склонили под мечи русские. И трубы их не трубят, и приуныли голоса их.

И метнулся поганый Мамай от своей дружины серым волком и прибежал к Кафе-городу. И молвили ему фряги: "Что же это ты, поганый Мамай, зарисься на Русскую землю? Ведь побила теперь тебя орда Залесская. Далеко тебе до Батые-царя: у Батые-царя было четыреста тысяч латников, и полонил он всю Русскую землю от востока и до запада. Наказал тогда Бог Русскую землю за ее согрешения. И ты пришел на Русскую землю, царь Мамай, с большими силами, с девятью ордами и семьюдесятью князьями. А ныне ты, поганый, бежишь сам-девят в лукоморье, не с кем тебе зиму зимовать в поле. Видно, тебя князья русские крепко попотчевали: нет с тобой ни князей, ни воевод! Видно, сильно упились у быстрого Дона на поле Куликовом, на траве-ковыле! Беги-ка ты, поганый Мамай, от нас за темные леса!"

Как милый младенец у матери своей земля Русская: его мать ласкает, а за баловство розгой сечет, а за добрые дела хвалит. Так и господь бог помиловал князей русских, великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, меж Дона и Днепра, на поле Куликовом, на речке Непрядве.

И стал великий князь Дмитрий Иванович со своим братом, с князем Владимиром Андреевичем, и с остальными своими воеводами на костях на поле Куликовом, на речке Непрядве. Страшно и горестно, братья, было в

то время смотреть: лежат трупы христианские, словно сенные стога, у Дона великого на берегу, а Дон-река три дня кровью текла. И сказал князь великий Дмитрий Иванович: "Сосчитайтесь, братья, скольких у нас воевод нет и скольких молодых людей недостает?"

Тогда отвечает Михайло Александрович, московский боярин, князю Дмитрию Ивановичу: "Господин князь великий Дмитрий Иванович! Нет, государь, у вас сорока бояр московских, двенадцати князей белозерских, тридцати новгородских посадников, двадцати бояр коломенских, сорока бояр серпуховских, тридцати панов литовских, двадцати бояр переяславских, двадцати пяти бояр костромских, тридцати пяти бояр владимирских, пятидесяти бояр суздальских, сорока бояр муромских, семидесяти бояр рязанских, тридцати четырех бояр ростовских, двадцати трех бояр дмитровских, шестидесяти бояр Можайских, тридцати бояр звенигородских, пятнадцати бояр угличских. А посечено безбожным Мамаем двести пятьдесят три тысячи. И помиловал бог Русскую землю, а татар пало бесчисленное множество".

И сказал князь великий Дмитрий Иванович: "Братья, бояре и князья и дети боярские, суждено вам то место меж Дона и Днепра, на поле Куликовом, на речке Непрядве. Положили вы головы свои за святые церкви, за землю за Русскую и за веру христианскую. Простите меня, братья, и благословите в этом веке и в будущем. Пойдем, брат, князь Владимир Андреевич, во свою Залесскую землю к славному городу Москве и сядем, брат, на своем княжении, а чести мы, брат, добыли и славного имени!" Богу нашему слава.

Печатается по изданию «Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века» (Пер. Л.А. Дмитриева. – М., 1981. – С. 96 – 111).

Феодальная война в России середины XV в. (из Симеоновской летописи)¹

В лето 1446 вложил дьявол мысль князю Дмитрию Шемяке овладеть великим княжением. И начал Шемяка посылать к князю Ивану Можайскому², говоря о том, что царь будет владеть в Москве, и во всех городах русских, и в наших вотчинах, тогда как сам великий князь хочет сидеть на княжении в Твери. И сторонники Шемяки по дьявольскому научению ссы-

¹ ПСРЛ / пер. М.Н. Тихомирова. – Т. XVIII. – СПб., 1913. – С. 196 – 201.

² Князь Иван Можайский – сторонник Шемяки.

лались и сговаривались своими злыми советниками, которые не хотели добра своим государям и христианству, и с этими речами посылали к великому князю Борису Тверскому³. Он же, услышав это, испугался и стал их единомышленником. И с ними были многие из москвичей, бояре и гости⁴, были и некто из чернецов в том же заговоре с ними. Князья начали вместе со своими советниками тайно вооружаться и искать подходящего времени, чтобы захватить великого князя. Они нашли подходящий случай, соответствующий их замыслам, и решили сделать нападение, когда великий князь захотел пойти и поклониться живоначальной троице и мощам чудотворца Сергия. Великий князь пошел в Троицкий монастырь со своими благородными детьми, с князем Иваном, и с князем Юрием, и с очень небольшим количеством людей, не желая ничего иного, как отпраздновать праздник с монахами великой той лавры⁵. А к князю Дмитрию Шемяке и Ивану Можайскому каждый день шли вести из Москвы от изменников. Они же, собравшись с войском, стояли в Рузе, приготовившись, точно псы к охоте или как дикие звери, хотящие насытиться человеческой кровью.

Как только сторонники Шемяки получили весть, что князь великий вышел из города, они тотчас же внезапно подошли к Москве февраля в 12 день, в субботу, в 9 часу ночи ... и взяли город, потому что не было никого, кто бы им сопротивлялся, и никого, кто знал бы в Москве об их нападении, кроме их же единомышленников, которые им отворили город. Сторонники Шемяки, войдя в город, взяли в плен великих княгинь Софью⁶ и Марию⁷, и казну великого князя и матери его разграбили, а бояр их взяли в плен и пограбили, как и многих иных людей и горожан. В ту же ночь Дмитрий Шемяка отпустил князя Ивана Можайского с многими своими и его людьми, чтобы внезапно напасть на великого князя у Троицы.

В самую же обедню, в воскресенье, примчался к великому князю некто Бунко, говоря ему, что идут на него с войском князь Дмитрий Шемяка и князь Иван Можайский. И никто не поверил ему, потому что тот Бунко незадолго до этого отъехал к князю Дмитрию, а великий князь сказал: "Эти люди у нас вносят смуту, а я со своими братьями обменялся клятвами, не может так быть". Великий князь повелел этого Бунко выгнать из монастыря и вернуть обратно. Когда же Бунко был на Воре⁸, то был

³ Борис Александрович – великий князь Тверской с 1425 по 1461 г.

⁴ Гости – крупные купцы, торговавшие с иноземными странами.

⁵ Лавра – монастырь.

⁶ Софья – мать Василия Темного, великая княгиня Софья Витовтовна.

⁷ Мария – жена Василия Темного, великая княгиня Мария Ярославна.

⁸ На Воре – на реке Воре, притоке Клязьмы, на дороге от Москвы к Троицкому монастырю.

схвачен караульными стражами, которые его избили. Между тем великий князь, хотя и не имел веры к словам Бунко, все же послал стражу к Радонежу⁹. Стража пришла и остановилась на горе над Радонежом для караула. Стража Шемяки узнала ее издалека; а караул великого князя ее не заметил, потому что не верил вестям о нападении Шемяки. Стража Шемяки сказала князю Ивану, что за Радонежом стоит караул на горе. Князь Иван изготовил много саней, наподобие возов, покрытых рогожею и полостями. В сани посадили по два человека в доспехах, а третий шел позади, как бы идущий за возом. Когда передние стражи уже прошли мимо караула, все воины выскочили из саней, схватили стражу великого князя и взяли ее в плен, а убежать людям великого князя было некуда, потому что тогда лежал снег глубиной на девять пядей. Между тем люди Шемяки быстро помчались к монастырю и быстро поскакали на конях к селу Клементьевскому, точно на любимую охоту. А великий князь, увидев их, сам побежал на конюшенный дворец¹⁰, где для него не было приготовлено коня, потому что сам великий князь считал все случившееся невероятным; надеясь на клятвы, он ничего не велел для себя приготовить, а все люди были в унынии и великом смущении, точно обезумевшие. Князь же великий увидев, что ему нет никакой помощи, побежал к каменной церкви святой Троицы¹¹. Пономарь, монах Никифор, пришел и отомкнул церковь; когда князь великий вошел в церковь, Никифор замкнул за ним церковь, ушел и спрятался. Убийцы, как свирепые волки, прискакали на конях в монастырь, впереди всех Никита Константинович, ворвавшийся на коне на лестницу, к передним дверям церковным. Когда он стал слезать с коня, то ударился о камень, приделанный на помосте к передним дверям церковным. Остальные пришедшие подняли его. Никита же, едва отдышавшись, выглядел как пьяный, а лицо у него было бледно, как у мертвеца. Потом и сам князь Иван прискакал в монастырь, и все их воинство. И начал спрашивать князь: "Где князь великий?" Великий же князь услышал внутри церкви, как говорил Иван, и громко закричал: "Братья, помилуйте меня, позвольте мне видеть божьи образа, я не выйду из этого монастыря и здесь постригусь". Великий князь пошел к южным дверям, отпер их и взял икону, что стояла над гробом святого Сергия, и встретил в дверях князя Ивана, сказав: "Брат, целовали мы животворящий крест и эту икону в церкви живоначальной Троицы, у этого

⁹ Радонеж – городок недалеко от Троицкого монастыря, современного Сергиева Посада, теперь село Городок.

¹⁰ Конюшенный дворец – двор с конюшнями при монастыре.

¹¹ Церковь святой Троицы – Троицкий собор XV в., сохранившийся в Троицкой лавре в Сергиевом Посаде.

же гроба чудотворца Сергия, что не замыслим ничего дурного, не захотим никому из наших братьев никакого зла, а теперь я не знаю, в чем виноват". Тогда князь Иван сказал ему: "Господин государь, если мы захотим тебе зла, пусть будет и над нами зло, но мы сделали так ради христиан из-за твоего выкупа¹². Увидев твой плен, пришедшие с тобой татары облегчат выкуп, который ты должен давать царю". Великий князь поставил икону на свое место и упал ниц у гроба Сергия, обливаясь слезами, тяжело вздыхал, молился и захлебывался от крика так, что все бывшие тут удивились и прослезились даже пришедшие злодеи, а князь Иван, сделав несколько поклонов в церкви, вышел и сказал Никите: "Возьми его". Великий князь после долгой молитвы, оправившись от неожиданности и осмотревшись, громко сказал: "Где мой брат, князь Иван?" Тогда приступил к нему Никита, злой раб гордых и немилосердных мучителей, взял за плечи великого князя и сказал: "Ты взят великим князем Дмитрием Юрьевичем". Великий князь сказал: "Да будет воля божья". Злодей вывел великого князя из церкви и из монастыря и посадил его в голые сани, а против него посадил монаха. И так увезли великого князя в Москву, а бояр его всех захватили, а остальных ограбили донага и отпустили. Сыновья великого князя, князь Иван и князь Юрий, спрятались в том же монастыре. Кровоопийцы не ушли, точно после хорошей добычи, а о них не подумали, не спрашивали. В ту же ночь сыновья великого князя, Иван и Юрий, бежали из монастыря с оставшимися у них людьми, которые спрятались во время набега, к князю Ивану Рязполовскому в Юрьев, в его село Боярово. Князь же Иван со своими братьями, с Семеном и Дмитрием, и со всеми людьми своими бежали с детьми великого князя к Мурому и там затворились в городе со многими людьми. А князя великого Василия в понедельник в ночь на февраля 14 привели в Москву и посадили на дворе Шемякине, сам князь Дмитрий стоял на дворе Поповкине. В среду, на той же неделе, на ночь, ослепили князя великого и отослали его в Углич с княгиней, а мать его, великую княгиню Софью, послали в Чухлому¹³. Услышав об этом, князь Василий Ярославич¹⁴ побежал в Литву, а с ним князь Семен Иванович Оболенский. Остальные дети боярские и все люди били челом служить князю Дмитрию, и он их привел к присяге. Только один Федор Басенок не захотел ему служить. Князь же Дмитрий велел возложить на него тяжкие оковы и держать

¹² Василий Темный в 1445 г. потерпел поражение от казанского хана и был взят им в плен; при выходе на свободу Василий обещал заплатить за себя большой выкуп.

¹³ Чухлома – город в Галичском княжестве Шемяки, к северу от Костромы.

¹⁴ Василий Ярославич – князь Боровска (к западу от Москвы), брат жены Василия Темного.

за стражею. Басенок же подговорил своего пристава, освободился от оков и бежал в Коломну и там спрятался у своих друзей. Затем он подговорил многих людей бежать с собой и, пограбив Коломенский уезд, убежал в Литву с многими людьми и пришел к брянскому князю Василию Ярославичу. Дал ведь король князю Василию Ярославовичу Брянск в вотчину, да Гомель, да Стародуб, да Бстиславль, да иные многие города. Князь Василий Ярославич дал Брянск князю Семену Оболенскому да Федору Басенкову.

А князь Дмитрий, услышав, что дети великого князя находятся в Муроме со многими людьми, не решился послать против них войско, потому что все люди возмущались княжением Шемяки и против него самого замышляли, желая видеть великого князя Василия на государстве.

Тогда Дмитрий (Шемяка) призвал к себе епископа рязанского Иону в Москву. Когда тот прибыл, Шемяка обещал ему митрополию и начал ему говорить: "Отче, пошел бы ты в свою епископию, в город Муром, и взял бы детей великого князя на свою поруку, а я готов их жаловать, отца их великого князя выпущу и дам ему достаточную вотчину, чтобы ему можно было жить". Владыка Иона пошел в Муром на судах¹⁵ и, придя с теми речами князя Дмитрия в Муром, начал говорить боярам детей великого князя, трем князьям Ряполовским и остальным. Бояре много о том думали и решили так: "Если мы ныне епископа не послушаем, не пойдем к князю Дмитрию с детьми великого князя, то он возьмет наш город с бою, а захватив детей великого князя, сделает с ними, что захочет, так же как и их отцу великому князю и всем нам. Если мы не послушаем епископа, для чего будет служить наша твердость?" Бояре сказали епископу Ионе: "Если ты пришел с поручением от князя Дмитрия к нашим государям, детям великого князя, к нам, то все-таки мы сами не осмелимся так сделать, чтобы отпустить детей великого князя без твоей присяги. Иди в соборную церковь и возьми их из пелены¹⁶, висящей у образа богородицы, на свою епитрахиль¹⁷, тогда мы отпустим детей великого князя с тобой и сами с ними пойдем". Епископ Иона обещал так сделать, вошел в церковь и начал молебен¹⁸ Богородице, совершая молебен, взял детей великого князя из пелены пречистой на свою епитрахиль. Иона пошел с ними к князю Дмитрию в

¹⁵ В Муром на судах – Из Москвы в Муром плыли по рекам Москве и Оке.

¹⁶ Пелена – дорогая ткань, висевшая у образов для украшения.

¹⁷ На свою епитрахиль – Иона взял княжичей на свою поруку, что их не тронут; епитрахиль – часть одежды священника.

¹⁸ Молебен – церковная служба.

Переяславль-Рязанский¹⁹, где находилось место его пребывания. В Переяславль Иона и дети великого князя пришли 6 мая. Князь Дмитрий несколько почтил детей великого князя, лицемерно призвав их к себе на обед и одав, а на третий день после того с владыкою Ионою послал в Углич к отцу, в заточение. Иона привел их к отцу и, оставив их там, возвратился к князю Дмитрию, который велел ему идти в Москву и сесть на митрополичьем дворе²⁰. Иона так и сделал.

А князья Рязанские, Иван и братья его Семен и Дмитрий, услышав о том, что князь Дмитрий Шемяка изменил своему слову и во всем солгал епископу, начали думать, как бы освободить великого князя. Были тогда в заговоре с ними князь Иван Васильевич Стрига, да Иван Ощера с братом Бобром, Юшко Драница, и иные многие дворовые дети боярские великого князя, с ними же в заговоре был Семен Филимонов со всеми детьми боярскими, да Русалка, да Руно, и иные многие боярские дети. И назначили они сроки, чтобы всем собраться под Угличем на Петров день²¹ в полдень. Семен Филимонов со всеми своими людьми пришел на тот срок, а о Рязанских стало известно князю Дмитрию, и Рязанские не посмели пойти к тому сроку под Углич, но пошли за Волгу к Белоозеру²². Князь Дмитрий послал за ними из Углича войско с Василием Вепревым да Федора Михайловича послал за ними со многими отрядами, а срок у них был сойтись вместе на устье Шексны в день всех святых. Федор не поспел к Василию, а Рязанские, обернувшись против Василия Вепрева, разбили его на устье Мологи. А Федор в ту пору перебрался за Волгу на устье Шексны со всеми своими отрядами, а Рязанские получили вести о нем и возвратились, чтобы напасть на него. Федор же, увидев их, побежал за Волгу, а Рязанские пошли по Новгородской земле к Литве и пришли к князю Василию Ярославичу в Мстиславль. Семен Филимонов со всеми своими людьми пошел от Углича к Москве, ничего не зная о Рязанских, один Руно ушел от него вслед за Рязанскими. И как пришли князья Рязанские, да князь Иван Стрига, и остальные многие дети боярские, прежде упомянутые и не упомянутые, начали говорить с князем Василием Ярославичем, как бы освободить великого князя. Князь Дмитрий, видя, что ради великого князя многие люди отступают от него, послал за епископом и начал совещаться с князем Иваном, епископами и боярами, выпустить ли великого

¹⁹ Переяславль-Рязанский – современная Рязань.

²⁰ Митрополичий двор – Шемяка хотел сделать Иону митрополитом, позже Иона был поставлен в митрополиты при Василии Темном.

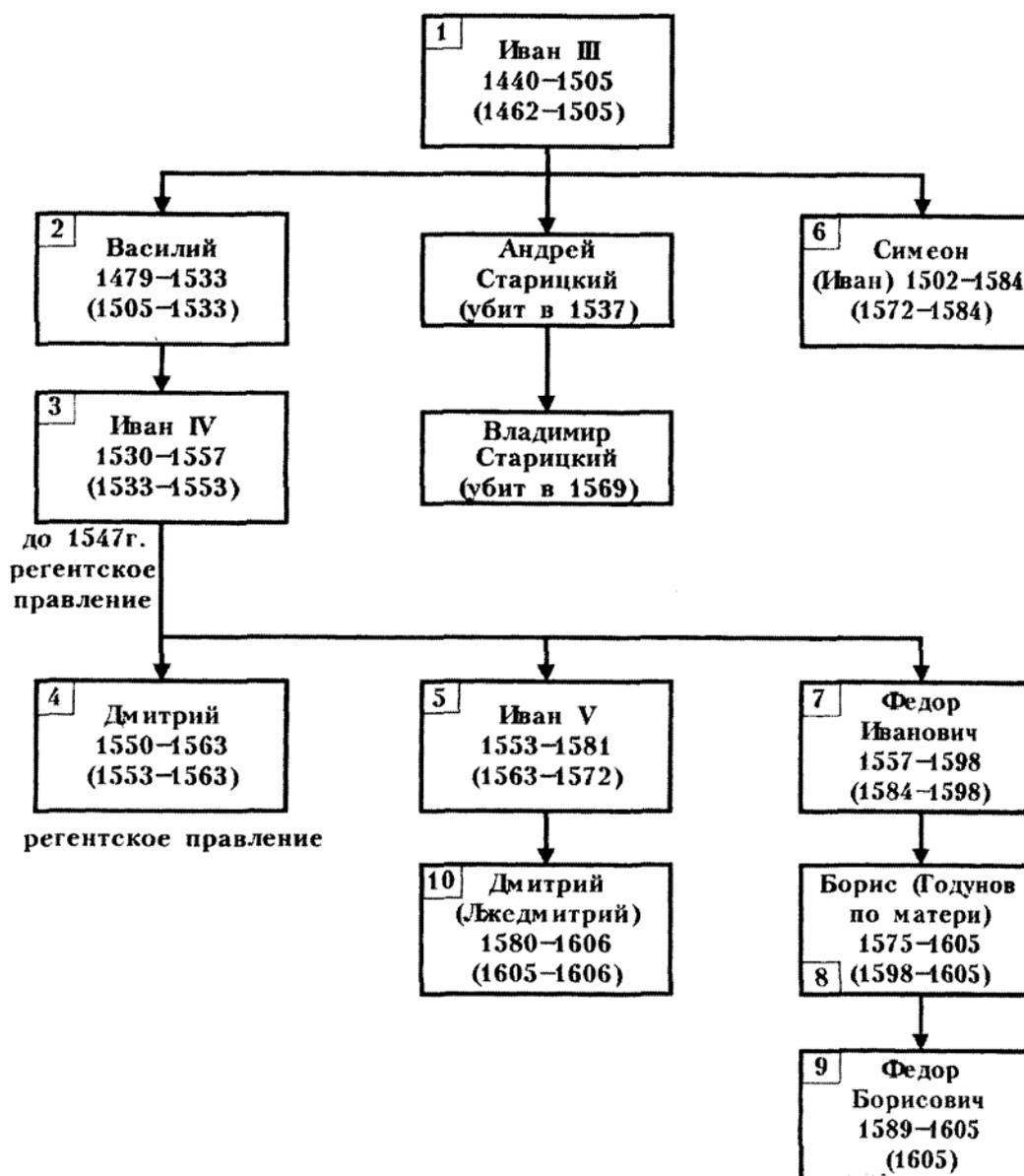
²¹ Петров день – 29 июня ст. стилия.

²² Белоозеро – город к северу от Ярославля, на большом белом озере.

князя или нет. Владыка Иона каждый день не переставал говорить: "Ты неправду сделал, ввел меня в позор и в грех, тебе следовало великого князя выпустить, а ты и детей его с ним посадил, а мне ты дал свое слово, а они меня послушали, а нынче я во всей лжи виноват, выпусти его, сведи с моей души и со своей грех. Что он может сделать слепой, а дети у него малые, а дополнительно еще возьми с него присягу перед крестом и перед епископами". И много говорили ему. Князь Дмитрий много думал и решил выпустить великого князя и дать ему вотчину, чем бы ему можно было жить.

«Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV века» (Сост. П.П. Епифанов. – М., 1960. – С. 561 – 566).

Правители России в XVI – начале XVII в. (версия)

О походе на Новгород московских войск в 1471 г.

Тое же осени месяца ноавриа в 8 день на собор архаггела Михаила преставися архиепископ Новагорода Великого Иона. Новгородци же по старине каков бяше обычаи у них, створиша вече и начата избирати о священноинок на архиепископью, и избравше трех метнуша жребиа. И паде жребии на некоего священноинока Феофила именем, и възведоша его на двор архиепископль. И послаша к великому князю Ивану Васильевичу посла своего Никиту Ларионова бита челом и опаса (разрешения. – Сост.) просити, что бы нареченному их черньцу Феофилу пожаловал, велел быта к себе на Москву и поставит бы его велел своему отцу Филиппу митрополиту на архиепископью Великого Новагорода и Пскова, яко же и преже сего было при предних князех. Князь же велики по их челобитью и прошеению ничто же к преднему примышляя, но и легче жалуя, посла их почтив, отпусти со всем, о чем ему бил челом от всего Новагорода... Некоторый же от них посадничии дети Исака Борецького с матерью... своєю Марфою и с прочими инеми изменники, научени дьяволом, иже горшее бесов быша прелестьници, на погибель земли своей и себе на пагубу, начата нелепая и развращенная глаголаги и на вече приходящи кричати: "Не хотим за великого князя Московского, ни зватися отчиною его. Волнии есмы люди Велики Новагород, а Московской князь велики многы обиды и неправду над нами чинит, но хотим за короля Польскаго и великого князя Литовского Казимера". И так възмятеся весь град их и въсколебашася яко пьяны, овии же хотяху за великого князя по старине к Москве, а друзии за короля к Литве. Тем же изменьници начата наймовати худых мужиков вечников, на то за все готови суть по их обычаю. И приходяще на вече их звоняху за все колоколы и кричаще глаголаху: "За короля хотим". Инии же глаголаху им: "За великого князя Московского хотим по старице, как было преже сего". И те наймиты тех изменников камень на тех метаху, которые за великого князя хотят и велико неустроение бяше в них и межь себя ратяхуся, сами на ся встающе...

Слышав же сие князь велики Иван Васильевич, что во отчине его в Великом Новгороде възмятение велико, и начат посылати к ним послы своя, глаголя так: "Отчина есте моя, людие Новгородстии, изначала от дед и прадед наших, от великого князя Володимера, крестившего зем-

лю Русскую, от правнука Рюрика, первого великого князя в земли вашей. И от того Рюрика даже и до сего дне знали есте один род тех великих князей, преже Киевских, до великого князя Дмитрея Юрьевича Всеволода Володимерьского. А от того великого князя даже и до мене, род их, мы владеем вами и жалуем вас и бороним отвселе, а и казнити волны же есмь, коли на нас не по старине смотрити начнете. А за королем ни которым, ни за великим князем Литовским не бывали есте, как и земля ваша стала. А нынеча от христианства отступаете к Латынству чрес крестное целование, а яз, князь велики, ни которые силы не чиню над вами, ни тягости не налагаю выше того, как было при отце моем, великом князе Василье Васильевиче, и при деде моем и при прадеде и при прочих великих князей рода нашего, но еще и жаловати вас хочю, свою отчину". То же слышавши Новгородстии людие, боаря их и посадници и тысяцкые и житии людие, которые не хотяще первого своего обычая и крестного целования преступити, ради быша вси сему и правити ся хотяще к великому князю по старине. А предиреченнии они Исаковы дети и с прочими с их поборники и с наймиты своими, яко възбеснеша или яко звери дивии безчеловечен разум имуще, князя великого послов речей, тако же и митрополита Филиппа посла, ни слышети не хотяху, но и еще наймоваху злых тех смердов, убийц, шилников и прочих безыменитых мужиков, иже скотом подобии суть, ничто же разума имущих, но точию едино кричание, иже и безсловесная животнаа не сице рычаху, их же онии Новгородстии людие неведгласи государем зовут себе великим Великим Новымгородом...

И князь велики прием благословенье от митрополита Филиппа, тако же и от всех святитель земли своя и от всего священного собора, и начат вьоружатися ити на них, тако же и братья его и вся князи его и бояря и воеводы и вся воа его. К Нову же городу посла грамоты розметные (разрывающие мирные отношения. – Сост.) за их неисправленье, а вь Тферь посла к великому князю Михаилу, помочи прося на Новгородцев же, а Пскову послал дьяка своего Якушку Шабальцова маиа 23 на праздник възнесения господня, глаголя им: "Отчина моя Новгород Велики отступают от меня за короля, и архиепископа своего ставити им у его митрополита Григорья Латынина суца, и яз князь велики допозна иду на них ратью, а целованье к ним сложил есми, и вы бы, отчина моя, Псковичи, посадници и житьи люди и вся земля Псковская, к брату вашему Новугороду целование сложили бы есте, да и пойдите на них ратью с моим воеводою с князем Федором Юрьевичем Шуйским, или с его сыном с князем Васильем". В 31-й же день месяца маиа в пяток послал князь велики Бориса Слепца к Вятке, веля ити им на Двинскую землю ратью же, а к Василью Федоровичи

посла на Устюг, что бы с Устяжины на Двину же ратью пошел, а зжидал бы ся з Борисом да с Вятчаны. Месяца иуня 6 в четверток на троицкой неделе отпустил князь велики воевод своих с Москвы, князя Данила Дмитриевича Холмьского да Федора Давидовича, с многим воинством, с ними же и князя Юрья Васильевича и князя Бориса Васильевича, дети боарьские многы, а велел тем князь велики ити к Русе. А в 13 того же месяца в четверток отпустил князь велики князя Василья Ивановича Оболенского Стригу с многими вой, да с ним князей царевичевых Даньяровых с многими Татары, а велел тем ити на Волочек да по Мъсте.

Князь велики Иван Васильевич поиде на Великы Новгород... А воеводы великого князя поидоша к Шолоне, и яко пришедшим им к берегу реки тоя, иде же брести чрес ея, оже в ту же пору прииде ту рать Новгородскаа противу их с другой страны от града своего к той же реце Шолоне, многое множество, яко и ужаснутися полком великого князя, поне же бо в мале бяху, все бо вой сущий под ними, не видяще того, пленяху места их окрест Новаграда. А Новгородцкие посадници все и тысяцкые, купци и житии людие, мастыри (мастера. – Сост.) всякие, спроста рещи, плотници и горчары (гончары. – Сост.) и прочий, которые родивыся на лошади не бывали и на мысли которым того и не бывало, что руки поднята противу великого князя, всех тех изменници они силою выгнаша, а которым бо не хотети пойти к бою тому, и они сами тех разграбляху и избиваху, а иных в реку в Волхов метаху, сами бо глаголаху, яко было их с сорок тысячь на бою том. Воеводы же великого князя, аще и в мале беста, глаголють бо бывшей тамо, яко с пять тысячь их толко бе, но видевше Многое воинство их и положше упование на господа бога и пречистую мать его и на правду своего государя великого князя, поидоша напрасно противу их, яко лвы рыкающе, чрес реку ону великую, ея же сами Новгородци глаголють никогда тамо броду имуще, а сии не пытающе броду вси цели и здрави преидоша ея. Видевше же се Новгородци устрашишася зело, възмутившася и восколебашеся, яко пьаны, а си пришел на них начата преже стреляти их, и возмутишася кони их под ними и начата с себя бита их, и тако въскоре побегоша; гоними гневом божиим за свою их неправду и за отступление не токмо от своего государя, но и от самого господа бога. Полци же великого князя погнаша по них, колюще и секуще их, а они сами бежаше, друг друга бьюще и топчаше, кои с кого мога. Избьено же их бысть тогда многое множество, самим бо глаголющим, яко дванадесять тысячь изгибе их на боех тех, а изымали их руками боле двою тысячь.

Печатается в сокращении по полному собранию русских летописей (Т. XXV. – М.; Л., 1949. – С. 284 – 289).

Повесть о стоянии на Угре

Пришла весть к великому князю, что царь Ахмат идет в полном сборе, со своей ордой и царевичами, с уланами и князьями, да еще в соглашении с королем Казимиром – ибо король и направил его против великого князя, желая сокрушить христианство. Князь великий пошел на Коломну и стал у Коломны, а сына своего великого князя Ивана поставил у Серпухова, а князя Андрея Васильевича Меньшого в Тарусе, а прочих князей и воевод в иных местах, а других – по берегу. Царь Ахмат, услышав, что князь великий стоит у Оки на берегу со всеми силами, пошел к Литовской земле, обходя реку Оку и ожидая на помощь себе короля или его силы, и опытные проводники вели его к реке Угре на броды. Князь же великий сына своего, и брата, и воевод послал на Угру со всеми силами, и, придя, они стали на Угре и заняли броды и перевозы. А сам князь великий поехал из Коломны на Москву к церквам Спаса и Пречистой Богородицы и к святым чудотворцам, прося помощи и защиты православному христианству, желая обсудить и обдумать это с отцом своим митрополитом Геронтием, и со своей матерью великой княгиней Марфой, и своим дядей Михаилом Андреевичем, и со своим духовным отцом архиепископом ростовским Вассианом, и со своими боярами – ибо все они тогда пребывали в осаде в Москве. И молили его великим молением, чтобы он крепко стоял за православное христианство против басурман.

Князь великий послушался их мольбы: взяв благословение, пошел на Угру и, придя, стал у Кременца с небольшим числом людей, а всех остальных людей отпустил на Угру. Тогда же в Москве мать его великая княгиня с митрополитом Геронтием, и архиепископ Вассиан, и троицкий игумен Паисий просили великого князя пожаловать его братьев. Князь же принял их просьбу и повелел своей матери, великой княгине, послать за ними, пообещав пожаловать их. Княгиня же послала к ним, веля им прямо отправиться к великому князю поскорее на помощь.

Царь же со всеми татарами пошел по Литовской земле мимо Мценска, Любутска и Одоева и, придя, стал у Воротынска, ожидая, что король придет к нему на помощь. Король же не пришел к нему и сил своих не послал – были у него свои междоусобия, воевал тогда Менгли-Гирей, царь перекопский, королевскую Подольскую землю, помогая великому князю. Ахмат же пришел к Угре со всеми силами, хотя перейти реку.

И пришли татары, начали стрелять, а наши – в них, одни наступали на войска князя Андрея, другие многие – на великого князя, а третьи внезапно нападали на воевод. Наши поразили многих стрелами и из пищалей,

а их стрелы падали между нашими и никого не задевали. И отбили их от берега. И много дней наступали, сражаясь, и не одолели, ждали, пока станет река. Были же тогда большие морозы, река начала замерзать. И был страх с обеих сторон – одни других боялись. И пришли тогда братья к великому князю в Кременец – князь Андрей и князь Борис. Князь же великий принял их с любовью.

Когда же река стала, тогда князь великий повелел своему сыну, великому князю, и брату своему князю Андрею, и всем воеводам со всеми силами перейти к себе в Кременец, боясь наступления татар – чтобы, соединившись, вступить в битву с противником.

В городе же Москве в это время все пребывали в страхе, помнили о неизбежной участи всех людей и ни от кого не ожидали помощи, только непрестанно молились со слезами и воздыханиями Спасу-вседержителю и господу богу нашему Иисусу Христу и пречистой его матери, преславной Богородице. Тогда-то и свершилось преславное чудо пречистой Богородицы: когда наши отступали от берега, татары, думая, что русские уступают им берег, чтобы с ними сражаться, одержимые страхом, побежали. А наши, думая, что татары перешли реку и следуют за ними, пришли в Кременец. Князь же великий с сыном своим и братией и со всеми воеводами отошел к Боровску, говоря, что "на этих полях будем с ними сражаться", а на самом деле слушая злых людей -сребролюбцев богатых и брюхатых, предателей христианских и угодников басурманских, которые говорят: "Беги, не можешь с ними стать на бой". Сам дьявол их устами говорил, тот, кто некогда вошел в змея и прельстил Адама и Еву. Вот тут-то и случилось чудо пречистой: одни от других бежали, и никто никого не преследовал.

Царь же бежал в Орду, и пришел на него ногайский царь Ивак, и Орду взял, и его убил. Один только царевич хотел захватить окраинные земли за рекой Окой, князь же великий послал братьев своих, двух Андреев, услышали это татары и побежали. И так избавил бог и пречистая Русскую землю от нехристей. Был же тогда холод и великие морозы. Царь побежал 11 ноября.

В 6989 (1481) году пришел князь великий в Москву из Боровска и воздал хвалу богу и пречистой Богородице, говоря: "Не ангел, не человек спас нас, но сам господь спас нас по молитвам пречистой и всех святых. Аминь".

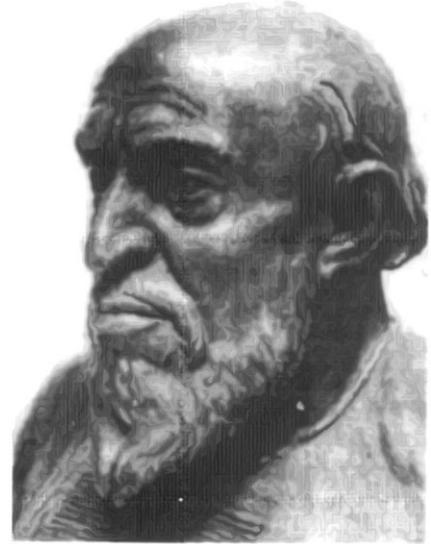
Тогда же князь великий и братью свою пожаловал, включил их в договор, князя Андрея и князя Бориса, и князю Андрею дал Можайск, а князю Борису уступил его села, и, скрепив этот договор крестным целованием, они разошлись.

В ту же зиму вернулась великая княгиня София из побега, ибо она бегала на Белоозеро от татар, хотя никто за ней не гнался. А тем землям, по которым она ходила, стало хуже, чем от татар, от боярских холопов, от кровопийц христианских. Воздай же им, господи, по их делам и по коварству их поступков, по делам рук их дай им. Были же и жены их там, ибо возлюбили они больше жен, нежели православную христианскую веру и святые церкви, где просветились и начали жизнь в купели святого крещения, и согласились они предать христианство, ибо ослепила их злоба. Но премилостивый бог не презрел тех, кто был создан его рукой, не презрел слез христианских, помиловал их по своему милосердию и молитвам пречистой матери и всех святых. Аминь. Это мы писали не для того, чтобы их укорять, но да не хвалятся неразумные в безумии своем, говоря: "Мы своим оружием избавили Русскую землю", но воздадут славу богу и пречистой его матери Богородице, ибо он нас спас, и отринут это безумие, и творят битву за битвой и доблесть за доблестью ради православного христианства против басурманства, чтобы воспринять в этой жизни от бога милость и похвалу, а в том мире венчаться нетленными венцами бога-вседержителя и обрести царство небесное. Да получим и мы, грешные, это царство по молитвам Богородицы. Аминь. О храбрые, мужественные сыновья русские! Потрудитесь, чтобы спасти свое отечество, Русскую землю, от неверных, не пощадите своей жизни, да не узрят ваши очи пленения и разграбления домов ваших, и убиения детей ваших, и поруганья над женами и детьми вашими, как пострадали иные великие и славные земли от турок. Назову их: болгары, и сербы, и греки, и Трапезунд, и Морюя, и албанцы, и хорваты, и Босна, и Манкуп, и Кафа, и другие многие земли, которые не обрели мужества и погибли, отечество загубили, и землю, и государство, и скитаются по чужим странам, воистину несчастные и бездомные, много плача и достойные слез, укоряемые и поношаемые, оплевываемые за отсутствие мужества. Люди, которые сбежали с многим имуществом, и с женами, и с детьми в чужие страны, не только золото потеряли, но и души и тела свои погубили и завидуют тем, кто тогда умер и не должен теперь скитаться по чужим странам бездомными. Ей-богу, видел я своими грешными очами великих государей, бежавших от турок с именем, и скитающихся, как странники, и смерти у бога просящих, как избавления от такой беды. И пощади, господи, нас, православных христиан, молитвами Богородицы и всех святых. Аминь.

Печатается по изданию «Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века» (Пер. Я.С. Лурье. – М., 1982. – С. 514 – 521).

Присоединение Твери к Москве (1485 г.)

О Тверском взятии. В лето 6994 (1485 – 1486). Месяца сентября в 8 день прииде князь великий Иван Василиевичь, и с своим сыном великим князем Иваном Ивановичем, и с своею братию, и с воеводами, и со всеми силами, под град Тверь и обступи град. Того же месяца в 10 день, в субботу, зажгоша посады около града Твери; а в 11 день, в неделю, приехаша к великому князю из града Твери князи и бояре, Тверские коромолники, и биша ему челом в службу. А того же дни на ночь побежал из града Твери князь великий Михаило Борисовичь Тверский к Литве, видя свое изнеможение; а в 12 день, в понедельник, приехаша к великому князю Ивану Василиевичю владыка Тверский Васиан, и князь Михаило Холмской с братнею своею и с сыном, и иные князи и бояря, и земския люди все, и город отворища. И князь великий послал в город Юрья Шестака да Костянтина Малечкина и диаков своих Василья Далматова да Ромодана Алексиева да Леонтия Алексиева, а велел граждан всех к целованию привести, да и от своа силы беречи, чтобы их не грабили. А в 15 день, в четверг, князь великий Василиевичь и с сыном своим великим князем Иваном Ивановичем быша во граде Твери, и обедни слушал в Спасе, и дал ту землю сыну своему великому князю Ивану Ивановичи. А в 18 день, в неделю, князь великий Иван Васильевичь приехал на Москву, взяв город Тверь.

Присоединение Вятки к Москве (1489 г.)

...О Вятке. Тоя же весны, июня в 11, послал князь великий Иван Василиевичь всеа Руси рать свою на Вятку за их неисправление, князя Данила Васильевича Щеня да Григорья Васильевича Морозова, и иных воевод со многою силою. Они же, шедше, города поимаша, а самих Вятчан к целованию приведоша, а Арян к роте приведоша; а Вятчан больших людей и з женами и з детми изведоша, да и Арьских князей, и тако возвратишася. И князь великий Вятчан земьских людей в Боровьске да в Кременьце посадил, да и земли им подавал, а торговых людей Вятчан в Дмитрове посадил; а Арьских князей пожаловал князь великий, отпустил в свою землю, а коромолников смертию казнил.

Печатается в сокращении по полному собранию русских летописей (Т. XII. Никоновская летопись. – М., 1965. – С. 201, 217 – 218).

**ОБРАЗОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
В XVI – НАЧАЛЕ XVII вв.**

**Грамота Великаго Князя московского Василия Иоанновича
о пожаловании Прокофью Апраксину города Гороховца
в наместничье кормление. Около 1508 г.**

Список з жалованной грамоты Великаго князя Василья Ивановича всеа Руси. Се яз Князь Великий Василей Иванович всеа Руси, пожаловал есми Прокофья Матвеевича Апраксина Гороховцом с мытом под Яковом под Скамонтовым.

**Жалованная грамота Великаго Князя Василия Иоанновича
Владимирскому Дмитриевскому Собору о недопустимости
церковного причта и крестьяне великокняжеским и митрополичьим
наместникам, об освобождении церковных людей от пошлин
и повинностей, с дозволение собирать на просфору ругу
с великокняжеских сел, и о безьявочном выезде
в незаповедные иса. 4 марта 1515 г.**

Се яз Князь Великий Василей Иванович всеа Руси пожаловать есми своих попов, что служат у моей у Соборной церкви у Дмитрия Святого в Володимире...тех моих попов и их христиан...не судять ни в чем, опричь душегубства и разбоя с поличным, ни приставов своих на них не дают, ни кормов своих у них не берут и не всылают к ним нипочто.

**Жалованная грамота Великаго Князя Василия Иоанновича
Троицкому Сергеиву монастырю об освобождении монастырских сел,
деревень и соляных варниц в Переславском уезде и дворов в городе
Переславле от пошлин и повинностей, а живущих в оных людей
от суда наместников и волостей, и проч. Дек. 1517 г.**

Се яз Князь Великий Василей Иванович всеа Руси пожаловать есми Троицю Сергеива монастыря игумена Иакова с братьею: что их села в Пе-

реславском уезде, село Хупанское с деревнями, да сельцо Копнинское, да деревни Свечинская, с пустошами и с лесом... что им дала Марья Васильевна жена Борисовича Копнина ... их же монастырские четыре варницы да пятая их же варница Киржацкая ... и те кто у них в тех селах и в деревнях и во дворах учнет житии людей, ни наместников дворов не ставят, ни поворотного не дают: а наместницы...их людей не судят ни в чем, опричь душегубства и разбоя с поличным.

**Грамота Великаго Князя московского Василия Иоанновича
о пожаловании Фед. Андр. Карамышеву Лиственнаго и Судогды
в кормление. Ок. 1529 г.**

Се яз Князь Великий Василей Иванович всеа Руси, пожаловал есми Федора Андреевича Карамышева Лиственным да Судогдою ... в кормление с правдою.

Присоединение Пскова к Москве (1510 г.)

...О Псковском взятии. И тоя же зимы приехаша в Новъгород к великому князю Василию Ивановичю всеа Русии мнози посадники Псковьские и купци и житии люди от всего Пскова бита челом государю на его наместника на князя Ивана Михайловича Оболенского на Репню. И князь великий Василей Иванович всеа Русии обыскав, что Псковичи не по правде бьют челом на его наместника, да и нечестно его держаша, и за то на них опалу свою положил, велел в Новегороде Пскович всех поимати; а во Псков послал Третьяка Далматова и велел Псковичем сказати, что государь хочет в вотчине своей быти сам, живоначалней Троици челом ударити, а вотчина своя поуправити и пожаловати, да и колокол бы вечной свесили. Псковичи же тако сотвориша всю волю государскую. Князь же великий Василей Иванович всеа Русии поеде из Новагорода Великого в вотчину свою во Псков Генваря 20, в неделю, а приехал во Псков Генваря 24, в четверток, и живоначалной Троици челом ударил, а вотчину свою Псков велел привести к целованию, а пойманных Псковичь пожаловал, из нятства выпустил, и лучшим людем велел к Москве ехати жити, и колокол их вечной к Москве же отслал. А во Пскове оставил два наместника, Григория Федоровича да Ивана Андреевича Челяднина, и учинил все, как лепо быти

государству его, и поехал из Пскова после Збора в Новгород, а из Новгорода поехал в неделю 3-ю Поста, а на Москву приехал в неделю 5-ю поста, Марта 17.

Печатается в сокращении по полному собранию русских летописей (Т. XII. Никоновская летопись. – М., 1965. – С. 12 – 13).

Сказание о великих князьях Владимирских Великой Руси (начало XVI в.)

Из истории Ханаанской и Арфаксада, первого потомка Ноя, родившегося после потопа. По благословию отца Ноя вся вселенная была разделена на три части между тремя сыновьями его – Симом, Хамом и Иафетом. За нерадивость был Хам лишен отцовского благословения, потому что не покрыл наготы отца своего Ноя, упившегося вином. Когда отрезвел Ной от вина и узнал, что сделал над ним меньший сын его, то сказал: "Проклят будь Хам, да будешь рабом у братьев своих". И благословил он двух сыновей своих, Сима и Иафета, которые прикрыли отца своего, не глядя на него, чтобы не видеть наготы его. И благословил он Симова сына Арфаксада, чтобы поселился он в земле Ханаанской. И родились у Арфаксада два сына-близнеца: имя одного – Мерсем, другого – Хус, они были основателями Египта. И пошли от них многочисленные потомки по родам их. Хус ушел в дальние пределы Индийской страны, и его потомки оттуда распространились на восток; потомки же Мерса распространились вплоть до нас. Потомки Иафета населили северные страны до дальнего севера. И воцарился некто из того же рода, по имени Фарис, в Капаврийских странах и основал город во имя свое по названию Арфакс. Правнук же его, по имени Гайдударий, был первым создателем астрологии в Ассирии, во владениях потомков Сима, а после него был Сеостр. Сей же Сеостр самым первым на земле воцарился в Египте, и по потомкам его прошло много лет. Из его рода происходил и Феликс, который обладал всей вселенной. После же Феликса, по прошествии многих лет, воцарился некий царь в Египте, происшедший из того же рода, по имени Нектанав, был он волхв, от него у Олимпиады, жены Филиппа, родился Александр Македонский. Александр был вторым властителем вселенной и обладал ею двенадцать лет, а всего он жил тридцать два года; перед кончиной он передал Египет своему полководцу Птолемею. Мать же Александрова после смерти сына своего воз-

вратилась к отцу своему Фолу, царю ефиопскому. Фол же отдал ее во второй раз замуж за Виза, родственника Нектанава. Виз же родил от нее дочь и назвал ее Антией; он основал город в Сосвенах и назвал город этот, который теперь именуется Царьградом, по имени своему и своей дочери, Византия. От Александра Македонского до Птолемея Прокаженного насчитывается двадцать два Птолемея.

У Птолемея Прокаженного была дочь премудрая, по имени Клеопатра, она правила Египетским царством вместе с отцом своим Птолемеем. И в это время Юлий, кесарь римский, послал зятя своего Антония, стратега римского, воевать Египет. Когда Антоний пришел с огромным войском посуху и по морю, чтобы захватить Египет, то Клеопатра послала к Антонию, стратегу римскому, своих послов с богатыми дарами, говоря: "Ведаешь ли, о стратег, о египетском богатстве? Лучше с миром царствовать, чем в безумье проливать кровь человеческую". Умилился Антоний и взял Египет без кровопролития, и вышла за него замуж премудрая царица Клеопатра; и воцарился Антоний в Египте. И Юлий, кесарь римский, услышав о своеволии Антония, поставил брата своего Августа стратегом над воеводами и послал его с четырьмя другими братьями своими и со всей силой римской на Антония. И, придя, Август покорил Египет и убил зятя своего Антония, а сам воцарился в Египте. Взял он и Клеопатру-царицу, дочь Птолемея Прокаженного, и отправил ее в Рим на кораблях вместе с захваченными великими богатствами египетскими. Она же сказала: "Лучше мне царицей египетской умереть, чем быть приведенной пленницей в Рим" и уморила себя змеиным ядом.

На Юлия же восстали воеводы Брут, Помпей и Кресе и убили его в Риме. И вскоре к Августу в Египет пришла весть о гибели Юлия, и сильно опечалился он при известии о смерти брата. И, не медля, созвал всех воевод, и военачальников, и нумеров, и препоситов и известил их о смерти Юлия, цезаря римского. Они же все, римляне и египтяне, единогласно воскликнули: "О преславный стратег, Юлия-кесаря, брата твоего, воскресить не можем, а твое величество венчаем венцом римского царства". И облекли его в одеяния Сеостра, первого царя Египта: в порфиру и виссон, и препоясали его поясом дермлидовым, и возложили на голову его митру Пора, царя индийского, которую принес Александр Македонский из Индии, и накинули ему на плечи мантию царя Феликса, обладавшего всей вселенной, и дружно воскликнули громким голосом: "Радуйся, Август, царь римский и всей вселенной!"

В год 5457 (51 до н.э.) Август, кесарь римский, пошел в Египет, где царствовали правители из египетского рода Птолемеев, со своими воеводами. И встретил его Ирод, сын Антипатра, помогая ему с великой охотой и воинами, и пищей, и дарами. И бог вручил Египет и Клеопатру в руки Августу. Август же начал собирать дань со всей вселенной. Брата своего Патрикия поставил царем Египта; Августалия, другого брата своего, поставил властелином Александрии, Ирода же, сына Антипатра, аскалонитянина, за то, что тот почтил его, поставил царем над иудеями в Иерусалиме; Азию же вручил Евлагерду, родичу своему; Илирика же, брата своего, поставил правителем в верховьях Истра; а Пиона учредил правителем в Золотых землях, которые ныне называются Угорской землей; а Пруса, родича своего, послал на берега Вислы-реки в города Мальборк, и Торунь, и Хвоини, и преславный Гданьск, и во многие другие города по реке, называемой Неманом и впадающей в море. И жил Прус очень много лет, до четвертого поколения; и с тех пор до нынешних времен зовется это место Прусской землей.

И вот в то время некий воевода новгородский по имени Гостомысл перед кончиной своей созвал всех правителей Новгорода и сказал им: "О мужи новгородские, советую я вам, чтобы послали вы в Прусскую землю мудрых мужей и призвали бы к себе из тамошних родов правителя". Они попали в Прусскую землю и нашли там некоего князя по имени Рюрик, который был из римского рода Августа-царя. И умолили князя Рюрика посланцы от всех новгородцев, чтобы шел он к ним княжить. И князь Рюрик

пришел в Новгород вместе с двумя братьями; один из них был именем Трувор, а второй – Синеус, а третий – племянник его по имени Олег. С тех пор стал называться Новгород Великим; и начал первым княжить в нем великий князь Рюрик.

А четвертое колено от великого князя Рюрика – великий князь Владимир, который просветил Русскую землю святым крещением в году 6496 (988). А от великого князя Владимира четвертое колено – правнук его Владимир Всеволодович Мономах. Когда сел он на великое княжение в Киеве, то начал советоваться с князьями своими, и с

боярами, и с вельможами, так говоря: "Неужели я ничтожнее прежде меня царствовавших и управлявших знаменами царства великой Руси, таких, как князь великий Олег, который ходил и взял с Царьграда большую дань для всех воинов своих и благополучно домой возвратился, или как Всеслав Игоревич, князь великий, который тоже ходил на Константиград и еще более тяжелой данью его обложил. А мы, божьей милостью, наследовали престол своих прародителей и отца своего великого князя Всеволода Ярославича, и наследники той же чести от бога. Ныне жду совета от вас, моего двора князей, и бояр, и воевод, и от всего христолюбивого воинства; да прославится имя святой живоначальной Троицы силой вашей храбрости с божьей помощью и нашим повелением; какой же вы мне совет дадите?" Так отвечали великому князю Владимиру Всеволодовичу его князья, и бояре, и воеводы: "Сердце царево в руке божьей, а мы все в твоей власти". Тогда великий князь Владимир собирает воевод умелых и мудрых и ставит начальников над воинскими отрядами – тысячников, сотников, пятидесятников; и, собрав многие тысячи воинов, отправляет их во Фракию, область Царьграда; и завоевали большую часть ее, и возвратились с богатой добычей.

В то время правил в Царьграде благочестивый царь Константин Мономах и воевал он тогда с персами и латинянами. И принял он мудрое царское решение – отправил послов к великому князю Владимиру Всеволодовичу: Неофита, митрополита эфесского, и с ним двух епископов, милитинского и митилинского, и антиохийского стратега Антипа, иерусалимского наместника Евстафия и других своих знатных вельмож. С шеи своей снял он животворящий крест, сделанный из животворящего дерева, на котором был распят сам владыка Христос. С головы же своей снял он венец царский и положил его на блюдо золотое. Повелел он принести сердоликовую чашу, из которой Август, царь римский, пил вино, и ожерелье, которое он на плечах своих носил, и цепь, скованную из аравийского золота, и много других даров царских. И передал он их митрополиту Неофиту с епископами и своим знатным посланникам, и послал их к великому князю Владимиру Всеволодовичу, так говоря с мольбой: "Прими от нас, о боголюбивый и благоверный князь, во славу твою и честь эти честные дары, которые с самого начала твоего рода и твоих предков являются царским жребием, чтобы венчаться ими на престол твоего свободного и самодержавного царства. Прими и то, о чем будут тебя молить наши посланцы – мы от твоего величия просим Мира и любви: тогда церковь божия утвердится, и все православие в покое пребудет под властью нашего царства и твоего

свободного самодержавства великой Руси; теперь будешь ты называться боговенчанным царем, увенчанный этим Юрским венцом рукою святейшего митрополита кир Неофита с епископами". И с тех пор великий князь Владимир Всеволодович стал именоваться Мономахом, Царем великой Руси. И пребывал после того во все время с царем Константином в мире и любви. С тех пор и донныне тем венцом царским, который прислал греческий царь Константин Мономах, венчаются великие князья владимирские, когда ставятся на великое княжение русское.

Во времена же царствования Константина Мономаха отлучился от Царьградской церкви и от истинной веры отошел римский папа Формоз и уклонился в латинство. Тогда царь Константин и святейший патриарх кир Иларий повелели собраться на собор в царствующем граде святейшим патриархам – александрийскому, антиохийскому и иерусалимскому. И по их совету благочестивый царь Константин Мономах со святым Вселенским собором из четырех патриархов, митрополитов, епископов и священников исключили имя папы из церковных поминаний и отлучили его от четырех патриархов. И от православной веры отпали и с тех времен и донныне лытают, потому и называются латинянами. Мы же, православные христиане, исповедуем святую Троицу – безначального Отца с едиnorodным Сыном и с пресвятым единосущным и животворящим Духом в едином божестве, и веруем в нее, и славим, и поклоняемся...

Печатается по изданию «Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века» (Пер. Л.А. Дмитриева. – М., 1984. – С. 422 – 435).

Послание великому князю Василию об исправлении крестного знамения и о содомском блюде (начало XVI в.)

Даже от вышней и от всемогущей, все в себе содержащей, десницы божьей, которой цари царствуют и которой великие славятся и могучие, возвещают праведность твою, пресветлейшего и высокопрестольнейшего государя великого князя, православного христианского царя и владыки всех, браздодержателя святых божьих престолов, святой вселенской соборной апостольской церкви пречистой Богородицы, честного и славного ее Успения, который вместо римского и константинопольского владык воссиял. Ибо старого Рима церковь пала по неверию ереси Аполлинария, второго же Рима, Константинова-града, церковные двери внуки агарян се-

86

кирами и оскордами рассекли. И вот теперь третьего, нового Рима, державного твоего царства святая соборная апостольская церковь во всех концах вселенной в православной христианской вере по всей поднебесной больше солнца светится.

Так пусть знает твоя державность, благочестивый царь, что все православные царства христианской веры сошлись в едином твоём царстве: один ты во всей поднебесной христианам царь. И следует тебе, царь, это блюсти со страхом божьим, убойся бога, давшего тебе это, не надейся на золото, и богатство, и славу: все это здесь собирается и здесь, на земле, остается. Вспомни, царь, того праведного, который, скипетр в руке и царский венец на своей голове нося, говорил: "Богатству, что притекает, не отдавайте сердца", и сказал премудрый Соломон: "Богатство и золото не в сокровищнице познается, но когда помогает нуждающимся"; апостол же Павел, ему следуя, говорит: "Корень всякому злу – сребролюбие", – и велит отказаться, не возлагать надежды и тем более сердца на него, но уповать на все дающего бога. Ибо вся твоя к богу чистая вера и любовь – к божьим святым церквам; да и еще, царь, соблюди две заповеди, ведь в твоём царстве не осеняют люди себя правильно знамением святого креста. И о них заранее провидевший это апостол Павел говорил: "Прежде писал вам, ныне же с плачем говорю о врагах креста Христова, им же конечная погибель".

Второе: наполни святые соборные церкви епископами, пусть не вдовствует святая божия церковь в твоё царствование! Не преступай, царь, завета, что положили твои прадеды, великий Константин, и блаженный святой Владимир, и великий богоизбранный Ярослав, и другие блаженные святые, того же корня, что и ты. Не обижай, царь, святых божьих церквей и честных монастырей, как данных богу в наследство вечных благ на память последующим родам, на что и священный великий Пятый собор строжайший запрет наложил.

О третьей же заповеди пишу и с плачем горько говорю, чтобы искоренил ты в своём православном царстве сей горький плевел, о котором и ныне еще свидетельствует серный пламень горящего огня на площадях Содомских, о котором пророк Исайя, рыдая, повествовал: «Вслушайтесь в слово божие, князья Содомские, и воспримите божий глагол, люди Гоморры: "Что мне тук жертв ваших и подношений ваших, переполнен я всеожжениями. И если принесете мне кадило – мерзко мне это, и праздники ваши ненавидит душа моя!"» Так пойми, благочестивый царь, что пророк не мертвым, уже погибшим содомлянам такое говорил, но живым,творя-

щим злые дела. Ибо сказано: "Блудящий при живой жене разрывает плоть свою, но творящий содомский блуд убивает плод своего чрева". Бог сотворил человека и семя в нем для рождения детей, а мы сами свое семя убиваем и отдаем в жертву дьяволу. И мерзость такая преумножилась не только среди мирян, но и среди прочих, о коих я умолчу, но читающий да разумеет. Увы мне, как долго терпит милостивый, нас не судя! Все это я написал, много и горько рыдая, и сам я, окаянный, полон грехов, но боюсь и молчать, подобно тому рабу, что скрыл свой талант.

Ибо я грешен и недостойн во всем и невежда в премудрости, но ведь и бессловесная валаамова ослица разумного поучала, и скотина пророка наставляла, так и ты не зазри о том, благочестивый царь, что дерзнул я писать твоему величеству. И ныне молю тебя и вновь умоляю: все, что выше я написал, прими бога ради, ибо все христианские царства сошлись в твоём царстве, после же этого мы ожидаем царства, которому нет конца.

Это ж тебе написал, любя, и призывая, и моля благодатью божьей, что переменишь ты скупость на щедрость и немилосердие на милость. Утешь плачущих и рыдающих день и ночь, избавь обиженных из рук обижающих. "Не обижайте, – сказал господь, – малых сих, верующих в меня, ибо ангелы их видят всегда лик отца моего, который на небесах". "Блажен, – сказал, – призревший нищего и убогого, в день страшный спасет его господь". Господь сохранит его, и оживит его, и ублажит его на земле, и не предаст его в руки врагов, господь тебе в помощь.

И если хорошо урядишь свое царство – будешь сыном света и жителем горнего Иерусалима, и как выше тебе написал, так и теперь говорю: храни и внимай, благочестивый царь, тому, что все христианские царства сошлись в одно твое, что два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать. И твое христианское царство другим не сменится, по слову великого Богослова, а для христианской церкви сбудется блаженного Давида слово: "Вот покой мой во веки веков, здесь поселюсь, как пожелал я того". Святой Ипполит сказал: "Когда увидим, что Рим осажден персидскими войсками и персы вместе со скифами идут на нас с боем, тогда несомненно пойдем, что то Антихрист". Пусть же бог миром, любовью, многолетием и здоровьем, молитвами пречистой богоматери и святых чудотворцев и всех святых – преисполнит твое державное царствование!

Печатается по изданию «Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – начало XVI века» (Пер. В.В. Колесова. – М., 1984. – С. 436 – 441).

Восстание 1547 г. в Москве (по Царственной книге)¹

<...> О великом пожаре. Того же месяца (июня) 21, во вторник, в 10 час. дни, третьей недели Петрова поста, загореся храм Воздвижение честнаго креста за Неглимною на Арбатской улице на Острове. И бысть буря велика, и потече огонь, якоже молния, и пожар силен промче во един час Занеглимение огонь и до восполия Неглимною, и Чертория погоре до Семчиньского селца, возле реку Москву, и до Феодора святаго на Арбатской улице. И обратися буря на град болший, и загореся во граде у соборные церкви Пречистыя верх, и на царском дворе великого князя на полатах кровли, и избы деревянные и палаты, украшенные златом, и Казенной двор с царскою казною, и церковь на царском дворе у царские казны Благовещение златоверхая, деисус Андреева писма Рублева, златом обложен, и образы, украшения златом и бисером, многоценный, греческаго писма, прародителей его от много лет собранных; и казна великаго царя погоре, и Оружничая палата вся погоре с воиньским оружием, и Постелная палата с казною выгоре вся; и в погребех на царском дворе под палатами выгоре вся деревяная в них, и конюшня царская. И по многим церквям каменным выгорели деисусы и образы и сосуды церковный, и животы многие людские, и двор митрополичь. Божиим заступлением пречистыя богоматери честнаго и славнаго ея успения в соборной церкви деисус и вся сосуды церковныя сохранены быша и молитвами святых чудотворец Петра, Ионы. А митрополита Макария едва вызваша из церкви, великого для поущения божия дымнаго духа мало не позадохшася во церкви: и поиде митрополит из церкви (и нес на себе и пречистые богородицы Петрова чудотворцова писма, а протопоп Гурей нес за ним правила)² и с ним шел Кекса Татищев, княже Владимиров яселничей, да священник соборной Пречистеньской же Жижелев Иван, и те оба згорели на площади, а митрополит уйде на город на тайник к реке Москве (и протопоп с ним). И тамо ему бысть дымный дух тяжек и жар велик, и за невозможение от жару и от дымнаго духу начата его с тайника спущати, обязав ужищем за взруб к реке Москве; и перервася ужище, и разбися митрополит и едва отдыхал (а протопоп Гурей пробыл тут на тайнике). И отвезоша его в его монастырь на Новое еле жива. А в городе все дворы и палаты горяше, и Чюдовской монастырь выгоре весь, едины мощи святаго великаго чудотворца Алек-

¹ ПСРЛ / Т. XIII. – С. 454 – 457.

² В круглых скобках помещен текст, в рукописи зачеркнутый.

сия божиим милосердием сохранены бысть; а старцов згореша по погребом и по палатам 18, а слуг 8 человек; а запас монастырьской весь згоре. И Вознесенской монастырь такоже весь згоре, 10 стариц в нем згореша, и церковь Вознесение выгоре, образы и сосуды церковныя и животы людские многы, токмо един образ пречистые протопоп вынес. И все дворы во граде погореша, и на граде кровля градская, и зелие пушечное, где бе на граде, и те места разорваша градные стены. А в другом граде лавки все и з животы погореша, и дворы во граде все; едины две церкви бог сохранил на рве Рожество христово да Рожество пречистые, да на Никольском хрестыце лавок з десять. А в церквах в каменных во многих деисусы и сосуды церковныя выгореша. А за городом Болшей посад возле Неглимну, Пушечной двор, и храм святых праведных богъ-отец Иоакима и Анны, и Рождественская улица, и монастырь Рождественской, и Сергей святой, до Николы до Драчевского монастыря; а по Устретенской улице до Стефана святого; а по Ильинской улицы до Флора святого в Мясниках; а Покровскою улицею по Василий святой; а Варварскою улицею Все святые и святая Пятница и Рожество пречистые и Никола Подкопаев и Флор святой у конюшни, и конюшня великого князя, и по Воронцовской двор и по Илию святого под Сосеньскы, а Великою улицею возле Москвы-реки, и Никола Кошелев и Андрей святой, и Воздвижение честнаго Креста у реки у Москвы, и Козма и Дамиан, и Кулишка вся, и возле Язу по Воронцовской сад, и по за конюшни дворы выгореша по Смолину улицу, и всякие сады выгореша, и в огородах всякой овощ и трава. А от города за рвом на площадке от церкви Преображения господня не гореша дворы до Всех святых по Варварскую улицу на Кулишке; а позадь тех дворов погореша все дворы и Петр святой вериги и Симеон святой, и Козма и Дамиан, и за Владимир святой по Илию святого и по Воронцовской сад. А на третьем часу нощи преста огненное пламя. Сие бысть грех ради наших, в наказание нам от бога послася, за умножение наших согрешений не пощади бог толико множество святых церквей и образов святых своих; божиим гневом сие бысть огненное пламя. Во един час многое множество народу згореша, 1 700 мужеска полу и женска и младенец, множество гореша народа по Тверской улицы, и по Дмитровке, и на Большем посаде, по Ильинской улицы, в садах. Сиа вся наведе на ны бог грех ради наших, понеже множество согрешихом и беззаконновахом. Бог же праведным своим судом приводяй нас на покаяние, ово убо пожаром, ово убо гладом, ово же убо ратных на-

хождением, ово убо мором. Прежде убо сих времен памятные книги времени пишут: таков пожар не бывал на Москве, как и Москва стала именоваться, великими князми славна и честна быти по государству их; прежде бо сего Москва не такова бяше народна, якоже ныне народом умножися в лета благовернаго царя и великого князя Ивана Василиевича всеа Русии самодержца. А после пожару стоял царь князь великий во своем селе в Воробьева и з своею царицею с великою княгинею Анастасиею и з братом своим со князем Юрьем и з бояры; а церкви и палаты на своем дворе повеле делати, что от огня распалося, и хоромы деревянные ставити.

О убиении князя Юрья Глинскаго. И после пожару на 2 день приехал царь и великий князь навещати Макария митрополита на Новое (и вражиим наветом нача) и бояре с ним, и вражиим наветом начата глаголати, яко вълхвванием сердца человеческия вымаша и в воде мочиша и тою водою кропиша (от) И оттого вся Москва погоре; начаше же словеса сия глаголати духовник царя и великого князя протопоп Благовещенской Федор да боярин князь Федор Скопин Шуйской да Иван Петров Федоров. И царь и великий князь велел того бояром сыскати. И того же месяца 26 день, в неделю, на (н) пятый день после великого пожару, бояре приехаша к Пречистой к соборной на площадь и собраша черных людей и начата въпрашаги: (чт) хто зажигал Москву? Они же начата глаголати, яко княгини Анна Глинская з своими детми и с людми вълхвовала: вымала сердца человеческия да клала в воду да тою водою ездячи по Москве да кропила, и оттого Москва выгорела. А сие глаголаху (того) чернии людие того ради, что в те поры Глинские у государя в приближение и в жалование, а от людей их черным людем насилство и грабеж, они же их от того не унимаху. А князь Михайло Глинской тогда бяше и с матерью на огосударском жалование на Ржеве; а князь Юрьи Глинской тоща приеха(ш) туго же, и как услыша про мать и про себя такие неподобные речи, и пошел в церковь в Пречистую. Бояре же по своей (к не) к Глинским недружбе напустиша черни; они же взяша князя Юрия в церкви и убиша его в церкви, извлекоша передними дверми на площадь и за город и положиша перед Торгом, идеже казнят. Быша же в совете сем протопоп Благовещенской Федор Бармин, князь Федор Шуйской, князь Юрьи Темкин, Иван Петров Федоров, Григорей Юрьевич Захарьин, Федор Нагой и инии мнози. А людей княже Юрьевых безчислено побита и живот княжей розграбиша, ркуще безумием своим, яко

"вашим зажиганием дворы наши и животы погореша" (а мать твоя кн҃гн) (а мати твоя княгиня Анна сорокою летала да зажигала да из люде). Много же и детей боярских незнакомых побита из Северы, называючи их Глинского людами. А после того (на) убийства на третей день приходиша многая люди чернь скопом ко государю в Воробьева, глаголюще нелепая, что буд (им гсдрь) то государь хоронит у себя княгиню Анну и князя Михаила и он бы их выдал им. Царь же и великий князь повеле тех людей имати и казнити; они же мнози разбегошася по иным градом, видяще свою вину, яко безумием своим сие сотвориша.

«Хрестоматия по истории СССР. XVI – XVII вв. (Под ред. А.А. Зимина. Сост. В.А. Александров, В.И. Корецкий. – М., 1962. – С. 51 – 55, 135 – 136).

"Пискаревский летописец" о деятельности Адашева и Сильвестра

<...> Того же году царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси послал в Царьгород гонца своево костромитина Федора Адашева³ и сына его Алексея⁴. И Федор у царя был, и царь его пожаловал великим жалованьем, и приехал [к] государю, и государь его пожаловал. А сын его, Алексей, разболелся и тамо остался у царя, а был з год и приехал к великому князю, и князь велики его пожаловал и взял его к себе в приближенье, и отца, для его, пожаловал боярством, а его окольниковым. И много лет был в царской милости и до опришнины. И как почал множитца грех земской и опришнина начинатися, и князь велики его послал на службу в Юрьев Ливонской, к воеводе ко князю Дмитрею Хилкову, а велел ему быти в нарядчиках. И князь Дмитрей ему быти в нарядчиках не велел, и он ему бил челом многожды, и он не велел быти. А житие его было: всегда пост и молитва беспрестани, по одной просвире ел на день. И послал его убита князь велики. Пригнал гонец убита, а он преставился за день и лежит во гробу. И писали о нем государю. И государь его пожаловал, велел отвести на Углеч, к родителям в Покровской монастырь, где лежит отец его Феодор и брат его Данило. А как он был во времени, и в те поры Руская земля была в великой тишине и во благоденстве и управе. А кому откажет,

³ Посольство Ф.Г. Адашева в Царьград относится к 1538 – 1539 гг.

⁴ Алексей Адашев был сослан в город Юрьев в начале 1560 г.

тот вдругорядь не бей челом; а кой боярин челобитной волочит, и тому боярину не пробудет без кручины от государя; а кому молвит хомутовкою⁵, тот больши того не бей челом, то бысть в тюрьме, или сослану. Да в ту же пору был поп Селивестр и правил Рускую землю с ним заодин, и сидели вместе в ызбе у Благовещения⁶, где ныне полое место между полат.

«Материалы по истории СССР. Документы по истории XV – XVII веков» (Подготовка текста О.Я. Яковлевой. – Т. II. – М., 1955. – С. 56).

"Избранная тысяча" (1550 г.)⁷

Лета 7059 (1541) октября царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси приговорил з бояры учинить в Московском уезде, да в половине Дмитрова, да в Рузе, да в Звенигороде, да в числяках и в ординцах⁸, и в перевесных деревнях и в тетеревничих⁹ и в оброчных деревнях¹⁰, от Москвы верст за 60 и 70, помещиков детей боярских лутчих слуг 1000 человек.

А которым бояром и окольным быти готовым в посылки, а поместьей и вотчин в Московском уезде у них не будет, – и (тем) бояром и окольным дата поместья в Московском уезде по 200 чети; а детем боярским – в 1-й статье дата поместья по 200 чети, а другой статье детем боярским дата поместья по 150 чети, а третьей статье дата детем боярским поместья по 100 чети. А сена им давати по тальку ж копен, на колько кому дано четвертные пашни, опроче крестьянского сена, – а крестьяном давати на выть по 30 копен. А которой по грехом ис той тысени вымрет, а сын его не пригодитца к той службе, ино в того место прибрать иного. А за которыми бояры и за детми боярскими вотчины в Московском уезде или в ыном городе, которые блиско Москвы верст за 50 или за 60 – и тем поместья не давати. <...>

⁵ А кому молвит хомутовкою – уличит в нечестном ведении дела.

⁶ В избе у Благовещения – возле Благовещенского собора в Кремле.

⁷ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь пятидесятих годов XVI века / М.; Л., 1950. – С. 53 – 103.

⁸ В числяках и в ординцах – на землях великокняжеских крестьян, переписанных равные (положенных "в число") для уплаты дани в орду.

⁹ Перевесные, тетеревничие деревни – с угодыями для царской охоты.

¹⁰ Оброчные деревни – доход с них шел в виде оброка с крестьян или арендующих угодыя лиц (дворян, купцов, горожан).

(Далее следует список 18 бояр, 6 окольных, 1 оружничего, 2 казначеев.) <...> И всех в сей статье бояр и окольных и с оружником и с казначеем 28 человек, а поместья им дата по 200 чети, итого 5600 чети. <...>

(Далее следует список разделенных на три "статьи" детей боярских.) <...> И всех детей боярских во всех статьях московские земли, и ноугородских помещиков и псковских, и торопецких и луцких, и ржевских, дворовых и городских – 1050 человек; а земли им дата 112 600 чети, оприч бояр. <...> А всех и з бояры 1078 человек; а земли им дата 118 200 чета.

Ограничение местничества (1550 г.)¹¹

<...> Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси приговорил с отцом своим Макарием митрополитом, и з братом своим со князем Юрьем Васильевичем, и со князем Володимером Андреевичем, и з своими бояры, да и в наряд служебной велел написати, где быти на Цареве и великого князя службе бояром и воеводам по полком: в болтом полку быта большому воеводе, а передовому полку, и правые руки, и левые руки воеводам и сторожевого полку первым воеводам быта менши болшого полку первого воеводы. А хто будет другой (второй) в болтом полку воевода, и до того болшого полку другою воеводу правые руки воеводы болшому воеводе делу и счета нет, быти им без мест. А которые будут в правой руке, и передовому полку да сторожевому полку воеводам первым быти правые руки не менши. А левые руки воеводам быти не менши передового полку и сторожевого полку первых воевод. А быти левые руки воеводам менши правые руки первого воеводы. А другому воеводе в левой руке быти менши другою же воеводу правые руки. А князем и дворяном болшим, и детем боярским на Цареве и великого князя службе з бояры и с воеводы или с лехкими воеводами¹² царева и великого князя для дела быти без мест. И в наряд служебной царь и великий князь велел записати, что боярским детем и дворяном болшим лучитца на Цареве и великого князя службе быти с

¹¹ Разрядная книга 1475 – 1598 гг. / М., 1966. – С. 125 – 126.

¹² Легкие воеводы – поставленные в походе во главе отдельных отрядов, выполнявших частные задачи (разведка, захват небольших городов или крепостей, преследование разбитого неприятеля и т.п.).

воеводами не по их отечеству, и в том их отечеству порухи некоторые нет¹³. А которые дворяне болшие ныне будут с меншими воеводами где на Цареве и великого князя службе не по своему отечеству, а вперед из них лучитца кому ис тех дворян болших самим быть в воеводах и с теми же воеводами вместе, с которыми они были, или лучитца где быти на какове посылке, и с теми им воеводами, с которыми оне бывали, счет дати тогда, и быти им тогда в воеводах по своему отечеству¹⁴; а наперед того хотя и бывали с которыми воеводами с меншими на службе, и тем дворяном с теми воеводами в счете в своем отечестве порухи нет по государеву цареву и великого князя приговору .

*«Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до 1861 года»
(Сост. П.П. Епифанов, О.П. Епифанов. – М., 1987. – С. 122 – 128, 130 – 138, 145 – 151).*

Учреждение стрелецкого войска (1550 г.)¹⁵

1550 г. Того же лета учинил у себя царь и великий князь Иван Васильевич выборных стрельцов с пищалей 3000 человек, а велел им жити в Воробьевской слободе, а головы у них учинил детей боярских: в первой статье Гришу Желобова сына Пушечникова, а у него пищальников 500 человек, да с ним головы, у ста человек сын боярской, а в другой статье дьяк Ржевский, а у него пищальников 500 человек, а у всяких у ста человек сын боярской; в третьей статье Иван Семенов сын Черемисинов, а у него 500 человек, а у ста человек сын боярской в сотниках; в четвертой статье Васка Фуников сын Прончищев, а ним 500 человек, а у ста человек сын боярской; в пятой статье Федор Иванович сын Дурасов, а с ним 500 человек, а у ста человек сын боярской; в шестой статье Яков Степанов сын Бунтов, а у

¹³ В летописном варианте приговора 1550 г. сказано: «Что с кем в одном полку послан, тот того и менши». Это правило не приносило «порухи» (уничужения) «отечеству» назначенным в тот или другой полк на более низкие должности дворянам.

¹⁴ Знатные («болшие») дворяне получали право после службы под начальством воевод, которых они считали менее знатными, получить с ними местнический «счет» и назначение воеводами «по своему отечеству». Фактически местничество воевод друг с другом продолжалось (даже в годы опричнины) вплоть до окончательной его отмены в 1682 г.

¹⁵ ПСРЛ / Т. XXII. – С. 532 – 533.

него 500 человек, а у ста человек сын боярской. Да и жалованье стрельцом велел давати по 4 рубля на год.

Создание дворянского ополчения (Уложение о службе 1556 г.)¹⁶

Посем же государь и сея разсмотри, которые велможы и всякие воины многими землями завладели, службою оскудеша, – не против государева жалования и своих вотчин служба их¹⁷, – государь же им уровнения творяше: в поместьях землемерие им учиниша¹⁸, комуждо что достойно, так устроиша, преизлишки же разделиша неимущим¹⁹; а с вотчин и с поместья уложеную службу учини же: со ста четвертей добрые угожей земли человек на коне и в доспехе полном, а в далной поход о дву конь²⁰, и хто послужит по земли²¹ и государь их жалует своим жалованием, кормлении, и на уложеные люди²² дает денежное жалование: а хто землю держит, а службы с нее не платит на тех на самех имати денги за люди²³; а хто дает в службу люди лишние перед землею²⁴, через уложеные люди, и тем от государя большее жалование самим, а людям их перед уложенными в польтретиа²⁵ давати денгами. И все государь строяше, как бы строение воиньству

¹⁶ ПСРЛ / Т. XIII. – С. 268 – 269.

¹⁷ Не ... против вотчин... служба их – феодалы являлись в поход с числом людей и оружием по своему усмотрению, независимо от богатства и размеров их земельных владений.

¹⁸ Землемерие им учиниша – около 1551 г. был составлен единый писцовый наказ, и писцы начали измерять земельные владения в общегосударственной налоговой единице "сохе", с которой соразмерялись старые единицы, существовавшие в разных областях государства (выть, обжа и др.). В руках писцов в качестве пособия появилась "Книга, именуемая Геометрия, или Землемерие".

¹⁹ Преизлишки... неимущим – мелким дворянам.

²⁰ Ого четвертей (четей) – около 50 га; если у феодала было 200 четей земли, он должен был привести с собой в поход одного слугу на коне, с оружием и в доспехах, если 300 четей – двух слуг и тд.

²¹ Хто послужит по земли – выполнит полностью норму поставки людей, коней и оружия.

²² Уложеные люди – ратники, выставяемые феодалом по одному с каждых 100 четей принадлежащей ему земли.

²³ Имати денги за люди – удерживать денги из жалованья по окладу за недоставленных по норме ратников.

²⁴ Лишние перед землею – выставленные в поход сверх установленной нормы ("Передаточные люди").

²⁵ В польтретиа – в два с половиной раза больше.

и служба бы царская безо лжи была и без греха вправду; и подлинные тому розряды у царьских чиновначалников, у приказных людей.

Судебник (1550 г.)

Лета 7058 июня царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси [с] своею братьею и з бояры сесь Судебник уложил: как судити бояром, и околничим, и дворецким, и казначеем, и дьяком, и всяким приказным людем, и по городом яамесником, и по волостем волостелем, и тиуном и всяким судьям.

1. Суд царя и великого князя судити боаром, и околничим, и дворецким, и казначеем, и дьяком. А судом не дружыти и не мстити никому, и посулу в суде не имати; також и всякому судье посулов в суде не имати.

2. А которой боярин, или дворещеой, или казначей, или дьяк просудится, а обвинит кого не по суду безхитростно²⁶, или список подпишет и правую грамоту²⁷ даст, а обыщется то в правду, и боярину, и дворецкому, и околничему, и казначею, и диаку в том пени нет²⁸; а истцом суд з головы, а взятое отдати.

3. А которой боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк в суде посул возмет и обвинит не по суду²⁹, а обыщется то в правду, и на том боярине, или на дворецком, или на казначеи, или на дьяке взята исцов иск³⁰, а пошлины царя и великого князя, и езд, и правда, и пересуд, и хоженое, и правой десяток и пожелезное взята втрое³¹, а в пене что государь укажет.

4. А которой дьяк список нарядит или дело запишет не по суду, не так, как на суде было, без боярьского, или без дворецкого, или без казначеева ведома, а обыщется то в правду, что он от того посул взял, и на том дьяке взята перед боярином вполы да кинута его в тюрьму.

5. Подьячей, которой запишет не по суду для посула без дьячего приказу, и того подьячего казните торгового казнью, бита кнутъем. <...>

²⁶ Безхитростно – по ошибке.

²⁷ Правая грамота – постановление (решение) суда.

²⁸ Пени – наказания (штрафы).

²⁹ Не по суду – за взятку, вопреки достоверным результатам следствия и суда.

³⁰ Взяти исцов иск – взыскать штраф в размере суммы иска (частного).

³¹ Перечислены судебные расходы (езд, хоженое) и пошлины, взимаемые с виновного в тройном размере.

8. А имата боарину, и дворецкому, и казначею и дьяку в суде от рублевого дела³² на виноватом пошлин, кто будет виноват, ищеа³³ или ответчик, и боярину, или дворецкому, или казначею на виноватом одиннатцать денег, а дьяку семь денег, а подьячему две денги; а будет дело выше рубля и ниже рубля, и им имати пошлины по росчету; а болши того им не имата. <...> А возмет боарин, или дворецкой, или казначей, или дьяк, или подьячей, или неделщик³⁴ на ком что лишек, и на том взята втрое. А хто учнет бита челом на боярина, или на дьяка, или на подьячего, или на неделщика, что взяли на нем сверх пошлин лишек, и обыщется то, что тот солгал, и того жалобника казнити торговою казнью да вкинута в тюрьму. <...>

26. А бесчестие³⁵ детем боярским, за которыми кормления³⁶, указати против доходу, что на том кормление по книгам доходу³⁷, а жене его бесчестья вдвое против того доходу; которые дети боарские емлют денежное жалование, сколко которой жалованья имал, то ему и бесчестие, а жене его вдвое против их бесчестна; а дьяком палатным и дворцовым бесчестие что царь и великий князь укажет, а женам их вдвое против их бесчестна; <...> а торговым людем и посадцким людем и всем середним бесчестна пять рублей, а женам их вдвое бесчестна против их бесчестна; а боярскому человеку доброму³⁸ бесчестна пять рублей, опричь тиунов и довотчиков, а жене его вдвое; а тиуну боярскому или довотчику и праведнику³⁹ бесчестна против их доходу, а женам их вдвое; а христианину пашенному и непашенному бесчестна рубль, а жене его бесчестна два рубля; а боярскому человеку молотчому⁴⁰ или черному городцкому человеку молотчому⁴¹ рубль бесчестна, а женам их бесчестна вдвое. А за увечие указывати христианину, посмотри по увечию и по бесчестию; и всем указывати за увечие, посмотри по человеку и по увечью. <...>

³² От рублевого дела – от суммы иска в рубль.

³³ Ищеа – истец.

³⁴ Недельщик – выборный или назначенный человек, исполняющий поручения суда по неделям.

³⁵ Бесчестие – плата за оскорбление.

³⁶ Кормления – доходы за исполнение обязанностей по делам управления.

³⁷ По книгам – по доходам, записанным в книгах.

³⁸ Боярский человек добрый – холоп по своему положению или профессии, более ценимый господином.

³⁹ Тиун, довотчик, праведчик – холоп, исполнявший в доме и хозяйстве господина административные или судебные функции по его поручению.

⁴⁰ Боярский человек молотчий – рядовой холоп, выполнявший "черную" работу.

⁴¹ Городцкой человек молотчий – малоимущий посадский человек.

61. А государьскому убойце⁴², и градскому здавцу⁴³, и коромолнику, и церковному татю⁴⁴, и головному татю⁴⁵, и подметчику⁴⁶, и зажигалнику⁴⁷, ведомому лихому человеку, живота не дата, казнити ево смертною казнью. <...>

64. А детей боарьских судити наместником по всем городом по нынешним царевым государевым жаловалным вопчим грамотам. <...>

72. А по городом наместником городских посадских всех людей промеж их судити, обыскивая по их животом и по промыслом и по розмету⁴⁸; сколке рублев кто цареву и великого князя подать дает, по тому их, обыскивая, судити и управа чинити. А розметныя книги⁴⁹ старостам и соцким и десяцким и всем и людем тех городов своих розметов земсково дьака руку за своими руками ежегод присылати на Москву к тем боаром, и дворецким, и х казначеем, и к дьяком, у кого будут которые города в приказе⁵⁰; а другие книги розметные своих розметов старостам и соцким и десяцким тех городов, где кто живет, отдавати тех городов старостам и целовалником⁵¹, которые у наместников в суде сидят. И кто тех городов городцкие посадцкие люди учнут промеж себя искати много, не по своим животом, и про тех исцов сыскивати розметными книгами, сколько он рублев с своего живота подати дает; и будет живота ево столко есть, на сколько ищет, ино ему дата суд; а будет живота ево сколько нет, и тех исцов в их искех тем и винити, а пошлины имати по Судебнику, а Цареве государеве пене велети дата на поруку да прислати к Москве ко государю. А городцким посацким людем искати на наместникех и на их людех по своим же животом и по промыслом и по розмету. <...>

81. А детей боарьских служилых и их детей, которые не служивали, в холопи не приимати никому, опричь тех, которых государь от службы отставит. <...>

⁴² Государьский убойца – убийца своего господина.

⁴³ Градский здавец – сдавший изменой врагу город (крепость).

⁴⁴ Церковный тать – вор, обокравший церковь.

⁴⁵ Головной тать – убийца.

⁴⁶ Подметчик – человек, подбросивший с злым умыслом какую-либо вещь.

⁴⁷ Зажигалник – совершивший умышленный поджог.

⁴⁸ Розмет – определение размера податей внутри общины посадских людей между ее членами по имуществу и доходам.

⁴⁹ Розметные книги – с записью "розмета".

⁵⁰ В приказе – в ведении.

⁵¹ Выборные старосты и целовальники (целовавшие крест о добросовестном исполнении выборной должности, например, при таможняк, тюрьмах и т.д.) и участвовавшие в наместничьем суде.

88. А крестианом отказыватись из волости в волость и из села в село один срок в году: за неделю до Юрьева дни до осеннего и неделя по Юрьеве дни осеннем. А дворы пожилые платят в поле рубль и два алтына, а в лесех, где десять врѣст до хоромного лесу⁵², за двор полтина и два алтына. А которой крестианин за кем живет год да пойдет прочь, и он платит четверть двора; а два года поживет, и он платит полдвора; а три годы поживет, и он платит три четверти двора; а четыре годы поживет, и он платит весь двор, рубль и два алтына.

А пожилое имати с ворот⁵³. А за повоз⁵⁴ имати з двора по два алтына; а опричь того пошлин на нем не имати. А останетца у которого крестианина хлеб в земли, и как тот хлеб пожнет, и он с того хлеба или с стоачего даст борон⁵⁵ два алтына; а по кои места была рож его в земле, и он подать цареву и великого князя платит со ржы, а боярьского дела ему, за кем жыл, не делати. А попу пожылого нет, и ходити ему вон безсрочно воля. А которой крестианин с пашни продаст ся в холопи в полную, и он выйдет безсрочно ж, и пожылого с него нет; а которой хлеб его останется в земле, и он с того хлеба подать цареву и великого князя дает; а не похочет подати платити, и он своего хлеба земленаго лишен. <...>

92. А которой человек умрет без духовной грамоты, а не будет у него сына, ино статок весь и земли взяти дочери; а не будет у него дочери, ино взяти ближнему от его роду. <...>

98. А которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с государева докладау и со всех боар приговору вершается, и те дела в сем Судебнике приписывати. <...>

«Судебники XV – XVI веков» (М.;Л., 1952. – С. 141 – 176).

Стоглавый собор (1551 г.)

<...> О монастырех, иже пусты от небрежения.

В монастыри боголюбцы дают душам своим и родителем на поминок вотчинные села и прикупи, а иные вотчины собою покупают в монастыри,

⁵² Хоромный лес – пригодный для строительства дома и хозяйственных зданий.

⁵³ С ворот – со двора с воротами, а не с других построек.

⁵⁴ Повоз – поставка на подводах натуральных податей, взамен которых взимается по два алтына с двора за год.

⁵⁵ Борон – подать, штраф.

а иное угодие у меня припрашивают. И поймали много по всем монастырем, а братии во всех монастырях по старому, а инде старою менши, есть и пить старого братье скуднее; устроения в монастырях ни котораго не прибыло, и старое опустело, где те прибыли и кто тем корыстуется? А тарханские и несудимые и льготные грамоты⁵⁶ у них же о торговлях без пошлине. А чернцы по селом живут да в городе, тяжутся о землях. Достойно ли то? А села и именья в монастыри емлют, а по тех душах и по родителех и по их приказу и памяти не исправляют, кто о сем истязай будет в день страшнаго суда? <...>

Глава 6.

Некогда вниде в слухи боговенчаннаго и христоролюбивого царя государя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси самодержца, что по многим церквам божиим звонят и поют не во время <...> и многие церковные чины не сполна совершаются по священным правилам и не по уставу. <...> Отныне и впредь в царствующем граде Москве и по всем градом <...> российского царствия, по всем святым церквам звонити и божественниа литургии служити и прочее церковное пение правите сполна и по чину. <...>

Глава 26. О училищах книжных по всем градом. <...>

<...> В царствующем граде Москве и по всем градом <...> изврати добрых духовных священников и дьяконов и дьяков женатых и благочестивых <...> и грамоте бы и чести и пеги и писати горазди. И у тех священников и у дьяконов и у дьяков учините в домех училища, чтобы священницы и дьяконы и все православные хрестьяне в коемждо граде предавали своих детей на учение грамоте книжнаго писма и церковнаго петая... и чтения налойнаго. И те бы священники и дьяконы и дьяки избранные учили своих учеников страху божию и грамоте и писати и пеги и чести со всяким духовным наказанием. <...>

Глава 28. О книжных писцех.

Так же которые писцы по градом книги пишут, и вы бы им велели писати с добрых переводов. Да написав правили, потом же и продавали. А которой писец написав книгу продаст не исправив, и вы бы тем возбраняли с великим запрещением. А кто <...> неисправленну книгу купит <...>, по-

⁵⁶ Тарханские и несудимые грамоты – освобождали крупных церковников и монастыри от уплаты податей и выполнения повинностей в пользу государства, от вмешательства царских управителей и судей (кроме душегубства, разбоя и татьбы с поличным) в дела церковных вотчин.

тому же возбраняли <...>, чтобы впредь так не творили. А впредь только учнут тако творите продавцы и купцы, и вы бы у них те книги имали даром без всякого зазора, да, исправив, отдавали в церкви, которые будут книгами скудны. <...>

Глава 32. О крестящихся не по чину.

Мнози неразумнии человецы, махающе рукою по лицу своему, творят крестящиеся а всуе тружающиеся. Тому бо маханию беси радуются. А тако есть право креститься. Первое положите руку на челе своем, потом на персех, потом на правом плечи, таже и на левом, то есть истинное изображение крестному знаменю, аще кто право крещает лице свое сим знаменем, той никогда же не убоится дьявола ни злато супостата и от бога мзду приемлет за то, <...> аще ли кто леностию или невежеством не исправляет креста на лице своем, той отместся креста Христова и припадает дьяволу. <...>

Глава 41.

<...> Писати живописцем иконы с древних переводов, как греческие живописцы писали и как писал Андрей Рублев и прочие пресловущии⁵⁷ живописцы, и подписывали святая Троица, а от своего замышления ничтоже предтворяти. <...>

В мирских свадьбах играют глумотворцы и арганники, и смехотворцы, и гусельники и бесовские песни поют, и как к церкви венчаться поедут, священник со крестом будет, а пред ним со всеми теми играми бесовскими рыщут⁵⁸, а священницы им о том не возбраняют и не запрещают. <...> О том <...> запрещати великим запрещением. <...>

Да по дальним странам ходят скоморохи... ватагами многими, по шестидесяти и до семидесят человек, и по сто <...> и по деревням у крестьян сильно ядят и пьют, и из клетей животы грабят, а по дорогам людей розбивают. <...>

Да по погостам и по селом ходят лживые пророки, мужики и женки, и девки, и старые бабы, наги и босы, и волосы отростив и распустя, трясутся и убиваются. А сказывают, что им являются святая пятница и святая Анастасия и велят им заповедати хрестияном каноны завечати. Они же заповедают хрестияном в среду и в пятницу ручного дела не делати, и женам не прясти, и платья не мыта, и каменья не разжигати. <...>

⁵⁷ Пресловущии – знаменитые, известные.

⁵⁸ Рыщут (от ристать) – быстро бегать, скакать, ездить.

Злые ериси кто знает их и держится: рафли, шестокрыл, воронограй, остромий, зодей, алманах, звездочетье, аристотель, аристотелевы врата и иные составы и мудрости еретическия и коби бесовские <...>, и в те прелести верующи многих людей от бога отлучают и погибают. <...>

В троицкую субботу по селом и по погостом сходятся мужи и жены на жальниках⁵⁹ и плачутся по гробом умерших с великим воплем. И егда начнут играти скоморохи во всякие бесовские игры, они же от плача преставше, начнут скакати и плясати и в долони⁶⁰ бита и песни сотонинские пеги на тех же жальниках, обманщики и мошенники. <...>

Русали о Иванове дни и в навечерии Рождества Христова и крещения сходятся мужи и жены и девицы на ночное плещеванне, и на бесчинный говор, и на бесовские песни, и на плясание, и на скакание, и на богомерзкие дела. И бывает отроком осквернение и девам растление. <...>

Глава 72. О искуплении пленных.

Которых откупят царевы послы в ордах и в Цареграде и в Крыму... и тех всех плененых окупати из царевы казны. А которых православных хрестьян плененых приводят, окупив греки и туркчане, армени или иные гости, да быв на Москве, восхотят их с собою опять повести, ино их не давати, и за то крепко стояти; да их окупати из царевы же казны. <...>

Глава 75. О вотчинах и о куплях, которые боголюбцы давали святым церквам на память своим душам и по своих родителей в вечный поминок и в наследие благ вечных.

Да духовным же пастырем, архимандритом и игуменом и строителем с соборными старцы <...> по всех по тех боголюбцев, которые давали вотчины и села и купли ставити по них кормы⁶¹ и на памяти их пеги понахиды и обедни служит. <...> Имена их написати в синодик⁶² и поминати по церковному уставу, а отчин их и сел, которые даны на поминок святым церквам без выкупа⁶³ и иных церковных и монастырских земель и прочих не-

⁵⁹ Жальниках – поминках

⁶⁰ Долони – ладони.

⁶¹ Ставити ... кормы – кормить нищих в день поминовения умершего "боголюбца", который отдал церкви свои вотчины.

⁶² Синодик – рукописная книга, по которой во время церковных служб провозглашалась "вечная память" внесенным в нее умершим. В синодики Иван IV записывал имена казненных во время опричнины.

⁶³ Без выкупа – без права выкупа членами "рода" (фамилии).

движимых вещей, по священным божественным правилом, ни отдати, ни продати, но крепко хранить и блюсти⁶⁴. <...>

Глава 92. О игрищах еллинского⁶⁵ бесования.

Еще же мнози от неразумия простая чадь⁶⁶ православных христиан во градах и в селех творят еллинское бесование, различные игры и плясания в навечерии рождества Христова и против праздника рождества Ивана Предтечи в нощи и... в праздник весь день и нощь. Мужи и жены, и дети в домех по улицам отходя и по водам глумы⁶⁷ творят всякими игры <...> и песнями сатанинскими <...> и многими виды скаредными⁶⁸. <...>

Глава 98.

<...> Приговорил еси государь преже сего с нами, с своими богомольцы <...> о слободах наших митрополичих и о архиепископлих и епископлих и о монастырских, что слободам всем новым тянута грецкими людьми всякое тягло и з судом. И мы ныне тот приговор помним. В новых слободах ведает бог да ты, опричь суда. А ныне наместники твои государевы и властели тех слобожан хотят судити, и в том <...> слобожаном нашим запустети. А преже того твои <...> твои наместники и властели наших слобожан не суживали. И ты бы, государь, своим наместником и властелем впредь наших слобожан не велел судити. А ныне твой царский приговор с нами, что в те новые слободы вышли посацкие люди после описи, и тех бы людей из новых слобод опять вывести в город. И о том ведает бог да ты, государь, как тебе о них бог известит. А впредь бы митрополитом и архиепископом, и епископом, и монастырем держати свое старые слободы по старине... а новых бы слобод не ставити, и дворов новых в старых слободах не прибавляти... А в которых старых слободах дворы опустеют, и в те дворы звати сельских людей пашенных и непашенных по старине, как преже сего было. А отказывати тех людей на срок о Юрьеве дне осеннем по государеву указу по старине же. А с посаду впредь горадских в слободы не называти и не приимати, разве казаков нетяглых людей.

«Российское законодательство X – XX веков» (М., 1985. – Т. 2. – С. 267 – 374).

⁶⁴ Запрещая отчуждать любым способом вотчины, села и всякое недвижимое имущество церкви и монастырей, Стоглав укреплял феодальную собственность церковников.

⁶⁵ Еллинского – греческого, здесь: в смысле языческого.

⁶⁶ Простая чадь – простолюдины, сельчане и горожане.

⁶⁷ Глумы – шутки, смех, потехи, забавы, насмешки.

⁶⁸ Виды скаредными – накладные маски-личины, потешные одежды и украшения.

Отмена кормлений (1556 г.)

Приговор царской о кормлениях и о службе. Лета 7064 (1556) приговорил царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии з братнею и з бояры о кормлениях и о службе всем людем, как им вперед служити. А по се время князи и дети боярские сидели по кормлением по городом и по волостем, для росправы людем и всякого устроена землям и собе от служеб для покою и прекормления; на которых городех и волостех были в кои лета наме-стники и волостели, и тем городом и волостем розсправу и устрой делали и от всякого их лиха обращали на благое, а сами были доволны оброки своими и Пошлинами указными, что им государь уложил.

И вниде в слух благочестивому царю, что многие грады и волости пусты учинили наместники и волостели, изо многих лет презрев страх божий и государьские уставы, и много злокозненных дел на них учиниша; не быша им пастыри и учителя, но сътворишася им гонители и разорители. Также тех градов и волостей мужичья многие коварства содеяша и убийства их людем: и как едут с кормлений, и мужики многими иски отыскивают; и много в том кровопролития и осквернения душам содеяша, их же не подобает в христианском законе не слышати; и многие наместники и волостели и старого своего стяжения избыша, животов и вотчин. <...>

О повелении царском. И повеле государь во градах и в волостях различити старосты, и сотцкые, и пятьдесятцкые, и десятцкые и з страшным и грозным запрещением заповедь положити, чтоб им разеужати промеж разбои и татбы и какие дела, отнюдь бы никотора вражда не именовалася, также ни мзда неправедная, ни лживое послушество; а кого промеж собою такова лиха найдут, таковых велел казнем предавати; а на грады и на волости положит оброки по их промыслом и по землям, и те оброки збирати к царьским казнам своим диаком; бояр же и велмож и всех воинов устроил кормлением, праведными уроки, ему же достоит по отечеству и по дородству, а городовых в четвертой год, а иных в третьей год денежным жалованием.

О рассмотрении государском. По сем же государь и сея рассмотрит: которые велможы и всякие воины многими землями завладели, службою оскудеша, – не против государева жалования и своих вотчин служба их – государь же им урвнения творяше: в поместьях землемерие им учиниша, комуждо что достойно, так устроиша, преизлишки же разделиша неимущим; а с вотчин и с поместья уложеную службу учини же: со ста четвертей

добрые угожей земли человек на коне и в доспесе в полном, а в дапной поход о дву конь; и хто послужит по земли, и государь их жалуует своим жалованием, кормлении, и на уложенные лкади дает денежное жалование; а хто землю держит, а службы с нее не платит, на тех на самех имати денги за люди; а хто дает в службу люди лишние перед землею, через уложенные люди, и тем от государя болшее жалование самим, а людем их перед уложенными и полътретиа давати денгами.

И все, государь, строяще, как бы строение воиньству и служба бы царская безо лжи была и без греха вправду; и подлинные тому разряды у царьских чиновначалников, у приказных людей.

Печатается по полному собранию русских летописей (Т. XIII. – СПб., 1904. – С. 267 – 269).

Курбский А.М. История о великом князе Московском (1573 г.)

История о великом князе Московском: то, что слышали мы от достоверных людей, и то, что видели собственными глазами. Сокращенно излагая, написал я это, как сумел, из-за неотступной настойчивости многих.

Много раз многие умные люди спрашивали меня с большой настойчивостью, как это могло случиться с таким прежде добрым и знаменитым царем, который столько раз ради отечества пренебрегал своим здоровьем, сносил беды, бесчисленные страдания и тяжелый труд в военных предприятиях против врагов христового креста и пользовался прежде у всех доброй славой. И каждый раз со вздохами и слезами я отмалчивался и не хотел отвечать. В конце концов постоянные расспросы принудили меня кое-что рассказать о том, что же все-таки произошло. И я отвечал им: "Если бы рассказывал я с самого начала и все подробно, много бы пришлось писать о том, как посеял дьявол скверные навыки в добром роде русских князей прежде всего с помощью их злых жен-колдуний. Так ведь было и с царями Израиля, особенно когда брали они жен из других племен". Впрочем, отложив все это, расскажу кое-что по существу дела.

Многие мудрецы говорят: "При хорошем начале хороший конец", точно так и напротив – зло оканчивается злом. В особенности это свойственно свободной природе человека восставать против божеских заповедей своей свободной волей, злой и всему враждебной. Великий князь московский Василий и это прибавил ко многим скверным своим делам, враждеб-

ным божеским заповедям. По краткости этой книги здесь не место описывать и перечислять их, но то, что необходимо упомянуть, изложим по возможности со всей краткостью. Прожив с первой своей женой Соломонией двадцать шесть лет, он постриг ее в монашество, хотя она не помышляла об этом и не хотела этого, и заточил ее в самый дальний монастырь, находящийся за двести с лишним миль от Москвы, в Каргопольской земле. Итак, он распорядился ребро свое, то есть богом данную святую и невинную жену, заключить в темницу, крайне тесную и наполненную мраком. А сам женился на Елене, дочери Глинского, хотя и препятствовали ему в этом беззаконии многие святые и добродетельные не только монахи, но и сенаторы его. Один из них был пустынный Вассиан Патрикеев, по матери родственник великому князю, а по отцу внук литовского князя, который, оставя славу мира сего, поселился в пустыне и проводил свою жизнь в монашестве с такой строгостью и святостью, как некогда знаменитый Антоний Великий. И не сочтет пусть никто за дерзость сказать, что в усердии своем он был подобен Иоанну Крестителю, ведь и тот препятствовал в непозволительном браке царю, совершавшему беззакония. Тот попирали законы Моисея, а этот – Евангелия. А из мирских сановников препятствовал великому князю Семен, по прозванию Курбский, из рода князей смоленских и ярославских. О нем и святой жизни его не только там, в Русской земле, знают, но когда был в Москве, слышал и Герберштейн, знаменитый муж и великий посол императора, и рассказал в своей "Хронике", которую написал на латыни в славном городе Милане⁶⁹.

А вышеназванный князь Василий, великий в основном гордыней и жестокостью, не только не послушался этих великих и знатных людей, но и блаженного Вассиана, своего родственника по крови, приказал схватить и заточить, так что святого человека, связанного, как преступника, отправил в ужасающую темницу – монастырь преступных иосифлян, подобных ему в своей преступности, и велел умертвить немедленной смертью. И они, скорые исполнители его жестокости и потворщики ему во всех его преступлениях, пожалуй, еще и соперники в этом, немедленно умертвили

⁶⁹ Герберштейн дважды приезжал в Москву как великий посол славного христианнейшего императора Карла с важными поручениями, прежде всего стараясь установить вечный мир между христианскими церквями и сплотить и подвигнуть их против поганых. И хоть был он искусен в благородных науках и занятиях, но с варварскими народами (из-за их закоренелых и грубых обычаев) он не смог довести до конца этого похвального Предприятия.

того. А других святых людей – одних подверг он пожизненному заключению (один из них философ Максим, о котором я расскажу позже), других велел убить, их имена я здесь опускаю. А князя Семена навсегда прогнал с глаз долой.

Тогда зачат был наш теперешний Иван, и через попрание закона и похоть родилась жестокость, как сказал об этом Иоанн Златоуст в Слове о злой жене, начало которого: "Когда стали нам теперь известны праведность Иоанна и жестокость Ирода, потряслись утробы, вострепетали сердца, померкло зрение, притупился ум, ослабел слух" и так далее. И если великие святые учителя ужасались, описывая то, что творили мучители со святыми, как нам, грешным, нужно ужасаться, сообщая о такой трагедии! Но все преодолевает повиновение, в особенности ради постоянной вашей настойчивости или неотступности. И то еще оказало помощь злему началу, что совсем маленьким, лет двух, остался он без отца. Через несколько лет и мать его умерла. Воспитывали его потом важные и гордые паны – бояре, на их языке, – соревнуясь друг с другом, льстя и угождая ему в его сластолюбии и похоти, – себе и детям своим на беду. А когда начал он подрастать, лет в двенадцать, – что раньше вытворял, все опушу, сообщу лишь это: начал сначала проливать кровь животных, швыряя их с большой высоты – с крылец или теремов, как они говорят, – вытворять также и многие другие негодные вещи, выявляя будущее свое немилосердное своеволие (как говорит Соломон: "Мудрый, дескать, жалеет души скотов своих, а глупый их бьет без пощады"), а воспитатели льстили ему, позволяли это, расхваливали его, на свою беду научая ребенка. Когда же стало ему лет пятнадцать и больше, тогда начал он и людей бросать и, собрав вокруг себя толпы молодежи из детей и родственников названных сенаторов, стал разъезжать с ними на конях по улицам и площадям, скача повсюду и носясь неблагопристойно, бить и грабить простых людей, мужчин и женщин. Действительно, совершал он просто разбойничьи поступки, совершал другие преступления, о которых говорить не стоит, да и стыдно, а льстецы себе на беду все это расхваливали, говоря: "Вот это будет храбрый и мужественный царь!" А когда исполнилось ему семнадцать лет, эти же надменные сенаторы один вперед другого стали науськивать его и использовать его для мести в своей вражде. Вначале убили они храбрейшего стратега, влиятельного человека благородного происхождения по имени князь Иван Вельский, который был из рода литовских князей и находился в родстве с

польским королем Ягайлой. Был он не только мужествен, но и большого ума и имел неплохой опыт в священном Писании.

Немного погодя он уже сам приказал убить другого благородного князя по имени Андрей Шуйский, из рода суздальских князей. Года через два после этого убил он трех благородных людей: одного близкого своего родственника, князя Ивана Кубенского, родившегося от сестры его отца и бывшего у его отца великим земским маршалом. Был он из рода князей смоленских и ярославских, очень умный и тихий человек пожилого уже возраста. Вместе с ним были убиты знатные Федор и Василий Воронцовы, происходившие из немцев, из рода имперских князей. Тогда же был убит Федор, по прозвищу Невежа, шляхетный и богатый гражданин. А немного раньше, года на два, был удушен пятнадцатилетний юноша, сын князя Богдана Трубецкого, по имени Михаил, из рода литовских князей. А после, помнится мне, в тот же год убиты были благородные князья: князь Иван Дорогобужский, из рода великих князей тверских, и Федор, единственный сын князя Ивана, по прозвищу Овчины, из рода князей тарусских и Оболенских, – как агнцы без вины зарезаны в самом младенчестве.

Но когда стал он потом превосходить меру в бесчисленных своих преступлениях, то господь, смиряя его свирепость, послал на великий город Москву громадный пожар, так что с очевидностью проявил свой гнев, и если бы подробно писать, вышла бы целая повесть иль книжка. А еще раньше, в годы его юности, с помощью многочисленных нашествий варваров – то крымского хана, то ногайских, то есть заволжских, татар, и в особенности и страшнее всего казанского царя, сильного и мощного мучителя христиан (который имел в своей власти шесть разных народов), – всеми ими устроил господь несказанное кровопролитие и нашествие, так что на восемьдесят миль вокруг города Москвы все стало пусто. Вся Рязанская земля до самой Оки опустошена была перекопским, иль крымским, ханом и ногаями, притом что внутри угождатели с молодым царем безжалостно опустошали и подвергали отечество бедствиям войны.

Но тогда, после упомянутого пожара, громадного и действительно очень страшного, о котором никто не усумнится сказать "очевидный божий гнев", – что же было тогда? Было великое всенародное возмущение, так что самому царю пришлось бежать из города со всем своим двором. В этом возмущении толпой был убит из дядьев его князь Юрий Глинский, а дом его разграблен. Другой же его дядя, князь Михаил Глинский, который

был голова всему злу, убежал, а угождатели, бывшие с ним, разбежались. В то время чудесно как-то и следующим образом подал бог руку помощи, чтобы отдохнула христианская земля. Тогда, именно тогда, говорю я, пришел к нему один человек в сане священника, именем Сильвестр, выходец из великого Новгорода, усмиряя его божественным священным писанием, сурово заклиная его грозным именем бога и вдобавок открывая ему чудеса и как бы знаменья от бога, – не знаю, истинные ли, или так, чтоб запугать, он сам все это придумал, имея в виду буйство Ивана и по-детски неистовый его характер. Ведь часто и отцы приказывают слугам выдуманными страхами отпугивать детей от чрезмерных игр с дурными сверстниками. Так и блаженный, я полагаю, прибавил немного благих козней, которыми задумал исцелить большое зло. Так поступают и врачи, по необходимости скобля и разрезая железом гниющую гангрену, то есть вплоть до здорового тела срезают вырастающее на ране дикое мясо. Подобное этому придумал, видимо, и блаженный этот, хитрец ради истины, так что случилось то, что душу великого князя он исцелил было и очистил от ран проказы, а развращенный нрав поправил, наставляя то так, то этак на верный путь.

А с ним вступил тогда в союз на пользу и общее благо один благородный юноша по имени Алексей Адашев. Царь в то время очень любил этого Алексея и находился с ним в согласии; был Алексей очень полезен всему государству и даже некоторыми чертами характера подобен ангелу. Если бы я все подробно рассказал о нем, людям невежественным и житейским это, пожалуй, показалось бы невероятным. Но если мы обратим внимание на то, что благодать святого Духа не за наши дела, но по изобилию щедрот Христа нашего украшает тех, кто верен Новому завету, то покажется это не чудесно, а только уместно, ибо творец всего даже кровь свою не пожалел пролить за нас. <...>

Печатается в сокращении по изданию «Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века» (Пер. А. А. Алексеева. – М., 1986. – С. 218 – 227).

Учреждение опричнины (1565 г.) (по Никоновской летописи)

<...> Тоя же зимы, декабря в 3 день, в неделю⁷⁰, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси с своею царицею и великою княгинею

⁷⁰ Декабря в 3 день, в неделю – 3 декабря 1564 г., в воскресенье.

Марьею⁷¹ и с своими детьми <...> поехал с Москвы в село в Коломенское. <...> Подъем же его не таков был, якоже прежде того езживал по монастырем молиться, или на потехи в объезды ездил: взял же с собою святость, иконы и кресты, златом и рьянием драгим украшенные, и суды⁷² золотые и серебряные, и поставцы⁷³ все всяких судов, золотое и серебряное, и платье и денги и всю свою казну повеле с собою. Которым же бояром и дворяном ближним и приказным людем ... повеле с собою ехати з женами и з детми ... с людми и с коими, со всем нарядом⁷⁴. А жил в селе в Коломенском две недели ... дожди и в реках была поводь велика... И как реки стали, и государь ис Коломенского поехал в село Танинское в 17 день, в неделю ... из Танинского к Троице, а чудотворцову память Петра митрополита ... празновал у Троицы в Сергиеве монастыре, а от Троицы из Сергиева монастыря поехал в Слободу⁷⁵. На Москве же тогда быша Афонасий митрополит всеа Руси, Пимин архиепископ Великого Новаграда и Пьскова, Никандр архиепископ Ростовский и Ярославский и ины епископы и архимандриты и игумены, и царевы и великого князя бояре и околничие и все приказные люди ; все же о том в недоумении и во унынии быша, такому государьскому великому необычному подъему, и путного его шествия не ведамо, куцы бяще. А генваря в 3 день прислал царь и великий князь из Слободы ко отцу своему и богомолцу к Афонасию митрополиту всеа Руси с Костянтином Дмитриевым сыном Поливанова с товарищи да список, а в нем писаны измены боярские и воеводские и всяких приказных людей⁷⁶, которые они измены делали и убытки государьству его до его государьского возрасту после отца его блаженные памяти великого государя царя и великого князя Василия Ивановича всеа Руси. И царь и великий князь гнев свой положил на своих богомолцов, на архиепископов и епископов и на архимандритов и на игуменов, и на бояр своих и на дворецкого и конюшего и на околничих и на казначеев и на дьяков и на детей боярских и на всех приказных людей опалу свою положил в том, что после отца его... великого государя Василия... в его государьские несвершенные ле-

⁷¹ Марья – вторая жена Ивана IV, Мария Темрюковна, дочь кабардинского князя.

⁷² Суды – здесь: сосуды.

⁷³ Поставцы – посудные шкафы.

⁷⁴ С людми... со всем служебным нарядом, т.е. со своими военными слугами и в полном вооружении.

⁷⁵ В Слободу – в Александровскую слободу.

⁷⁶ Приказные люди – дьяки и подьячие Приказов и дворцового управления.

та, бояре и все приказные люди его государства людем многие убытки делали и казны его государские тощили, а прибытков его казне государственной некоторой не прибавляли, также бояре его и воеводы земли государственные себе розоимали, и другом своим и племяни его государские земли роздавали; и держачи за собою бояре и воеводы поместья и вотчины великие, а жалования государственные кормленные емлючи, и собрав себе великие богатства, и о государе и о его государстве и о всем православном христианстве не хотя радети, и от недругов его от Крымского и от Литовского и от Немец не хотя крестиянства обороняти, наипаче же крестияном насилие чинити, и сами от службы учали удалитися, и за православных крестиян кровопролитие против безсермен и против Латын и Немец стояти не похотели; и в чем он, государь, бояр своих и всех приказных людей, также и служилых князей и детей боярских похочет которых в их винах понаказати и посмотреть⁷⁷ и архиепископы и епископы и архимандриты и игумены, сложася с бояры и з дворяны и з дьяки и со всеми приказными людами, почали по ним же государю царю и великому князю покрывати; и царь и государь и великий князь от великие жалости сердца, не хотя их многих изменных дел терпети, оставил свое государство и поехал, где вселитися, идеже его, государя, бог наставит.

К гостем же и к купцом и ко всему православному крестиянству града Москвы царь и великий князь прислал грамоту с Костянтином Поливановым, а велел перед гостьми и перед всеми людами ту грамоту пронести дьяком Путилу Михайлову да Ондрею Васильеву; а в грамоте своей к ним писал, чтобы они себе некоторого сумнения не держали, гневу на них и опалы некоторые нет. Слышав же сия пресвященный Афонасий митрополит всеа Русии и архиепископы и епископы и весь освященный собор, что их для грехов сия склочишася, государь государство оставил, зело о сем оскорбеша и в велице недоумении быша. Бояре же и околничие, и дети боярские и все приказные люди, и священнический и иноческий чин⁷⁸, и множества народа, слышав таковая, что государь гнев свой и опалу на них положил и государство свое оставил, они же от многого захлипания слезного перед Афонасием митрополитом всеа Русии и перед архиепископы и епископы и пред всем освященным собором с плачем глаголюще: "увы!

⁷⁷ Посмотрити – проверить, пересмотреть.

⁷⁸ Священнический чин – белое духовенство, иноческий – монашество, черное духовенство.

горе! како согрешихом перед богом и прогневахом государя своего многими пред ним согрешения и милость его велию превратихом на гнев ... ныне к тому прибегаем и кто нас помилует и кто нас избавит от наложения иноплеменных? како могут быть овцы без пастыря? егда волки видят овца без пастуха, и волки восхитят овца, кто изметца от них?⁷⁹ также и нам как быти без государя?" И иная многая словеса подобная сих изрекоша ко Афонасию митрополиту всеа Руси и всему освященному собору, и не токмо сия глаголюще, наипаче велием гласом молиша его со многими слезами, чтобы Афонасий митрополит всеа Руси с архиепископы и епископы и со освященным собором подвиг свой учинил и плачь их и вопль утолил и благочестивого государя и царя на милость умолил, чтобы государь царь и великий князь гнев свой отовратил, милость показал и опалу свою отдал, а государства своего не оставлял и своими государьствы владел и правил, якоже годно ему, государю; а хто будет государьские лиходеи которые изменные дела делали, и в тех ведает бог да он, государь, и в животе и в казни его государьская воля: "а мы все своими головами едем за тобою, государем святителем, своему государю царю и великому князю о его государьской милости бита челом и плакаться». <...>

Бояре князь Иван Дмитриевич Белской, князь Иван Федорович Мстиславской и все бояре и околничие, и казначеи и дворяне и люди многие, не ездя в дома своя, поехаша с митрополичья двора за архиепископом и владыками в Александровскую слободу; также гости и купцы и многие черные люди со многим плачем и слезами града Москвы поехали за архиепископы и епископы бита челом и плакаться царю и великому князю о его царьской милости. Пимин же <...> да Чюдовский архимандрит Левкия приехав в Сломино и обослалися в Слободу, как им государь велит "очи свои видети".

Государь же им повеле ехати к себе с приставы; приехаша же в Слободу генваря в 5 день... И многим молением молиша его со слезами о всем народе крестиянском, якоже преди изрекохом. Благочестивый же государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, милосердую о всем православном крестиянстве, для отца своего и богомолца Афонасия митрополита всеа Руси и для своих богомолцов архиепископов и епископов, бояром своим и приказным людям очи свои видети велел и архиепископом и епископом и всему освященному собору милостивое свое жалованное

⁷⁹ Изметца – спасется, укроется.

слово рек: "для отца своего и богомолца Афонасия митрополита всеа Русии моления и вас для, своих богомолцов, челобитья государства свои взяти хотим, а как нам свои государства взята и государства свои владети, о том о всем прикажем к отцу своему и богомолцу к Афонасию митрополиту все Русии с своими богомолцы"... и отпустил их к Москве... А остави у себя бояр князя Ивана Дмитриевича Белского да князя Петра Михайловича Щетянева и иных бояр, а к Москве того же дни генваря в 5 день, отпустил бояр князя Ивана Федоровича Мстиславского, князя Ивана Ивановича Пронского и иных бояр и приказных людей, да будут они по своим приказом и правят его государство по прежнему обычаю. Челобитье же государь царь и великий князь архиепископов и епископов принял на том, чтобы ему своих изменников, которые измены ему, государю, делали и в чем ему, государю, были непослушны, на тех опала своя класти, а иных казнити и животы их и статки⁸⁰ имати; а учинити ему на своем государстве себе опришнину⁸¹, двор ему себе и на весь свой обиход учинити особой, а бояр и околничих и дворецкого и казначеев и дьяков и всяких приказных людей, да и дворян и детей боярских и столников и стряпчих и жилцов⁸² учинити себе особно; и на дворецех, на Сытном и на Кормовом и на Хлебном⁸³, учинити ключников и подключников и сытников и поваров и хлебников, да и всяких мастеров и конюхов и псарей и всяких дворовых людей на всякой обиход, да и стрелцов приговорил учинити себе особно⁸⁴.

А на свой обиход повелел государь царь и великий князь, да и на детей своих царевичев Иванов и царевичев Федоров обиход, города и волости: город Иोजаеск, город Вязму, город Козелеск, город Перемышль два жеребья, город Белев, город Лихвин обе половины⁸⁵, город Ярославец и с Суходровью, город Медынь и с Товарковою, город Суздаль и с Шуею, го-

⁸⁰ Животы их и статки – все имущество без остатка.

⁸¹ Опришнина – особая часть.

⁸² Стольники, стряпчие, жильцы (лучшие из городских дворян, по очереди жившие в Москве при дворе) – разряды дворян "московского чина", прямые царские слуги при его дворе.

⁸³ Сытный, Кормовой, Хлебный "дворцы" ведали заготовкой разного рода напитков, съестных припасов, хлебных изделий и т.п. на "обиход" царской семьи, дворцовых слуг, мастеров, иностранных послов и т.д.

⁸⁴ "Особные" стрельцы получили название стремянных: в конном строю они несли службу как бы у стремени царского коня.

⁸⁵ Жеребья, половина – части доходов с этих городов с их уездами.

род Галичь со всеми пригородки, с Чюхломою и с Унжею и с Коряковым и з Белогородьем, город Вологду, город Юрьевец Поволской, Балахну и с Узолою, Старую Русу, город Вышегород на Поротве, город Устюг со всеми волостями, город Двину, Каргополь, Вагу; а волости: Олешню, Хотунь, Гусь, Муромское селцо, Аргуново, Гвоздну, Опаков на Уфе, Круг Клинской, Числяки, Ординские деревни и стан Пахрянской в Московском уезде, Белгород в Кашине, да волости Вселун, Ошту, Порог Ладошской, Тотму, Прибужь. И иные волости государь поймал кормленным окупом⁸⁶, с которых волостей имати всякие доходы на его государьской обиход, жаловати бояр и дворян и всяких его государевых дворовых людей, которые будут у него в опришнине; а с которых городов и волостей доходу не достанет на его государьской обиход, и иные города и волости имати⁸⁷.

А учинити государю у себя в опришнине князей и дворян и детей боярских дворовых и городовых 1000 голов⁸⁸, и поместья им подавал в тех городех с одново⁸⁹, которые города поймал в опришнину; а вотчинников и помещиков, которым не быти в опришнине, велел ис тех городов вывести и подавати земли велел в то место⁹⁰ в ыных городех, понеже опришнину повеле учинити себе особно... Повеле же и на посаде улицы взяти в опришнину от Москвы реки: Чертолскую улицу и з Семчиньским селцом и до всполия⁹¹, да Арбацкую улицу по обе стороны и с Сивцовым Врагом и до Дорогомиловского всполия, да до Никицкой улицы половину улицы, от города едучи левою стороною и до всполия, опричь Новинского монастыря и Савинского монастыря слобод и опричь Дорогомиловские слободы, и до Нового Девича монастыря и Алексеевского монастыря слободы; а слободам быти в опришнине: Ильинской, под Сосенками, Воронцовской, Лыщиковской. И которые улицы и слободы поймал государь в опришнину, и в тех улицах велел быти бояром и дворяном и всяким приказным людем, которых государь поймал в опришнину, а которым в опришнине быти не велел, и тех ис всех улиц велел перевести в ыные улицы на посад.

⁸⁶ Кормленный окуп – налог на население, введенный после отмены "кормлений".

⁸⁷ Оговаривалось право царя собирать доходы с городов и волостей, не взятые в опришнину при ее учреждении.

⁸⁸ Общее число опричников (князей, бояр, дворян) за 1565-1572 гг. не превышало 4,5 – 5 тысяч человек, по другим данным, до 6 тысяч.

⁸⁹ С одново – в одних межевых границах владений, компактно.

⁹⁰ В то место – вместо конфискованных поместий и вотчин.

⁹¹ Всполье – окраина московского посада, где начинались поля и луга.

Государство же свое Московское, воинство и суд и управу и всякие дела земские, приказал ведати и делати бояром своим, которым велел быти в земских: князю Ивану Дмитриевичю Белскому, князю Ивану Федоровичю) Мстиславскому и всем бояром; а конюшему и дворотцкому и казначею и дьяком и всем приказным людем велел быти по своим приказом и управу по старине, а о болших делех приходити к бояром; а ратные каковы будут вести или земские великие дела, и бояром о тех делех приходити ко государю, и государь з бояры тем делом управу велит чинити⁹².

За подъем же свой приговорил царь и великий князь взяти из земского сто тысячъ рублей; а которые бояре и воеводы и приказные люди дошли за государские великие измены до смертныя казни, а иные дошли до опалы, и тех животы и статки взяти государю на себя. Архиепископы же и епископы и архимандриты и игумены и весь освященный собор⁹³, да бояре и приказные люди, то все положили на государьской воле.

Тоя же зимы, февраля месяца, повеле царь и великий князь казнити смертною казнью за великие их изменные дела боярина князя Олександра Борисовича Горбатово да сына его князя Петра, да околничево Петра Петрова сына Головина, да князя Ивана княже Иванова сына Сухово-Кашина, да князя Дмитрея княже Ондреева сына Шевырева. Бояр же князя Ивана Куракина, князя Дмитрия Немово повеле в черньцы постричи. А дворяне и дети боярские, которые дошли до государьские опалы, и на тех опалу свою клал и животы их имал на себя; а иных сослал в вотчину свою в Казань на житье з женами и з детми.

Печатается в сокращении по полному собранию русских летописей (Т. XIII. – СПб., 1906. – С. 391 – 396).

Послесловие к "Апостолу" (1564 г.)

Изволением отца и помощью сына и свершением святого духа, по повелению благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея великия России самодержца и по благословению преосвященного Макария митрополита всея Руси многие церкви воздвигались в царствующем граде

⁹² Земские бояре и приказные люди ведали лишь текущим управлением, верховная же власть в государстве принадлежала царю, как и до введения опричнины.

⁹³ В этом перечне церковных владык не назван митрополит Афанасий, уклонившийся от одобрения мероприятий Ивана IV.

Москве и по окрестным местам и по всем городам царства его, особенно же в новокрещенном месте, в городе Казани и в пределах ее. И все эти святые храмы благоверный царь украшал чтимыми иконами и святыми книгами, и сосудами и ризами и прочими церковными вещами, по преданию и по правилам святых апостолов и богоносных отцов и по постановлению благочестивых царей греческих, в Царьграде царствовавших, – великого Константина и Юстиниана и Михаила и Феодоры и прочих благочестивых царей, в свое время бывших. И поэтому благочестивый царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси повелел покупать святые книги на торгу и полагать их во святых церквах – псалтыри, евангелия, апостолы и прочие святые книги. Но из них мало оказалось годных, остальные же все искажены несведущими и неразумными переписчиками, а иные оттого, что пишущие оставляли их без исправления. И это стало известно царю, и он начал размышлять, как бы издать печатные книги, как у Греков, и в Венеции, и в Италии, и у прочих народов, чтобы впредь святые книги излагались правильно. И так возвещает мысль свою преосвященному Макарию митрополиту всея Руси. Святитель же, услышав, весьма обрадовался и, воздав благодарение богу, сказал царю, что мысль эта ниспослана богом и есть дар, нисходящий свыше. И так, по повелению благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и по благословению преосвященного Макария митрополита начали изыскивать мастерство печатных книг в год 61-й восьмой тысячи (1553); в 30-й же год (1563) царствования его благоверный царь повелел устроить на средства своей царской казны дом, где производить печатное дело.

И, не жалея, давал от своих царских сокровищ делателям, диакону церкви Николы чудотворца Гостунскому Ивану Федорову да Петру Тимофееву Мстиславцу на устройство печатного дела и на их обеспечение до тех пор, пока дело их не пришло к завершению. И начали печатать впервые эту святую книгу, Деяния апостольские и послания соборные и святого апостола Павла послания в год 7070 первый (1563), апреля 19-го на память преподобного отца Иоанна Палеврета, т.е. из древней Лавры. Окончены же были в год 7070 второй (1564), марта в 1 день при архиепископе Афанасии, митрополите всея Руси, в первый год святительства его, во славу всемогущей живоначальной Троицы, отца и сына и святого духа. Аминь.

«У истоков русского книгопечатания» (Пер. М.В. Щепкиной. – М., 1959. – С. 216 – 220).

Быт русской семьи по "Домострою" (XVI в.)

<...> Как дети должны чтить отцов своих духовных и повиноваться им. Необходимо изыскать отца духовного доброго, боголюбивого, благо-разумного, рассудительного, строгого, трезвого, несребролюбивого. Такого отца духовного надлежит почитать и повиноваться ему во всем, исповедовать грехи свои без утайки, откровенно, наставления его исполнять. Должно его приглашать к себе часто, совещаться с ним во всяком деле, повеления его с любовью принимать, бить челом перед ним низко. К нему приходите, дары ему давайте от своих трудов по силе, спрашивайте его ежедневно. Если духовный будет за кого-либо ходатайствовать, то ходатайство выслушать, виновного пожаловать, смотря по вине, рассмотрев дело с духовным отцом.

Как детей учить и страхом спасать. Наказывай сына твоего в юности, и он успокоит тебя в старости и принесет тебе честь. Не будь скуп на удары дитяти, ибо от палочных ударов он не умрет, а поздоровеет; нанося удары телу, спасаешь душу от смерти. Не улыбайся ему, не играй с ним; ибо в малом деле посмеявшись, в большом пострадаешь. Не дай ему власти в юности и сокруши ему ребра, пока он растет, чтобы, возмужав, не перестал повиноваться тебе, ибо в таком случае будет больно и досадно твоей душе, убыточно твоему дому, будет погибель имению твоему, укоризна от соседей, пред властью поплатишься и претерпишь разные неприятности.

Как научать мужу жену свою, как угодить Богу и мужу своему, как хорошо устроить дом, завести в хозяйстве порядок, рукоделие всякое знать и самой делать. Мужья должны поучать жен своих с любовью и разумно. Жены должны спрашивать мужей своих, как Богу и мужу угодить, дом свой устроить. Они должны им во всем покоряться. Они должны иметь страх Божий и соблюдать чистоту телесную. Встав с постели, очистив себя и молитву сотворив, они должны женщинам и девкам (прислуге) задать урочную работу на день. Хозяйка сама должна знать, как мука сеется, как квашня готовится, как в печи валяются хлебы, простые и сдобные, как выпекаются; она должна знать приготовление калачей и пирогов, количество муки, необходимое для этого, сколько чего можно сделать из четверти, осьмины или решета, сколько будет отрубей, сколько выйдет печения; меру должно знать во всем. Сама хозяйка должна уметь изготавливать мясные и рыбные блюда, всякие пироги и блины, всякие каши и кисели,

118

всякие пирожки. Умея сама, пусть она и слуг научит этому. В то время, когда хлеб пекут, стирают и белье, чтобы не выходило лишних дров. Хозяйка надсматривает, как стирают красные рубашки и лучшие вещи, сколько и на какое количество рубашек выходит мыла и золы, хорошо ли вымыто, выварено, выполоскано, высушено и выкатано все. Всему этому она должна знать счет, отдавать в стирку по счету и принимать по счету. Старые вещи должны быть бережно починены, ибо они пригодятся для сироток. Когда хлебы пекут, отделить часть теста и пироги начинить в дни скоромные со скоромною начинкой, а в постные дни с кашей, горохом, маком, репой, грибами, рыжиками, капустой, с чем Бог даст, все же семье это доставит удовольствие. Такова должна быть хорошая хозяйка. Она должна знать все, что касается до пива, меда, вина, кваса, уксуса, кислых щей, что как делается. Если она все это знает, то благодаря распоряжениям мужа и ее разумом хозяйство пойдет хорошо и всего будет много. Служанкам рукодельным указать должно работу: шить рубашки, вышивать шелком и золотом. Самой необходимо надзирать, выдавать, тафту, золото, серебро, отвесив, отмерив и сообразив, сколько чего нужно. Малых девок учить, чему следует; замужним женщинам, которые делают черную работу, избу топят, хлебы пекут, платья моют, выдавать лен, чтобы они прядли на мужа и детей; одинокая женщина пусть прядет лен на господина, а из остатков чесания льна – на себя. Сама хозяйка никогда, разве в случае болезни, не должна быть без дела; слуги, глядя на нее, должны вести себя так же. Придет ли муж или гостя обычная, она должна всегда сидеть за работою. Слуги не должны никогда будить госпожу, а она должна будить их. Ложась спать, она должна после работы всегда совершить молитву.

Как устроить дом хорошо и чисто. Согрев утром воды, перемыть, вытереть и высушить стол, блюда, ставцы; ложки и всякие сосуды. То же сделать после обеда и вечером. Ведра, лотки, квашни, корыта, сита, решета, горшки также всегда вымыть, вычистить, высушить, положить в чистое место. Все сосуды и принадлежности должны быть всегда чисты, не должны разбрасываться по скамьям, двору, хоромам; все должно быть на своем месте. Изба, стены, скамьи, пол, двери, даже в сенях и на крыльце должны быть вымыты, выкрашены, чтобы всегда было чисто. Пред нижним крыльцом сена положить для вытирания ног. Чтобы не загрязнить лестницы и сеней, положить перед дверью или рогожку, или старый войлок. В грязную погоду у нижнего крыльца сено переменить, равно как рогожку или вой-

лок. За всем этим жена должна смотреть, всему этому она должна учить слуг и детей, добром и лихом: коли не действуют слова – побоями. Но если муж увидит, что у жены и слуг нет порядка и делается не так, как здесь написано, то должен он жену научить.

Когда она делает все как следует, то заслуживает любви и жалования; если же она не живет по наставлению, сама не исполняет своих обязанностей и слуг не учит исполнять, то пусть муж накажет и пострашает ее наедине, а наказав, пожалует и скажет доброе слово. Должно наказывать с любовью; не следует мужу сердиться на жену, а жене на мужа, но жить им в любви и откровенности. Со слугами и детьми поступать так же: наказывать по вине и побить, потом пожаловать.

Но если жена, или сын, или дочь слова и приказания не слушают, не боятся, не делают того, что муж, отец или мать повелевают, то их плетью постегать, смотря по вине; а бить их наедине, не при людях наказывать. За какую-либо вину не бить по уху, по лицу, под сердце кулаком, пинком, не колоть посохом, ничем железным и деревянным не ударять. Тот, кто в сердцах так бьет, может большой вред причинить: слепоту, глухоту, повреждение руки или ноги. Должно бить плетью и разумно, и больно, и страшно, и здорово. Когда вина велика, когда ослушание или небрежение было значительное, снять рубашку и плеткою вежливо побить, за руки держа, да побив, чтобы гнева не было, сказать ласковое слово. Да чтобы люди этого не видели и не слышали.

*Печатается по кн. «Историческая хрестоматия по русской истории»
(Я. Гуревич, Б. Павлович. – СПб., 1889. – В 3 ч. Ч. 2. – С. 53 – 55).*

Учебное издание

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ РУСИ

Часть 2

Составитель

Профессор

ГУЛЯЕВА Валентина Васильевна

На обложке:

А.Бубнов «Утро на Куликовом поле»

Редактор Е.В. Невская

Технический редактор Н.В. Тупицына

Корректор В.В. Гурова

Компьютерная верстка Е.Г. Радченко

ЛР № 020275. Подписано в печать 06.04.06.

Формат 60x84/16. Бумага для множит. техники. Гарнитура Таймс.

Печать на ризографе. Усл. печ. л. 6,97. Уч.-изд. л. 7,46. Тираж 100 экз.

Заказ

Издательство

Владимирского государственного университета.

600000, Владимир, ул. Горького, 87.